

ХРЕСТОМАТИЯ ПО ОСНОВАМ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ

ХРЕСТОМАТИЯ
ПО ОСНОВАМ
ДУХОВНОЙ
КУЛЬТУРЫ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ХРЕСТОМАТИЯ ПО ОСНОВАМ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ

Учебное пособие

*Допущено учебно-методическим советом ВГПУ
в качестве учебного пособия, предназначенного
для студентов бакалавриата, обучающихся по направлению
44.03.01 «Педагогическое образование»,
профиль «Начальное образование»*

Составитель:
С.В. Веретенникова

ВОРОНЕЖ
Воронежский государственный педагогический университет
2019

УДК 17.0
ББК 70
Х91

*Издано по решению
учебно-методического совета ВГПУ.
Протокол № 9 от «6» июня 2019 года*

Рецензенты:

кандидат богословия, профессор Воронежской духовной семинарии,
руководитель отдела религиозного образования и катехизации
Воронежской епархии Русской Православной Церкви

протоиерей Василий Попов;

доктор педагогических наук, заведующая кафедрой педагогики
и методики дошкольного и начального образования Воронежского
государственного педагогического университета ***М.В. Дюжакова;***

доктор педагогических наук, профессор Кубанского
государственного университета ***А.А. Остапенко;***

кандидат исторических наук, заведующая лабораторией
духовно-нравственного воспитания Воронежского института
развития образования ***Т.В. Дорофеева;***

кандидат богословия, настоятель домового храма во имя св. Нестора Летописца
при Воронежском государственном педагогическом университете

священник Алексей Федянин

*Автор благодарит М.Д. Вострикову за помощь
в подготовке пособия*

Хрестоматия по основам духовной культуры : учебное пособие
X91 для студентов бакалавриата, обучающихся по направлению 44.03.01 «Педагогическое образование», профиль «Начальное образование» / сост. С.В. Веретенникова. – Воронеж : Воронежский государственный педагогический университет, 2019. – 248 с.

ISBN 978-5-00044-707-9

Настоящая книга призвана помочь будущим учителям начальных классов в вопросе освоения учебной дисциплины «Основы духовной культуры», изучаемой в крайнем семестре выпускного курса бакалавриата Воронежского государственного педагогического университета. Материал хрестоматии подобран в соответствии с разделами учебной программы. В хрестоматии представлен основной спектр выводов, мнений и богословско-педагогических аргументов по основам духовной культуры.

Пособие предназначено для студентов бакалавриата, обучающихся по направлению 44.03.01 «Педагогическое образование», профиль «Начальное образование», в т.ч. и при дистанционном обучении студентов. Книга может быть интересна практикующим педагогам, осуществляющим духовно-нравственное воспитание в условиях действующих образовательных стандартов.

**УДК 17.0
ББК 70**

© Веретенникова С.В., составление, 2019

© Воронежский государственный педагогический университет,
ISBN 978-5-00044-707-9 редакционно-издательская обработка, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Материалы к теме 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ И НОРМАТИВНО-ПРАВОВАЯ БАЗА КУРСА «ОСНОВЫ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ»	8
Выступления Президента России В.В. Путина и Святейшего Патриарха Кирилла по случаю празднования 1030-летия Крещения Руси.....	8
<i>Ильин Иван Александрович. Бессердечная культура</i>	13
<i>Тростников Виктор Николаевич. Православная цивилизации</i>	19
<i>Ушинский Константин Дмитриевич. О народности в общественном воспитании</i>	22
<i>Ушинский Константин Дмитриевич. О необходимости сделать русские школы русскими</i>	24
<i>Ушинский Константин Дмитриевич. О нравственном элементе в воспитании</i>	27
<i>Метлик Игорь Витальевич. Формирование методики преподавания православной культуры в контексте социокультурной эволюции российского общества и церковно-государственных отношений в сфере образования</i>	33
<i>Склярова Татьяна Владимировна. Методические принципы преподавания православной культуры в современной школе</i>	40
Программа духовно-нравственного просвещения в общеобразовательных учреждениях Воронежской области	45
Материалы к теме 2. ТЕОЛОГИЯ КАК РЕСУРС ОСВОЕНИЯ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ. ПОНИМАНИЕ БОГА В ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЕ	51
<i>Иларион (Троицкий), священномученик. Наука и жизнь</i>	51

<i>Лука (Войно-Ясенецкий), святитель. Сердце как орган высшего познания</i>	53
<i>Иларион (Алфеев), митрополит. Теология и преподавание религии в школе</i>	61
<i>Лихачев Дмитрий Сергеевич. О религии</i>	64
<i>Ельницкий Константин Васильевич. Из записной тетради старого учителя</i>	65
<i>Каптерев Петр Федорович. Нравственно-эстетический элемент образовательного процесса</i>	69
<i>Копировский Александр Михайлович. «Троечисленное число всему добру начало...». «Троица» Андрея Рублева</i>	77
Материалы к теме 3. БИБЛИЯ И ДРУГИЕ ПИСЬМЕННЫЕ ФОРМЫ ХРАНЕНИЯ И ПЕРЕДАЧИ ОСНОВ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ	84
Тексты Библии в содержании курса «Основы православной культуры».....	84
<i>Андерсон Кирилл. Книга, открытая всем</i>	98
<i>Никифоров-Волгин Василий Акимович. Древняя Книга</i>	102
Библейские аллюзии в русской и зарубежной литературе.....	104
<i>Непомнящий Валентин Семенович. К проблеме целостной концепции русской культуры</i>	105
<i>Сальвестрони Симонетта. Библейские и святоотеческие источники романов Достоевского</i>	107
<i>Андрей Кураев, дьякон. «Мастер и Маргарита»: за Христа или против?</i>	113
<i>Андерсен Ханс Кристиан. Снежная королева</i>	118
<i>Некрасов Николай Алексеевич. Сеятелям</i>	126
<i>Бунин Иван Алексеевич. И цветы, и шмели, и трава, и колосья</i>	127

Диалоги для инсценировки	
Евангельских притч.....	127
<i>Алексий (Гордеев), иеромонах. Притча о сеятеле.....</i>	128
<i>Алексий (Гордеев), иеромонах. Притча о блудном сыне.....</i>	130
Материалы к теме 4. ЧЕЛОВЕК В КОНТЕКСТЕ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ. ЦЕЛОСТНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ЧЕЛОВЕКЕ.....	133
<i>Ильин Иван Александрович. Спасение в цельности.....</i>	133
<i>Франкл Виктор Эмиль. Доктор и душа: от психотерапии к логотерапии.....</i>	141
<i>Франкл Виктор Эмиль. Человек в поисках смысла.....</i>	143
<i>Франкл Виктор Эмиль. Психотерапия и религия.....</i>	144
<i>Ушинский Константин Дмитриевич. Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии.....</i>	146
<i>Зеньковский Василий Васильевич. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии.....</i>	150
<i>Слободчиков Виктор Иванович, Исаев Евгений Иванович. Феномен человека (из книги «Психология человека: введение в психологию субъективности»)</i>	159
<i>Василий Попов, протоиерей. Православное понимание нравственности.....</i>	162
Характеристика современной социокультурной ситуации.....	167
<i>Дорофеева Татьяна Васильевна. Модернизм как социокультурное явление и духовно-нравственное воспитание молодежи.....</i>	167
<i>Панарин Александр Сергеевич. Постмодернизм и глобализация.....</i>	172
Глубинные изменения современного подрастающего поколения и обусловленные ими проблемы воспитания.....	176

<i>Фельдштейн Давид Иосифович. Глубинные изменения детства и актуализация психолого-педагогических проблем развития образования</i>	176
<i>Остапенко Андрей Александрович. Воспитание небытием или воспитание подлинностью?</i>	181
<i>Кольцов Алексей Васильевич. Человек (Дума)</i>	185
Материалы к теме 5. ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК КАК ОТРАЖЕНИЕ ДУХОВНЫХ ОСНОВ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ	186
<i>Ломоносов Михаил Васильевич. Предисловие о пользе книг церковных в российском языке</i>	186
<i>Гоголь Николай Васильевич. О том, что такое слово</i>	190
<i>Лука (Войно-Ясенецкий), архиепископ. Язык – огонь</i>	191
<i>Лихачев Дмитрий Сергеевич. Письмо девятнадцатое. Как говорить?</i>	192
Из интервью с Д.С. Лихачевым (Извлечения).....	194
Слово спасения (Из воспоминаний в прошлом бойца спецназа ВДВ, а сегодня священника Русской Православной Церкви Николая Кравченко).....	198
<i>Остапенко Андрей Александрович, Хагуров Темыр Айтөчевич. От кризиса языка к хаосу в головах. Языковые интервенции как причины духовной деградации молодёжи</i>	199
<i>Черванева Виктория Алексеевна. Язык и культура славян</i>	202
Материалы к теме 6. ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРАВОСЛАВНЫХ ПРАЗДНИКОВ	205
<i>Непомнящий Валентин Семенович. Пасхальная и Рождественская культуры</i>	205
<i>Сергий Коротких, священник. О любви</i>	209
<i>Веретенникова Светлана Викторовна. Методические рекомендации по актуализации духовно-нравственного потенциала праздников</i>	217

Материалы к теме 7. ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ОСНОВ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ	234
<i>Успенский Леонид Александрович. На путях к единству?</i>	234
Материалы к заключению	237
<i>Шишков Александр Семенович. Рассуждение о любви к Отечеству</i>	237
<i>Потанина Лейла Тахировна, Склярова Татьяна Владимировна. Смыслопорождающая деятельность педагога как средство духовно-нравственного развития личности младшего школьника</i>	240
Список литературы	243

Материалы к теме 1
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ
И НОРМАТИВНО-ПРАВОВАЯ БАЗА КУРСА
«ОСНОВЫ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ»

Выступления Президента России В.В. Путина
и Святейшего Патриарха Кирилла по случаю
празднования 1030-летия Крещения Руси

Президент РФ: Крещение Руси – это ключевой, поворотный этап нашей истории, событие цивилизационного масштаба и преобразующей духовной силы. Оно определило дальнейший многовековой путь России, оказало влияние на все мировое развитие.

Мы традиционно отмечаем это событие как большой праздник, с глубоким почитанием наших предков, проявивших мудрость и великое предвидение, открывших эпоху, к которой все мы принадлежим и поныне.

Крещение Руси неразрывно связано с именем святого равноапостольного князя Владимира. Он сделал этот решающий выбор, стал проводником веры, увидел в ней нравственную опору, красоту, свет истины и добродетели, основу для обновления жизни, укрепления сплоченности, общности народов, населявших древнюю Русь.

Воин, прошедший жестокие битвы и испытания, Владимир стал созидателем, просветителем, творцом. Под его водительством строились церкви и монастыри, города, школы, библиотеки.

Крещение – это отправная точка становления и развития российской государственности, настоящего духовного рождения наших предков, определения их идентичности, самосознания, расцвета национальной культуры и образования, развития многоплановых связей с другими странами.

Конечно, все это было непросто, но Православие сделало то, чего раньше не было, – обратилось к человеку, к его совести и его душе, обратилось с вечным призывом к милосердию, добру и любви.

И этот призыв был услышан. Крещение Руси открыло ее народам подлинные нравственные, духовные ориентиры.

Как отметил мыслитель и философ Лев Гумилев, «крещение дало нашим предкам высшую свободу – свободу выбора между добром и злом, а победа Православия подарила Руси тысячелетнюю историю».

Народы, принявшие христианские истины как свои, как родные, смогли достичь небывалых высот в политике, искусстве, литературе, в науках и хозяйственной деятельности, получили колоссальный опыт единения, который не один раз спасал, укреплял и поддерживал на самых суровых исторических переломах нашу Родину.

Это величайшее духовное наследие неподвластно времени. Наш священный долг – сохранять и приумножать его для будущих поколений.

Очень важно, что современное общество заботится об упрочении нравственных опор. Огромная роль здесь принадлежит благотворительным, просветительским организациям, всем ответственным и неравнодушным гражданам нашей страны. И конечно, Русской Православной Церкви, которая никогда не прекращала свое подвижничество.

Мы глубоко признательны за этот подвиг, за неустанные молитвы о России, ее народе, наших соотечественниках за рубежом, наших соседях и братьях во имя мира, согласия и добра.

Глава Русской Православной Церкви: Сегодня мы собрались у памятника Крестителю Руси, чтобы вспомнить о событии более чем 1000-летней давности, о событии, которое предопределило дальнейший ход истории славянских народов. Сегодня мы чувствуем и самого виновника торжества – равноапостольного князя Владимира, мировоззренческий выбор которого навсегда изменил облик не только славянской, но и всей христианской цивилизации. Читая и перечитывая житие святого князя, не перестаешь удивляться тому, сколь премудрыми были пути Бога, приведшие его ко спасению. Что бы мы сказали о человеке, который отбирает у старшего брата невесту, коварно убивает его и родственников девушки, а затем насильно берет ее в жены? Что бы мы сказали о том, кто, быв побежден похотью, приводит к себе замужних женщин и растлевает девиц? Наконец, что бы мы сказали о правителе, который ради успеха в сражении приказывает повсеместно приносить человеческие жертвы деревянным ис-

туканам? Именно таким человеком был князь Владимир до своего крещения. И, вполне осознавая это, мы лучше начинаем понимать, как глубока и удивительна была происшедшая с ним впоследствии перемена. Некогда жестокий правитель стал жить в страхе Божиим, имея мир и любовь с соседними князьями, раздавая обильную милостыню нищим, помогая больным и увечным. Мы читаем «Повесть временных лет» и словно не узнаем прежнего человека.

Что же случилось? В чем причина столь разительной радикальной перемены не только мировоззрения, но и внутреннего состояния души? Летописец рассказывает о случае, когда один из дружинников князя, христианин по вере, отказался отдавать своего сына в жертву языческим богам. Стойкость и мужество людей, исповедовавших Христа и претерпевших за это мученическую кончину, безусловно, произвели на князя огромное впечатление. Он начинает размышлять о силе такой веры. Его сердце ищет правды. Он понимает, что язычество не может дать ответы на многие волнующие его вопросы, и обращается к духовному опыту других народов. Выслушав проповедников из разных стран, он останавливает свой выбор на восточном христианстве византийской традиции. Историки ищут политические подтексты в решении князя, которые он, будучи дальновидным государственным мужем, вероятно, не мог не учитывать. Но главное все же не это. Главное – это осознанный выбор Христа. Сердце князя откликнулось на благую весть, он действительно захотел жить по Евангелию, он на себе захотел испытать, что означает этот нравственный христианский идеал.

Но ведь при этом сам человек должен очень сильно жаждать перемены, а перемене жизни всегда предшествует перемена ума. И Господь ответил на внутренний порыв князя Владимира. Просвещенный и преображенный благодатью Божией, он пожелал, чтобы и весь народ познал радость жизни во Христе, как он ее познал, чтобы и на земле исторической Руси просиял свет Евангельской истины. Так начинается повсеместное строительство храмов, и одну из первых церквей равноапостольный князь приказывает построить на месте убиения того самого дружинника-христианина Феодора и его сына. Начинают открываться первые школы, где молодые люди обучаются грамоте.

Культура и просвещение самым непосредственным и тесным образом связаны с приобщением наших предков к христианской традиции. Крещение в водах Днепра ознаменовало новый этап в духовном, нравственном и культурном становлении восточных славян, открыло новую страницу в их истории. Как сегодня уже было сказано в Послании Священного Синода, прозвучавшем за Литургией, религиозный выбор стал выбором образа жизни и стиля культуры. Православные духовно-нравственные ценности в значительной степени сформировали национальные черты характера и многие душевные качества нашего человека. Мужество и самопожертвование, честность и совесть, сострадание, обостренное чувство справедливости – вот наши национальные ценности и национальные идеалы. Христианская традиция стала основой для создания светской культуры, включая литературу, живопись, музыку, архитектуру. В этом заключается поистине всемирное значение равноапостольного подвига князя Владимира. Мы подарили человечеству не только такие шедевры церковного искусства, как творения Рублева и Дионисия, замечательные архитектурные ансамбли храмов и монастырей, но и гениальные произведения Достоевского и Гоголя, Чайковского и Рахманинова, Репина и Васнецова, Бердяева и Лосского. Христианскую цивилизацию невозможно сегодня представить без русского Православия, границы которого – от края до края земли. Наша Церковь взрастила выдающихся святых и подвижников духа – преподобных Антония и Феодосия Киево-Печерских, Сергия Радонежского и Серафима Саровского, Симеона и Евфросинию Полоцких и многих-многих других, чьи имена не счесть.

Сегодня день Крещения отмечают и в Москве, и в Киеве, и в Минске, и в других городах. Миллионы людей возносят свои молитвы равноапостольному князю о благополучии и мире в странах исторической Руси, и в этой общей молитве забываются взаимные обиды, споры и разделения. Этой молитвой укрепляются прочные духовные связи, существующие между нашими народами. Эти связи не зависят от национальной принадлежности, от особенностей культуры или от изменяющихся государственных границ. Мы знаем, что и в прежние времена, и сегодня это вызывает раздражение у тех, кто хотел бы видеть мировой ландшафт идеально постриженным газоном. Но там, где газон, не могут

свободно развиваться растения. Как об этом замечательно сказал Николай Александрович Бердяев, на газоне нет свободы, но свобода там, где каждое растение развивается в меру своих сил.

А мы, вдохновляемые и ободряемые примером жизни святого Крестителя Руси, призваны подражать его стремлению к единству и согласию. Жизнь по стихиям мира сего легка и удобна. Гораздо сложнее найти в себе силу уклониться от зла, противостоять греху, сдерживать гнев, прощать обиды. Поступая так, мы будем убедительно и зримо свидетельствовать о том, что являемся настоящими учениками Господа Иисуса, достойными преемниками и продолжателями подвига святого князя Владимира, наследие которого живо и действенно по сей день. По молитвам равноапостольного князя Владимира да ниспошлет милостивый Бог народам исторической Руси благополучие, укрепит в вере, наставит на путь правды, обновит силы, чтобы и дальше победно следовать за Христом Спасителем.

*По материалам официальных сайтов
Президента России(<http://kremlin.ru>)
и Московского Патриархата
(<http://www.patriarchia.ru>)*

Вопросы и задания

1. Подумайте, почему Крещение Руси считается отправной точкой становления и развития нашего государства? Что является отправной точкой летоисчисления в современном мире? Как связаны между собой эти два факта?

2. В день празднования памяти князя Владимира, выступающие обратились к именам отечественных философов (Бердяева, Гумилева), композиторов (Рахманинова и Чайковского), писателей (Гоголя и Достоевского), художников (Васнецова и Репина), святых, «художников духа» (Сергия Радонежского и Серафима Саровского). Насколько это целесообразно?

3. Какие идеи, мысли, фразы в этих выступлениях для вас наиболее лично и профессионально значимы?

Иван Александрович Ильин
Бессердечная культура

Из переписки двух ученых

Вот что стояло в его письме.

«Достоуважаемый коллега!

Не понимаю, чего Вы, собственно говоря, требуете от современного человечества?.. Чем дальше идет развитие культуры, тем напряженнее, тем интенсивнее она становится. Культура есть *вообще воплощение интенсивности*: «многое» собирается и сосредоточивается (аккумуляция) и затем действует в формах концентраций (интенсивность). Это составляет самую сущность культуры. Именно бескультурность выражается в рассеянии, в рассредоточенности; и именно поэтому варварство есть явление распада, бесформенного множества, экстенсивности, вялого бессилия. Напротив, кто хочет творить культуру, тот должен собрать свои силы, научиться концентрации, вниманию, единению; он должен все взвешивать, вкладывать в дело все свои силы и стойко держаться до конца. Без этого никакая культура невозможна. Но это и есть приговор для всякой наивности, непосредственности и бессознательности. Мысль и воля должны проснуться, сосредоточиться, подчинить себе воображение и создать необходимое. При чем тут так называемая «жизнь чувства», или, как еще говорят, «сердца»? Что она может дать? Она будет только отвлекать, уводить, мешать умственной концентрации, ослаблять волевую энергию...

Стоит только перебрать по очереди отдельные области человеческой культуры – и все сразу обнаружится.

Возьмем ли всеопределяющую ныне *технику*, великую основу всякого культурного начинания. Она строится на математическом естествознании и руководится соображениями экономии сил, полезности и дохода. Здесь чувство ничего не может; оно будет только мешать и должно быть устранено...

Возьмем ли *хозяйство*, и, в частности, *деловой оборот*: две великие сферы реальной необходимости и целесообразной организации – царство трезвого расчета, хладнокровного взвешивания и предвидения. Здесь все решается верной калькуляцией, конкуренцией, рекламой и быстро принятым решением. Где здесь

место для любви? Оно только спутает все, растворит, разложит и подорвет; оно поколеблет и остановит весь хозяйственно-общественный механизм, заставит человека наделать нерасчетливых глупостей и разорит его. Человек борется с человеком за свое существование – и на этом держится все хозяйство. Здесь господствует инстинкт самосохранения и соперничество. И кто предается чувствам и чувствительности, тот пропащий человек...

Посмотрите на *науку* – этот главный двигатель всей современной культуры. Здесь все построено на объективном наблюдении и бесстрастном анализе. Жизнь чувства, с его неустойчивостью и капризной субъективностью, внесла бы в науку только туман и пристрастие; и потому она должна быть здесь подавлена или во всяком случае устранена. Чем меньше «симпатии» и «антипатии», волнения и негодования, тем успешнее идет научное исследование. Ненависть и любовь только плодят научные ошибки. «Сердцу» просто нечего делать в науке.

А если взять культуру, как *политику*, то тут уже совсем не будет места для «сентиментальности». В политике царит личный, групповой и классовый интерес. Здесь идет умная и дерзкая борьба за власть. Здесь нужен холодный расчет, трезвый и зоркий учет сил, дисциплина и удачная интрига; и конечно – искусная реклама.

Политик должен блюсти равновесие в народной жизни и строить «параллелограмм сил» в свою пользу. При чем тут чувство? Сентиментальный политик никогда не дойдет до власти, а если получит ее, то не удержит. Здесь все решается *волей и силой*, и любви здесь нечего делать. Сентиментальность погубит *всякий* государственный строй.

Заговорите о любви в *современном искусстве*, и на Вас все обернутся как на устаревшего чудака-профана. Современное искусство есть дело развязанного воображения, технического умения и организованной рекламы. Сентиментальное искусство отжило свой век; это был век пастушек и романтиков. Ныне царит *изобретающее и дерзающее* искусство, с его «красочными пятнами», звуковыми пряностями и эффектными изломами. И современный художник знает только две «эмоции»: зависть, при неудаче, и самодовольство, в случае успеха.

И вот от всей культуры остается только религия, которая ныне, кажется, поколеблена в самых своих основах. Но западные

европейцы давно уже уяснили себе, что в религии должна господствовать *воля, дисциплина и богословское доказательство*. Для того, чтобы иметь веру и религию, человек должен *захотеть веры и подавить свои сомнения*. Он должен подчинить себя церковной дисциплине и погасить свои субъективные симпатии. Самостоятельное, свободное кипение чувств и разнуздание личных мнений только подрывает и разрушает религию. Здесь нет места ни сомнению, ни произволу; и если церковь хочет быть сильною, то она должна *устранить сердце из религии*.

Вот почему культура вообще не нуждается в жизни чувства: последнее должно быть обуздано, укрощено и преодолено. Распущенное чувство есть прямо признак некультурности, пережиток варварских времен»...

Я отвечал ему.

«Ваши определения, почтенный коллега, очень ясны и чрезвычайно поучительны. Они удивительно освещают всю проблему. Именно из того, что Вы вскрыли, у современных поколений западного человечества возникла нынешняя бессердечная культура. И все мы должны постоянно думать о том, сможет ли она дальше существовать в таком виде и как можно было бы спасти ее... Потому что предварительные итоги ее развития являют картину сущего *крушения*, а может быть, и *величайшей катастрофы*...

Культура последнего века покоится на некоторых основных предпосылках, которые редко выговариваются открыто, но которые внушаются современному «культурному человеку» с самого детства как нечто само собой понятное и не допускающее никаких сомнений. Именно поэтому он впитывает их в себя как бы с молоком матери и живет ими всю жизнь. Вот эти предпосылки.

Сердце существует только для глупых людей; умные люди не считаются с ним и не поддаются его нашептам. Совесть есть выдумка блаженных; с нею носятся только сентиментальные люди; только нежизнеспособные фантазеры дрожат перед этим призраком добродетели. Вера изжита и стала пережитком; она прощительна только наивным и непросвещенным людям; а умные и образованные люди могут только притворяться верующими, и притом в силу расчета и лукавства. Любовь есть или здоровый половой инстинкт, нужный для деторождения, или же старомодная сентименталь-

ность, лицемерная фраза, остаток первобытного прошлого, которому нет места в современной культурной жизни...

Как сложились, как окрепли эти предпосылки современной культуры, – это долгая история: все развитие западноевропейского человечества дает ответ на этот вопрос; и было бы чрезвычайно поучительно проследить кристаллизацию этих основ из столетия в столетие. Однажды появится русский ученый, который выполнит эту работу. Под многовековым влиянием языческого, а потом католического Рима люди культивировали *волю и мышление*; они старались овладеть воображением, столь неосторожно проснувшимся в эпоху Возрождения, и подчинить его; и пренебрегали жизнью чувства, во всей его благодатной глубине, свободе и силе. От всего чувства оставалась одна чувственность: эротика без любви. Только от времени до времени вырывались из земли и поднимались к небу – совсем индивидуально и самовластно – личные «гейзеры» чувства, горячие источники любви и совести, которые при жизни не встречали ни понимания, ни сочувствия; а после смерти их личного носителя <его> дело искажалось или предавалось забвению (таков был Франциск Ассизский в Италии, таков был Мейстер Экхарт в Германии, таков был Томас Карлейль в Англии). Мы, конечно, отметим и признаем в современной культуре начало общественной благотворительности; но при ближайшем рассмотрении окажется, что в основе ее лежит волевая дисциплина, соображение о пользе и умелая организация, а совсем не любовь, не совесть и не чувство. Общественная благотворительность на Западе обдумана и умна; почти всегда хорошо налажена и приносит немало пользы; но она почти всегда жестка и холодна, нелюбовна и неделикатна, ограничена определенными социальными группами и никак не связана с живою добротою... Она благотворит с выхолощенным сердцем.

Именно в этом все дело: западноевропейская культура сооружена как бы из *камня и льда*. Здесь религия, искусство и наука (за немногими, гениальными, исключениями) холодны; а политика, техника, хозяйство и деловой оборот – жестки и суровы и вменяют себе эту жесткость в великую заслугу («высший уровень культуры!»)... Любовь мешает уму и воле, а культура считается именно делом воли и ума. Проявлять жизнь чувства ребячливо, несерьезно; просто – смешно! и стать смешным – это самое

страшное дело для «серьезного» человека... Культура есть дело строгое; а строгость формальна, холодна и жестка.

Умный английский философ Гоббс формулировал однажды социологический закон: «человек человеку – волк» (*homo homini – lupus*). Было бы несправедливо сказать, что это и есть закон современной культуры. Однако «культурное приличие» требует того, чтобы люди обращали друг на друга как можно меньше внимания: не обременяли друг друга ненужным наблюдением и общением. Человек человеку – прохожий. Или, как тонко подметил Чехов, человек человеку не то запертый сундук, не то источник недоразумений. Люди подобны деревянным шарикам, которые чокаются друг о друга и отскакивают в разные стороны. Люди друг другу – соперники или конкуренты; и каждый опасается чужого недоброжелательного ока и осуждающего разговора. Они заботятся друг о друге лишь в меру ожидаемой от другого имущественной или служебной пользы, или в меру своего тщеславия, или еще – в меру чувственного влечения. А использованного человека «списывают со счета» и при первом удобном случае предают. И делают это совершенно сознательно и довольно ловко. И, зная это, для приличия – время от времени декламируют о гуманности; и расчетливо, с навязчивой рекламой, организуют «гуманные заведения». А, впрочем, люди, как деревянные шары, случайно наталкиваются друг на друга, отскакивают и катятся дальше своею случайной дорогой. Люди относятся друг к другу так, как если бы их нормальное «рядом-жительство» было подготовительной стадией для столь же нормального «взаимного нападения». Но именно поэтому, как только дело доходит до борьбы, так оказывается, что «человек человеку волк»...

Поэтому эти судорожные спазмы современной культуры – революции, гражданские и международные войны – *не случайны*: они суть естественные выражения сердечной жесткости, алчности, зависти и ненависти. Жестокость этих столкновений уже заложена в повседневной жесткости и бессердечной жизни. И не удивительно, что антракты между революциями заполняются систематической подготовкой новых революций; и что революция стремится захватить всю вселенную. И антракты между войнами заняты изобретениями новых оружий; и «наука» уже торгует своими военными изобретениями, продавая их из страны в

страну. Оружия эти становятся все более разрушительными, убийственными и мучительными; и уже направляются на мирное население. И уже работают везде школы взаимного выслеживания, замучивания и искоренения. И все это не случайно, а заложено глубоко в *бессердечии современной культуры*.

Вот почему надо признать и громко выговорить, что двигаться по этому пути далее невозможно. Бессердечная культура подрывает сама себя: в изобретении атомной бомбы она дошла до вселенского самоубийства, а изобретение это, наверное, не составляет последнего слова разрушительной техники. Источники и основы современной культуры должны быть в корне пересмотрены. Человечество творит свою культуру *неверным внутренним актом*, из состава которого исключены: сердце, совесть и вера, а сила *созерцания* – заподозрена, осмеяна и сведена к подчиненному, почти подавленному состоянию. Так, создаваемая культура есть *больная* культура, и то, что мы переживаем ныне, все наши бедствия, страдания и тревоги суть естественные последствия этой больной культуры».

Ильин И.А. Бессердечная культура / И.А. Ильин // Я вглядываюсь в жизнь. Путь к очевидности / И.А. Ильин. – М. : Эксмо, 2007. – С. 327–333.

Вопросы и задания

1. Опишите словесный портрет каждого из «авторов переписки».

2. Предположите, как поступил бы каждый из «авторов переписки» с коллегами по работе или с друзьями. С кем из них двоих вы бы предпочли работать в одном учреждении (в летнем детском лагере)? Кого из них вы бы хотели видеть среди своих друзей?

3. Что Ильин понимает под «сердцем» культуры? В чем опасность бессердечной культуры?

Виктор Николаевич Тростников
Православная цивилизация

<...> Специфика всякой цивилизации определяется типом верования, который, собственно, и порождает эту цивилизацию, а потом поддерживает ее самоидентичность и отличие от других цивилизаций. Тип верования – это базис, над которым вырастает надстройка, т.е. тип общества (по Данилевскому «культурно-исторический тип»). Понятно, почему это так. Специфика общества определяется теми представлениями о вещах, в частности о том, что хорошо, а что плохо, которые приняты в этом обществе, а эти представления должны иметь безусловный характер, иначе они будут кем-то оспариваться и возникнут разногласия. Безусловный же, неоспоримый характер имеют только догматы веры. Крупнейшие ученые XIX и XX веков, среди которых в первую очередь надо упомянуть Макса Вебера, Освальда Шпенглера и Арнольда Тойнби, доказали это историческим материалом, но тут можно было бы обойтись и простой логикой. Коллективная жизнь будет стабильной лишь в том случае, если она организуется каким-то внешним регулятором, не позволяющим эгоизму отдельных граждан перейти ту границу, за которой он начинает разрушать социум. Таким регулятором служит право. Но оно не возникает из ничего, в его основе лежит правосознание, т.е. представления о том, что можно делать, чего делать нельзя, образующие принятую в данном обществе норму поведения. А откуда берется правосознание? Критерием различения добра и зла может быть для человека только то, во что он верует. Это утверждение вовсе не опровергается наличием в современном мире «демократического» западного общества, объявившего, что в нем каждый может верить во что хочет, и, тем не менее, достаточно стабильного. То, что там всякий верует во что-то свое, есть не что иное как главный предмет всеобщей веры, а не объективный факт, факт же состоит в том, что на Западе, помимо теоретической веры в наличии у них демократии, имеется практическая вера в доллар, и именно эта составляющая веры служит регулятором коллективного бытия.

Подводя итог более чем столетним исследованиям в области макроистории, можно сказать, что за это время произошло прин-

ципиальное изменение научного истолкования термина «человечество». То, что сделали ученые в этой сфере, можно сравнить с переворотом, произошедшим в физике в начале XX столетия после открытия Нильса Бора. Бор установил дискретность (разделенность на самостоятельные цифровые значения) атомных состояний, которые до него считались непрерывно переходящими друг в друга. Немного раньше концепцию дискретности, но относящуюся не к физике, а к истории и социологии, выдвинул Николай Яковлевич Данилевский (1822–1885). Будто предвосхищая модель атома Бора с «разрешенными» энергетическими состояниями, достаточно далеко отстоящими друг от друга, и «запрещенными» состояниями, каковыми являются все промежуточные между «разрешенными», Данилевский сформулировал закон непередаваемости: «Начала цивилизации одного культурно-исторического типа не передаются народам другого типа. Каждый тип вырабатывает цивилизацию для себя при большем или меньшем влиянии чуждых ему предшествующих или современных цивилизаций» («Россия и Европа», гл. 5).

<...> Религию не только нельзя придумать, как не раз пытались делать это глупцы, <...> но нельзя до конца понять, уже имея ее перед собой, ибо в ней всегда содержится непознаваемый элемент – ее поразительная практическая эффективность. <...> Если взять две религии, каждая из которых успешно организует жизнь людей в определенных условиях, и создать из них синкретическую, т.е. смешанную систему верований, получится нечто столь же непригодное для регулирования какого бы то ни было общественного жизнеустройства, как непригоден для передвижения ни по суше, ни по воздуху аппарат, у которого часть деталей взята из автомобиля, а часть – от самолета. Синкретические системы получают распространение лишь в периоды апостасии, т.е. безверия, когда люди утрачивают ощущение реальности инобытия и его важности для своей жизни и начинают руководствоваться во всем только законами материального мира <...>. Именно отпадением нынешнего Запада от Бога и объясняется небывалая популярность там различных экуменических движений. Если же говорить о нормальных, т.е. неапостасийных обществах, то поскольку тип такого общества зависит от типа его религии, мы сразу же переходим к утверждению Данилевского о дискретности

культурно-исторических типов, которые не могут эволюционным путем переходить друг в друга, ибо неизбежно возникающая при таком переходе промежуточная цивилизация окажется нежизнеспособной <...>.

Как формируется жизнеспособная для своего места и своего времени цивилизация? Она развивается ступенчатым образом. Первое, что ей необходимо обрести, это культ – совокупность физических, чувственно воспринимаемых действий, в основном коллективных, которые раскрывают для их участников и наблюдателей содержание соответствующей религиозной догматики. <...> А следующее звено является уже более гибким и пластичным, <...> это культура. Она абсолютно необходима для нормального функционирования всякого общества. Ее роль хорошо поясняется предложенным аргентинским социологом Игорем Андрушкевичем сравнением цивилизации с плодом, например, с вишней. Вишневая косточка как носительница видовых признаков, обеспечивающих генетическую преемственность, уподобляется культу, а мякоть, питающая косточку и не дающая ей засохнуть, – культуре. И то и другое защищается от внешних воздействий плотной кожурой – в цивилизации это государственные институты, включающие армию, полицию, таможенные службы и тому подобное. И как те сорта вишни, в которых больше мякоти, ценнее для садовода, так и те цивилизации, в которых возникает богатая культура, ценнее для истории. А какая именно возникает в данной цивилизации культура, зависит от ее «косточки», т.е. культа, в частности от того, насколько полно его догматика отражает объективную истину.

Тростников В.Н. История человечества есть история цивилизаций // Православная цивилизация. – М., 2004. – С. 93–102.

Вопросы и задания

1. Как вы считаете, какой из модулей комплексного курса «Основы религиозных культур и светской этики» целесообразно изучать в школах Центрально-Черноземной России?
2. Сформулируйте требования к учителю начальных классов, которые возникают в контексте указанного вами модуля?

3. Выпишите в словарик новые для вас слова с разъяснением их значения.

Константин Дмитриевич Ушинский
О народности в общественном воспитании

<...> Но что же такое народность в воспитании?

На этот вопрос мы уже ответили фактами, выставив в начале нашей статьи национальные особенности общественного воспитания у главнейших народов Европы. Народная идея воспитания сознается тем скорее и полнее, чем более семейным делом народа является общественное воспитание, чем более занимается им литература и общественное мнение, чем чаще вопросы его становятся доступными для всех общественными вопросами, близкими для каждого, как вопросы семейные.

Педагогическая литература, педагогические общества, частые поверки результатов воспитания, путешествия, предпринимаемые с педагогическими целями, живая связь между практиками-педагогами, педагогические журналы, а более всего теплое участие самого общества в деле общественного воспитания могут ускорить выражение и объяснение тех требований, выполнением которых достигается народность в общественном воспитании.

Сделаем теперь общий вывод из нашей статьи и перечислим одно за другим те положения, которые мы хотели доказать:

1) общей системы народного воспитания для всех народов не существует, не только на практике, но и в теории, и германская педагогика не более, как теория немецкого воспитания;

2) у каждого народа своя особенная национальная система воспитания; а потому заимствование одним народом у другого воспитательных систем является невозможным;

3) опыт других народов в деле воспитания есть драгоценное наследие для всех, но точно в том же смысле, в котором опыты всемирной истории принадлежат всем народам. Как нельзя жить по образцу другого народа, как бы заманчив ни был этот образец, точно так же нельзя воспитываться по чужой педагогической системе, как бы ни была она стройна и хорошо обдумана. Каждый народ в этом отношении должен пытаться собственные свои силы;

4) наука не должна быть смешиваема с воспитанием. Она обща для всех народов; но не для всех народов и не для всех людей составляет цель и результат жизни;

5) общественное воспитание не решает само вопросов жизни и не ведет за собой истории, но следует за ней. Не педагогика и не педагоги, но сам народ и его великие люди прокладывают дорогу в будущее: воспитание только идет по этой дороге и, действуя заодно с другими общественными силами, помогает идти по ней отдельным личностям и новым поколениям;

6) общественное воспитание только тогда оказывается действительным, когда его вопросы становятся общественными вопросами для всех и семейными вопросами для каждого. Система общественного воспитания, вышедшая не из общественного убеждения, как бы хитро она ни была обдумана, окажется бессильной и не будет действовать ни на личный характер человека, ни на характер общества. Она может готовить техников; но никогда не будет воспитывать полезных и деятельных членов общества, и если они будут появляться, то независимо от воспитания;

7) возбуждение общественного мнения в деле воспитания есть единственно прочная основа всяких улучшений по этой части: где нет общественного мнения о воспитании, там нет и общественного воспитания, хотя может быть множество общественных учебных заведений.

Насколько мы доказали каждое из этих положений, предоставляем судить другим; мы желали только предложить вопросы и будем считать себя счастливыми, если эти вопросы вызовут мнения других.

Ушинский К.Д. О народности в общественном воспитании // Собрание сочинений : в 11 т. – М.; Л. : Издательство Академии педагогических наук, 1950. – Т.2. Педагогические статьи 1857–1861 гг. – С. 69–166.

Вопросы и задания

1. Эти выводы «учитель русских учителей» Константин Дмитриевич сформулировал при сравнении систем воспитания, сложившихся в России, Франции, Англии, США, Германии. Согласны ли вы с выводами автора? Ответ обоснуйте.

2. Считаете ли вы выбор современными родителями модуля «Основы православной культуры» целесообразным? Ответ обоснуйте.

3. Как вы думаете, какое значение имеет модуль «Основы светской этики» в воспитании гражданина России?

Константин Дмитриевич Ушинский
О необходимости сделать русские школы русскими

Самое резкое, наиболее бросающееся в глаза отличие западного воспитания от нашего состоит вовсе не в преимущественном изучении классических языков на Западе, как нас иные стараются уверить, а в том, что *человек западный*, не только образованный, но даже полубразованный, всегда, всего более и всего ближе знаком с своим отечеством: с родным ему языком, литературой, историей, географией, статистикой, политическими отношениями, финансовым положением и т.д., а *русский человек* всего менее знаком именно с тем, что всего к нему ближе: со своей родиной и всем, что к ней относится.

<...> Еще недавно мы старались во всем подражать иностранцам; теперь другая мода. Но, право, нам не мешало бы занять, вместо всех прочих, одну черту из западного образования — черту уважения к своему отечеству; а мы ее-то именно, ее, единственно годную для заимствования во всей полноте, и пропустили. Не мешало бы нам занять ее не за тем, чтоб быть иностранцами, а лишь затем, чтоб не быть ими посреди своей родины.

<...> Мы положительно убеждены, что плохое состояние наших финансов, частый неуспех наших больших промышленных предприятий, неудачи многих наших административных мер, перевозка тяжестей гужом, рядом с железными дорогами, наши непроходимые проезжие пути, наши лопающиеся акции, пребывание громадных дел в руках безграмотных невежд и пребывание ученых техников без всякого дела, нелепые фантазии нашей молодежи и не менее нелепые страхи, которыми так ловко пользуются люди, ловящие рыбу в мутной воде, — все эти болезни, съедающие нас, гораздо более зависят от незнания нами нашего отечества, чем от незнания древних языков. Мы убеждены, что все

эти болезни и многие другие сильно поуменьшились бы, если б в *России* вообще поднялся уровень знаний о *России*, если б мы добились хоть того, чтоб наш юноша, окончивая курс учения, знал о полусветной России столько же положительных фактов, сколько знает о своей маленькой Швейцарии десятилетний швейцарец, окончивающий курс первоначальной школы.

Скудость наших сведений о России зависит от многих причин; но, конечно, прежде всего, от того, что мы ее не изучаем, или изучаем плохо, и об этой только причине нам кажется не лишним сказать несколько слов, в виду имеющего учредиться нового педагогического заведения – «историко-филологического института».

Причина скудости наших знаний относительно всего, что касается России, очень проста. На Западе мальчик, поступающий в низший класс гимназии, уже четыре года, а иногда и более, под руководством учителя-специалиста, именно приготовленного для такого преподавания, и по порядочным, нарочно для этой цели обработанным учебникам, занимался языком, природой, географией и историей своей ближайшей и обширнейшей родины (например, уроженец какого-нибудь маленького герцогства в Германии – своего герцогства и всей Германии). Эти предметы, следовательно, ложатся в ребенке в основу всего на свежую, еще ничем незагроможденную память вслед за азбукой и усваиваются так же твердо, как и азбука. В такую азбучную форму и должно, действительно, войти первое знакомство с отечеством. <...> Так думают в Германии, в Англии, в Швейцарии, в Америке; но не так у нас...

У нас почему-то выходит совершенно наоборот: мальчики, поступающие в первый класс гимназии, по большей части едва умеют читать по-русски, а пишут с такими ошибками и такими кривульками, что этого почти нельзя назвать письмом; о свободном же и правильном выражении своих детских мыслей изустно и на письме они и понятия не имеют, точно так же, как и о каких-нибудь знаниях из географии и истории России. Что ж выходит? Мальчик не умеет написать простой русской фразы, а его сажают за латинскую грамматику и французскую или немецкую орфографию. <...>

В Швейцарии, Германии, Англии и Америке в основу всего народного образования давно уже проникло убеждение, что знания разделяются на *необходимые, полезные и приятные* и что *необходимые* должны ложиться в душу дитяти прежде всех и в основу всем, и приобретение их должно быть поставлено в независимость от приобретения прочих, полезных и приятных. Такими необходимыми знаниями для каждого человека признаются: *умение читать, писать и считать, знание оснований своей религии и знание своей родины*. Это уже ясно выработавшаяся педагогическая *аксиома*, кажется, что и нам пора сознать ее и провести повсюду в народном образовании. Без этого нельзя сделать никакого серьезного шага вперед.

Все это необходимо иметь в виду при основании нового педагогического рассадника, потому что пора же, наконец, согласиться, что детей учат не для того только, чтоб учить, а для того, чтоб сообщать им знания, необходимые для жизни, т. е. такие знания, обладая которыми, можно быть полезным и себе и обществу.

Ушинский К.Д. О необходимости сделать русские школы русскими // Собрание сочинений : в 11 т. – М.; Л.: Издательство Академии педагогических наук, 1950. – Т.3. Педагогические статьи 1862–1870 гг. – С. 306–314.

Вопросы и задания

1. В чем суть педагогической аксиомы, сформулированной Ушинским? Назовите пентаду первостепенных знаний, которые должен усвоить человек.

2. К какой группе знаний (необходимых, полезных или приятных) вы бы отнесли основы православной культуры, изучаемые в общеобразовательных школах Черноземья?

3. Какой группе знаний, по вашему мнению, соответствует модуль «Основы светской этики»? Ответ обоснуйте.

Константин Дмитриевич Ушинский
О нравственном элементе в воспитании

Какое бы учреждение и какой бы устав ни разбирался нами, мы всегда почти приходим к тому заключению, что, хотя в данном учреждении или уставе и есть те или другие недостатки, но главный недостаток везде и во всем один и тот же – *недостаток людей*. После разбора исторических изменений всех учреждений и уставов, которым они подвергались у нас чаще, чем где-нибудь, – так что в последнее время принято было почти за правило всякое новое установление оставлять, *в виде опыта*, на определенный срок, – мы должны были, кажется, прийти к ясному и твердому убеждению, что нет и не может быть такого безукоризненного учреждения, устава или закона, которого дурные исполнители не могли бы испортить так, что даже его хорошие стороны обратятся во вред обществу; и что нет такого дурного закона, учреждения или устава, которых благонамеренные исполнители не могли бы сделать если не хорошими, то, по крайней мере, сносными.

<...> Опытом пришли мы к полному убеждению в недостаточности для успехов общественной жизни всякого рода контролей, нагроможденных на контроли; однако же, при всяком новом проекте, касающемся той или другой стороны общественной жизни, мы, не доверяя уже контролю, в то же время не доверяем и людям и почти во всем оканчиваем одним и тем же припевом: все это хорошо, да где же взять людей для этого: людей, людей-то нет; людей недостает нигде и ни для чего!

<...> Но куда же это, однако, девались люди и каких нам еще людей надобно? Чего, наконец, мы требуем от наших двуногих братьев, чтобы признать их за людей? Не заходит ли у нас ум за разум, как у того греческого мудреца, что днем, да еще со свечкою, не мог найти человека посреди многолюдной площади? Нет, мы не так прихотливы, и требования наши не велики. Сколько можно понять, то в наших обличениях, проходящих через типографский станок или улетающих к потолку вместе с дымом сигар и папирос, люди более или менее укоряются в недостатке того цемента, который связывает отдельные личности в одно дружное общество, в недостатке полезных для общества общественных

убеждений, в недостатке так называемой общественной нравственности.

<...> Но в чем же состоит эта общественная нравственность отдельного лица?

<...> Конечно, образование ума и обогащение его познаниями много принесет пользы, но увы, я никак не полагаю, чтобы ботанические или зоологические познания, или даже ближайшее знакомство с глубокомысленными творениями Фохта и Молешотта могли сделать гоголевского городничего честным чиновником...

<...> И, хотя мы не думаем, вслед за Грибоедовым, что умный человек не может быть не плутом, но убеждены, что очень умный человек может быть и очень большим плутом. Нет, одного ума и одних познаний еще недостаточно для укоренения в нас того нравственного чувства, того общественного цемента, который иногда согласно с рассудком, а часто и в противоречии с ним, связывает людей в честное, дружное общество.

Чувство общности или, другими словами, нравственное чувство живет в каждом из нас точно так же, как и чувство личности, эгоизма.

Оба эти чувства, в виде микроскопических зародышей, рождаются вместе с человеком. Но, тогда как первое, т. е. нравственное чувство, благороднейшее и нежнейшее растение души человеческой, требует большого ухода и присмотра, чтобы вырасти и окрепнуть, другое, как всякий бурьян, не требует для своего преуспеяния ни ухода, ни присмотра и, не обуздываемое вовремя, скоро подавляет все лучшие, нежнейшие растения.

<...> Убежденные в том, что нравственность не есть необходимое последствие учености и умственного развития, мы еще убеждены и в том, что воспитание, семейное и общественное, вместе с влиянием литературы, общественной жизни и других общественных сил, может иметь сильное и решительное влияние на образование нравственного достоинства в человеке. Кроме того, мы смело высказываем убеждение, что влияние нравственное составляет главную задачу воспитания, гораздо более важную, чем развитие ума вообще, наполнение головы познаниями и разъяснение каждому его личных интересов.

Высказывая такие убеждения, мы уверены, что большинство наших читателей, за исключением немногих философов эгоизма,

согласны с нами; а потому, не останавливаясь на излишних доказательствах, приступаем прямо к рассмотрению того, насколько наше современное семейное и общественное воспитание имело и имеет влияния на развитие нравственного чувства в нас и в наших детях, или, другими словами, к исследованию нравственного элемента в русском воспитании.

Скажем прежде всего о воспитании нашего простого народа <...>. Если русский крестьянин отличается теперь от дикаря, то этим он почти единственно обязан своей все-таки европейской, славянской природе, а еще более своему древнему христианству.

Это патриархальная нравственность <...> еще довольно сильна в русском народе <...>; сохраняется гораздо более в глуши наших деревень, удаленных от центров промышленной деятельности и цивилизации. Чем более заброшена деревня в глушь, чем менее она пользуется всеми выгодами образования, тем патриархальнее ее жители и тем они нравственнее. Чем ближе к железным дорогам и шоссе, к большим сухопутным и водяным сообщениям, к столицам и фабричным местностям, тем меньше патриархальности и вместе с тем меньше нравственности. Словом, наша патриархальная нравственность не выдерживает столкновения с цивилизацией, поедается ею, как вековые леса поедаются пламенем пожара.

Но эти слова требуют небольшого объяснения с нашей стороны. Нам так часто придется говорить о вредном влиянии цивилизации на общественную нравственность, что мы должны серьезно опасаться, чтобы нас не причислили к противникам цивилизации.

<...> Когда цивилизация, хотя бы в форме торговли и промышленности, вырывает человека из тесной сферы семейных и родовых отношений, тогда и патриархальная нравственность оказывается недостаточной. Человек вначале как бы раздвояется, и в сердце у него некоторое время уживаются очень мирно патриархальная нравственность в отношении своего семейства и совершенная безнравственность за границу семейства. Он как будто признает над собою и внутри себя только одни семейные законы и им только искренно повинует; все же другие законы кажутся ему враждебными принуждениями, которым должно повиноваться, если нельзя этого избежать, но которые позволительно и даже похвально обходить. Словом, за границами семейства он чувст-

вует себя в неприятельской земле, где позволено делать все, только бы не попадаться, где над ним существует только право силы, а за ним право всякого рода хитрости и обмана.

Но такое раздвоение не может существовать вечно и в течение времени мало-помалу безнравственность из-за границы семейного быта переносится и в недра семьи.

Характеристических черт раздвоенности нравственной сферы мы находим еще много не только в нашем простом народе, но и в верхних слоях общества.

<...> Показывая совместимость патриархальной нравственности с понятиями и поступками вовсе не нравственными, мы не хотели этим унижить патриархальной нравственности, а только хотели показать ее недостаточность при дальнейшем проникновении в народ общей европейской цивилизации, входящей в него покуда одною своею материальной стороной. Точно так же, утверждая, что односторонняя цивилизация действует разрушительно на патриархальную нравственность, мы не вооружаемся против цивилизации, а только против ее односторонности. <...> Мы желали бы, чтобы не железные дороги, не промышленность со всем своим золотом и со всей своей грязью, не столичный и фабричный разврат, не промышленническая литература, рассчитывающая на трудовой грош крестьянина, а *Церковь и школа*, не разрушая, а освящая и озаряя светом мысли и чувства семейный быт и оставляя ему то, что принадлежит по праву всякому христианскому семейству, вывели наш простой народ из тесной отжившей сферы исключительно патриархального быта в более обширную и свободную сферу гражданского общества, государства и человечества.

Взглянув на то, что до настоящего времени было сделано для правильного умственного и нравственного развития сельского населения, мы должны будем сознаться, что сделано очень немного.

<...> В решении столь важного общественного вопроса должны принять участие и литература и все общество, потому что в деле общественного воспитания общественное мнение всегда будет играть важную роль; но главными участниками в практическом решении этого вопроса явятся без сомнения, с одной стороны, церковь, с другой все наше учебное и ученое сословие – представители духовного и представители светского образования.

<...> Дело не в том, кто – духовное или светское лицо – должен заведовать народной школой; но в том, чтобы заведующий народной школой был истинный христианский воспитатель, истинный педагог по призванию, по цели, по занятиям и искусству; простая добросовестность должна удерживать каждого из нас от возложения на себя обязанностей, искусство исполнения которых нам чуждо. Но в том-то и беда, что не многие у нас еще и до сих пор убеждены, что воспитание есть искусство и притом искусство не легкое, хотя, казалось бы, результаты, которых мы до сих пор достигали в воспитании, могли убедить в этом каждого. Но если необходимо, чтобы духовные лица, посвящающие себя воспитательной деятельности, были хорошими педагогами, то с другой стороны, необходимо также, чтобы светские лица, принимающиеся за воспитание, особенно простого народа, были не только хорошие педагоги, но и истинные христиане по своим стремлениям и убеждениям, насколько убеждения человека доступны взору других людей. Как только мы захотим отделить непереходимой гранью преподавание Закона Божия от преподавания других предметов, то хотя преподавание различных предметов и останется, но воспитание исчезнет. Современная педагогика исключительно выросла на христианской почве, и для нас нехристианская педагогика есть вещь немыслимая – безголовый урод и деятельность без цели, предприятие без побуждения позади и без результатов впереди. Можно ли себе представить, например, сколько-нибудь сносного учителя грамотности даже, который бы не коснулся религиозных истин, если только он не занимается одним механизмом чтения, убийственным для детской головы. Мы требуем, чтобы учитель русского языка, учитель истории и т.д. не только вбивали в голову своим ученикам факты своих наук, но развивали их умственно и нравственно. Но на чем же может опираться нравственное развитие, если не на христианстве? Если такое отделение провести последовательно, то можно даже отцу и матери запретить внушать религиозные истины своим детям.

<...> Воспитателем в народной школе вообще не может быть такой человек, который не знаком настолько с христианской религией, чтобы не быть в состоянии сообщить одиннадцатилетним крестьянским детям тех религиозных понятий, какие только они могут принять по их возрасту и развитию. Такой воспитатель во-

обще не может быть воспитателем и тем более воспитателем в народной школе.

Таким образом, мы полагаем, что в народной школе воспитателем может быть одинаково как светское, так и духовное лицо, только бы они были подготовлены к делу воспитания; что дело народного воспитания должно быть освящено Церковью, а школа должна быть преддверием Церкви.

<...> Русское воспитание нуждается не во внешних формах, не в замене прежнего вышедшего уже из моды и истасканного нами костюма новым, столь же иностранным и столь же нам чуждым; что, хотя, конечно, очень многое можем и должны занять из опытов иностранной педагогики, но не должны забывать, что для младенца тогда только не вредна чуждая пища, когда он, вскормленный молоком матери, уже приобрел достаточно сил, чтобы переваривать и уподоблять эту чуждую пищу и силою своей собственной, самостоятельной жизни превращать ее в кровь и тело. Такой родимой грудью является для нас наша народность и наша народная религия, соединяющие каждого из нас с каждым русским, хотя бы он скрывался далеко от глаз наших, в самой темной массе народа или в самом отдаленном уголке нашей неизмеримой отчизны, – соединяющие нас с давно отжившими и грядущими поколениями, – словом, со всем тем, что дает нам прочное, историческое, а не эфемерное существование.

<...> Прежде всего и более всего наше народное воспитание нуждается в людях, способных к этому великому делу, нуждается в народных учителях, – народных не потому только, что они учат народ в народных школах, а потому, что они вышли действительно из среды народа, вынесли с собой его лучшие, характеристические свойства и его чистейшие привязанности и просветили эти свойства и привязанности истинно христианским, европейским образованием. Народные учителя нужны нам прежде всего и более всего.

Ушинский К.Д. О нравственном элементе в воспитании // Собрание сочинений : в 11 т. – М.; Л. : Издательство Академии педагогических наук, 1950. – Т. 2. Педагогические статьи 1857–1861 гг. – С. 425–488.

Вопросы и задания

1. Обоснуйте тот факт, что при выборе модуля комплексного учебного курса «Основы религиозных культур и светской этики», введенного в российские школы с сентября 2012 года, в крупных мегаполисах (Москва, Санкт-Петербург, Воронеж и др.) предпочтение отдается основам светской этики; тогда как в районных центрах и сельских школах той же Воронежской или Ленинградской области – основам православной культуры?

2. Что, по мнению автора, требуется от учителя начальных классов? Согласны ли вы с позицией автора?

3. В чем вы видите основную задачу работы с семьей в начальной школе? Солидарны ли вы с мнением автора по данному вопросу?

Игорь Витальевич Метлик

Формирование методики преподавания православной культуры в контексте социокультурной эволюции российского общества и церковно-государственных отношений в сфере образования

Первая отправная точка в рассмотрении методики преподавания православной культуры в светской (здесь – государственной и муниципальной) школе состоит в понимании цели этого образования. От того или иного понимания зависит отбор содержания образования для детей, содержание и формы подготовки учителей, статус учителя православной культуры в школе, в системе образования, условия и формы взаимодействия участников образовательного процесса, способы и приемы педагогической, учебной и воспитательной деятельности – методика преподавания учебной дисциплины в широком смысле данного понятия.

Второй исходной позицией является положение о том, что преподавание православной культуры в светской школе входит в сферу совместной деятельности государства в лице органов управления образованием и образовательных организаций, а также Русской Православной Церкви в лице центральных (синодальных), епархиальных и других организаций.

<...> Эти положения в совокупности актуализируют вопрос о согласованности или рассогласованности цели и соответственно методики преподавания православной культуры в светской школе со стороны государства и Церкви. <...>

В православной христианской русской, российской традиции, культуре изучение православного христианства является неотъемлемой частью общего среднего образования детей. <...>

Основной учебной дисциплиной православного образования в дореволюционной школе был учебный предмет «Закон Божий».

Восстановление православного образования в Российской Федерации началось с 1990-х годов.

<...> Институционализация преподавания православной культуры или православного религиозно-культурологического образования, формирование содержания и методики этого образования были обусловлены социокультурными характеристиками постсоветского общества, в том числе той его части, которая признает свою принадлежность или предпочтительное отношение к Церкви. <...>

В формировании методики преподавания православной культуры в российской школе с учетом государственно-церковных отношений можно выделить три этапа: 1990–2002, 2002–2009, 2009 – по настоящее время.

Первый этап (1990–2002): период инициативно-стихийного формирования методики преподавания православной культуры в отдельных регионах, школах. Его главная особенность – широкая вариативность методических подходов: от практически «обучения религии» на занятиях типа воскресной школы до почти информационно-религиоведческого подхода, при котором не предполагается обращение к личности школьника, его внутреннему миру. <...> Преподавание православной культуры на этом этапе не является сферой совместной компетенции государства и Церкви. Также данный этап характеризуется слабым участием Церкви; участие и Церкви и государства, прежде всего органов управления образованием, в этой практике не носит систематического, организованного характера, является «точечным» в небольшом числе регионов (*в т.ч. и в Воронежской области – С.В.*).

Второй этап (2002–2009): <...> Условным рубежом нового этапа стала официальная публикация «Программного содержания

образования по учебному предмету «Православная культура»»¹. Данный материал, ориентировочный учебный стандарт по учебному предмету «Православная культура», был подготовлен в созданном в 1999 году координационном совете Министерства образования РФ и Русской Православной Церкви и направлен в регионы письмом министра образования В.Ф. Филиппова. Создание этого совета, разработка в нем данного материала и его направление в регионы письмом руководителя высшего исполнительного органа государственной власти в сфере образования фактически легализовали и упорядочили практику изучения православной культуры в российской светской школе.

<...> Изучение православной культуры в государственных и муниципальных образовательных учреждениях не сопровождается совершением религиозных обрядов, отправлением религиозного культа, не требует от учащихся или их родителей православной религиозной самоидентификации в любой форме и не препятствует их свободному мировоззренческому или конфессиональному самоопределению, не предусматривает обязательного участия обучаемых в религиозных службах. <...>

Отмечу, что здесь дана трактовка культурологического подхода в преподавании православной культуры как неиндоктринального, т.е. не предусматривающего индоктринацию, обязательное принятие учащимися православного христианского вероучения, что в методике преподавания не предусматривает соответственно оценку «веры» учащегося, степени личностного принятия им православного вероучения в качестве цели преподавания и результата образования. При этом вероучение, конечно, преподаётся, изучается, причем именно так, как оно сохраняется, содержится в Православной Церкви. То есть культурологический подход здесь постулирован как преподавание знаний о религиозной культуре. Это важно отметить потому, что впоследствии получила распространение ложная трактовка, согласно которой культурологический подход в определении содержания образования и методике преподавания православной культуры в светской школе означает ориентацию на методологию и методику культурологии – философской дисциплины. Как видно, для этого нет таких оснований.

¹Приложение к письму Министерства образования РФ к органам управления образованием субъектов РФ от 22.10.2002 № 14-52-876 ин/16.

Также методически значимым было указание на статус «Православной культуры» в школе как самостоятельной учебной дисциплины <...>.

С учетом «Примерного содержания» были разработаны первые полноценные учебно-методические комплекты для преподавания православной культуры – уже не на один-два года обучения (первые пособия А.В. Бородиной), а на целые ступени общего образования (УМК Л.Л. Шевченко, В.Д. Скоробогатова и Т.В. Рыжовой). Преподавание православной культуры по мере его расширения стали вводить не только отдельные школы, но и целые регионы. <...>

Для закрепления методики преподавания православной культуры как сферы совместной компетенции государства и Церкви значимым было также письмо Минобрнауки России с «Примерным соглашением» о сотрудничестве органа управления образованием в регионе и епархии². <...>

Однако в том же 2007 году были инициированы изменения Федерального закона «Об образовании»: исключалось деление государственных образовательных стандартов на федеральный и региональный компоненты. Тем самым ликвидировался и региональный компонент школьного учебного плана. Угроза полной ликвидации вариативного компонента учебного плана, за счет которого преподавалась православная культура, поставила под вопрос сохранение и тем более развитие преподавания православной культуры. Для решения этой проблемы по предложению Министерства образования РФ в Русской Православной Церкви группой специалистов была разработана концепция преподавания православной культуры в новых условиях. Предлагалось включить в обязательную часть учебного плана новую предметную (образовательную) область в составе пяти учебных предметов по выбору семьи школьника: православной культуры, предметов по религиозным культурам ислама, буддизма, иудаизма и альтернативного учебного предмета по этике и философии, ориентированного на нерелигиозную часть общества.

² Письмо директора Департамента государственной политики и нормативно-правового регулирования в сфере образования Минобрнауки России И.И. Калины от 13.07.2007 № 03-1584.

<...> До 2009 года это решение не выполнялось, затягивалось разработчиками ФГОС общего образования. В 2009 году после встречи Президента России Д.А. Медведева с Патриархом Кириллом и лидерами других традиционных российских конфессий президент принял решение поддержать введение новой предметной области в школе.

Третий этап (2009 – по настоящее время): введение преподавания православной культуры в обязательную часть учебного плана означало масштабное расширение этой практики, многократный рост числа изучающих ее школьников и преподающих учителей, новое качество государственно-церковных отношений в этой сфере, которые теперь должны были выстраиваться на всех уровнях системы образования. В тоже время то, как это было сделано, привело к существенным изменениям, искажениям охарактеризованных выше методических принципов преподавания православной культуры. <...>

Искажения фактически вели к изменению методики преподавания православной культуры в направлении религиозоведческого образования «о православии». Они закономерно проявились прежде всего в отходе от понимания изучения религиозных культур как сферы совместной компетенции государства и конфессий. <...>

Дополнительным фактором, влияющим на преподавание православной культуры в светской школе, с этого времени становится позиция других религиозных организаций в России (ислам, буддизм, иудаизм). Несмотря на то, что они приняли участие в мероприятиях по введению преподавания религиозных культур в обязательную часть школьной программы, публично они выступали за религиозоведческое образование и против конфессионального преподавания религиозных культур в школе даже по выбору, на добровольной основе. Это обусловлено спецификой их деятельности в сфере образования. Иудаистские организации курируют особый кластер еврейских национальных школ с изучением иудаизма, в том числе светских, а исламские организации ориентированы на развитие исламского образования в светской школе в регионах с большинством мусульманского населения. <...>

Вместо последовательного введения преподавания с первых классов школы, как это предполагалось «Концепцией» 2007 г. (так это делалось и во многих бывших социалистических странах

Европы), было решено в режиме «эксперимента» ввести преподавание только в последней четверти 4-го и первой четверти 5-го классов, в объеме всего 34 учебных часов. Сведёние предметной области к 34 часам с неясными перспективами ее развития по ступеням и годам обучения сразу усложняло методику преподавания. <...>

По итогам встречи с лидерами конфессий президент поручил Правительству России в 2010 году в 18 субъектах Российской Федерации, а с 2012 года во всех субъектах Российской Федерации в общеобразовательных учреждениях преподавание новых предметов по выбору, в т.ч. «Основ православной культуры». Однако в выпущенном во исполнение этого поручения распоряжении правительства вместо «новых предметов» появляется комплексный учебный курс «Основы религиозных культур и светской этики» (ОРКСЭ). С учетом «опасений о разделении» в разработанную тогда же (без участия конфессий) программу ОРКСЭ в каждый модуль вошли темы общегражданской воспитательной направленности («Россия – наша Родина» и т.п.), в конце курса запланированы общие уроки для детей, обучавшихся по разным модулям. Никакой методической необходимости в этом не было. Общегражданская тематика осваивается всеми школьниками при изучении учебного предмета «Обществознание», а в начальной школе в рамках социального блока тем по предмету «Окружающий мир». И «опасения о разделении» впоследствии все признали необоснованными, в том числе руководители министерства. <...> В целом же «опасения о разделении» детей в школе в связи с преподаванием религиозных культур по выбору имеют основания по большей части не в заботе о социальной стабильности, а в предубеждениях, опасениях в отношении религий, религиозных культур.

<...> «Соединение» предметов по религиозным культурам и этике в некий «комплексный курс» привело к негативным последствиям в подготовке учителей. К преподаванию стали массово готовить «учителя ОРКСЭ», что означало заведомо пониженный уровень подготовки в сравнении с тем, если бы учитель готовился к преподаванию одного учебного предмета. Также «раз-

мывалась» идентичность самого учителя православной культуры, нарушался принцип добровольности преподавания православной культуры самим учителем, по его выбору и желанию, в связи с его отношением к религии, православной культуре. Право преподавать православную культуру получили педагоги, не только не являющиеся носителями этой культуры, но и негативно относящиеся к религии, Церкви.

В апреле 2010 года <...> были подготовлены и направлены в регионы письмом Минобрнауки России «Методические материалы для учителей и организаторов апробации комплексного учебного курса ОРКСЭ в субъектах РФ»³.

Решению многих проблем на местах способствует принятие в 2012 году нового Федерального закона об образовании⁴ (ч. 1–3, 6, 12 ст. 87) <...>. В то же время статус учителя православной культуры еще не закреплён, нет и четких норм об обязательной церковной экспертизе основных учебников по православной культуре. Тем самым сохраняется возможность искажения методики преподавания православной культуры в той форме, как она сложилась к началу введения ОРКСЭ и обеспечивает решение образовательных задач преподавания православной культуры в российской школе.

<...> Можно прогнозировать, что новый этап в развитии методики преподавания православной культуры начнется тогда, когда будет принято решение и начата работа по расширению преподавания православной культуры в качестве самостоятельного учебного предмета как минимум на 2-10-е классы. Тогда также будет необходимо обеспечить сохранение основных методических принципов преподавания православной культуры как самостоятельной учебной дисциплины, реализуемой в совместной,

³Приложение к письму директора Департамента государственной политики в образовании Минобрнауки России М.М. Реморенко руководителям органов исполнительной власти субъектов РФ, осуществляющих управление в сфере образования «Об апробации комплексного учебного курса ОРКСЭ» от 30 апреля 2010 года № 03-831. Дублированы письмом Минобрнауки России от 8 июля 2011 года № МД-883/03 «О направлении методических материалов ОРКСЭ».

⁴ФЗ от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».

распределенной компетенции государства и Церкви, <...> приобщение к православным христианским духовно-нравственным ценностям, воспитание на основе этих ценностей.

Метлик И.В. Формирование методики преподавания православной культуры в контексте социокультурной эволюции российского общества и церковно-государственных отношений в сфере образования / И.В. Метлик // Актуальные проблемы методики преподавания православной культуры: коллективная монография. – М. : Изд-во ПСТГУ, 2016. – С. 7–37.

Вопросы и задания

1. На какие две «отправные точки» преподавания православной культуры указывает Игорь Витальевич Метлик?
2. Предложите свой вариант обоснования того факта, что православная культура изучается только в одном классе начальной школы.
3. Представьте, что вы – участник рубрики «Если бы министром был я...» одной из российских газет сферы просвещения. Каковы будут ваши предложения, касающиеся ОРКСЭ?

Татьяна Владимировна Склярова

Методические принципы преподавания православной культуры в современной школе

Ведущими методическими принципами преподавания православной культуры являются как общие принципы дидактики, раскрываемые применительно к этому предмету, так и особенные дидактические принципы, свойственные только этому предмету. Кратко охарактеризуем те и другие.

Общие принципы дидактики – это научность, системность, культуросообразность, природосообразность, последовательность изложения. Они должны быть соблюдаемы, не могут быть игнорируемы или нарушены в процессе преподавания православной культуры.

Принцип научности в методике преподавания православной культуры означает соответствие изучаемого материала тому кор-

пусу научных знаний, который сложился в христианском богословии. Вот два примера, иллюстрирующих игнорирование и нарушение этого принципа. Пример первый – игнорирование. Школьный педагог, автор методических рекомендаций к изучению модуля «Основы православной культуры» в курсе ОРКСЭ, предложила для эффективности запоминания материала свою классификацию церковных таинств – повторяемые и неповторяемые. Данная классификация не отражает сути и значения церковных таинств и, как следствие, является некорректной в отношении раскрытия сути изучаемых явлений. В существующей традиции изучения данного материала могут быть предложены другие основания для классификации церковных таинств. Например, таинства, которые совершаются в отношении детей и взрослых (такая классификация возможна и весьма актуальна еще и при изучении католической традиции), либо таинства, которые совершаются в отношении мирян и церковных клириков. Второй пример – нарушение принципа научности – продемонстрировала автор одного из учебных пособий. Она предложила знакомить школьников с новозаветными событиями на материале русских духовных стихов. Взяв за основу фольклорные тексты, автор знакомит читателей с апостолом Петром, который ходил по Руси, а вознесение Христа иллюстрируется в учебном пособии происходящим на фоне русских берез.

Принцип системности реализуется в соответствии преподаваемого материала целям, задачам и методам изучения данного предмета. В этом отношении даже небольшой по объему учебный материал может и должен быть системно сконструирован. В качестве примера системного конструирования учебного материала можно привести учебное пособие протодиакона Андрея Кураева⁵, в подготовке которого мы принимали некоторое участие. На наш вопрос о главной идее и логическом стержне его учебника автор ответил в терминах богословия «от христологии к антропологии, а от нее к сотериологии». Таким образом, была сформулирована система изложения материала для четвероклассников – от учения о Христе к учению о человеке и путях его спасения в православной традиции. Эта логика последовательно раскрывается в со-

⁵ Кураев А.В. Основы православной культуры: 4–5 классы : учеб. пособ. для общеобразовательных учреждений. – М. : Просвещение, 2010.

держании параграфов учебника протоиерея Андрея Кураева. Сначала идут такие темы, как «Библия и Евангелие», «Проповедь Христа», «Христос и Его крест», «Пасха». Это часть христологии. Далее следуют антропологические темы: «Православное учение о человеке», «Добро и зло. Совесть», «Заповеди», «Милосердие», «Золотое правило этики». Венчают содержание учебника темы, раскрывающие пути и возможности спасения человека, – «Подвиг», «Заповеди блаженств», «Зачем творить добро?», «Чудо в жизни христианина», «Христианская семья», «Защита Отечества», «Христианин в труде».

Принцип культуросообразности проявляется в соответствии текстов, иллюстраций, манеры изложения учебного материала той культурной традиции, о которой он повествует, а также в соответствии той культуре, которая знакома и доступна в постижении учащимся. Применение принципа культуросообразности в методике преподавания ОПК реализуется в гармоничном сочетании культурных образцов современности с эстетическим канонам православной традиции. В этом отношении большинство учебных пособий по ОПК являются нарушением действия названного принципа по двум причинам. Первая, наиболее распространенная, – представление православной культуры в качестве атрибута давно минувших дней. Одежда и речь персонажей искусственно архаизированы, образцы для подражания жили в прошлых веках, никакого мостика в реалии сегодняшней жизни нет. Как ученику ориентироваться в смыслах человеческой деятельности, в направлениях нравственного выбора, когда он имеет дело с музейными экспонатами и не представляет себе, в чем состоит их нынешняя ценность? Второй тип нарушения принципа культуросообразности в учебниках ОПК связан с отбором и изложением материала, игнорирующими эстетику православной традиции и спекулирующими современными реалиями. В этом отношении печальную известность получили учебники Б. Якеменко⁶. Курс лекций для выпускников школы содержит такие актуальные темы, как «Кино и православная культура», «Коммунистическая партия как новая церковь», «Православие и русский рок», «Православие и Интернет». Изложение материала и иллюстративный ряд этого учебного посо-

⁶ Якеменко Б. Основы православной культуры. – М., 2008. – Ч. I.; Якеменко Б. Основы православной культуры. Ч. III. Курс лекций для 10–11 классов. – М. : Круг, 2009.

бия отражают популярную культуру, в которой автор ищет и находит элементы культуры православия, игнорируя при этом сложившиеся в православии эстетические каноны.

Принцип природосообразности реализуется в соответствии учебного материала и методов его изложения особенностям детской физиологии и психики. Опытным педагогам заметно, что материал религиозной традиции и культуры усваивается в детстве в прямой зависимости от специфики мышления ребенка (стадии интеллектуального развития по Ж. Пиаже). Дошкольникам интересны человеческие качества библейских персонажей. Для младших школьников актуальны образцы правильного поведения, младшим подросткам – ситуации морального выбора, а старшему подростковому возрасту – образцы дружбы и любви.

Принцип последовательности изложения материала предполагает не только постепенное логическое раскрытие всех изучаемых тем, но и выявление межпредметных связей в содержании образования. Наличие содержательного ядра в каждом предмете определяет возможность построения межпредметных связей его изучения в других предметах. Так, история России XVII века предполагает знакомство с церковной реформой 1650–1660-х годов, а нравственные искания героев произведений Л.Н.Толстого и Ф.М. Достоевского становятся понятными только в контексте усвоенных человеком христианских ценностей.

В качестве особенных дидактических принципов преподавания православной культуры назовем следующие – христоцентричность, иерархичность, другоодоминантность, антиномичность, незавершенность. Детальное раскрытие действия названных принципов в методике преподавания предмета – дело будущих исследований. В настоящей работе ограничимся краткими характеристиками каждого из них.

Принцип христоцентричности в методике преподавания ОПК состоит в том, что центром изучения культуры православия является факт Боговоплощения, предшествующие и последующие за ним события и их отражение в культуре.

Принцип иерархичности заключается в строгой иерархии целей и смыслов изучения материала религиозной культуры. Явления, понятия и факты, выносимые для изучения в предмете ОПК, – не равнозначные и рядоположенные. Для адекватного их

изучения необходимым условием служит передача иерархической соподчиненности изучаемого материала.

Принцип другодоминантности в преподавании ОПК реализуется в знакомстве учащихся с позицией Другого, которым может быть Бог или другой человек. Выход за рамки своего личного состояния, своих переживаний и желаний предполагает использование принципа другодоминантности и предоставляет учащимся иной механизм постижения, в том числе и самого себя.

Принцип антиномичности заключается в изучении единства двух взаимно противоположных суждений. Христианская культура и богословие на много веков раньше современной науки выявили необходимость антиномичного подхода к описанию ведущих своих положений. Назовем некоторые из христианских антиномий, которые представлены в содержании православной культуры: Бог и Его творение находятся в нераздельном и неслиянном единении, Христос – это Бог и человек одновременно.

Принцип незавершимости реализуется в методике преподавания ОПК признанием конечной непостижимости изучаемых явлений. Именно в этом предмете остается место для тайны, что позволяет формироваться сакральному отношению (от лат. *sacrum* – священный) к определенным явлениям в человеческой жизни и культуре.

Краткая характеристика принципов преподавания ОПК обращает наше внимание на организацию процесса обучения данному предмету. <...>

Склярова Т.В. Конструирование учебных материалов по православной культуре / Т.В. Склярова // Актуальные проблемы методики преподавания православной культуры: коллективная монография. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2016. – С. 65–70.

Вопросы и задания

1. В чем суть принципа христоцентричности? Почему автор формулирует его в качестве руководства для изучения именно православной культуры?

2. Какой из дидактических принципов, по вашему мнению, требует более полного обоснования?

3. Выберите три перечисленных в статье принципа. Как они раскрываются в курсе «ОРКСЭ: Основы православной культуры»? Для ответа воспользуйтесь одним из УМК, внесенным в федеральный перечень.

**Программа духовно-нравственного просвещения
в общеобразовательных учреждениях
Воронежской области**

(Утверждена Приказом Главного управления образования
от 27 декабря 2001 года №375)

I. Определение термина «духовно-нравственное просвещение»

Под духовно-нравственным просвещением понимается передача детям тех знаний, которые формируют их нравственность на основе традиционной для Отечества духовности, то есть Православия, формирование опыта поведения и жизнедеятельности на основе духовно-нравственных ценностей.

Следует различать духовно-нравственное просвещение и религиозное образование. Последнее подразумевает вероучительное просвещение, которое осуществляется в воскресных школах. Духовно-нравственное просвещение, будучи стержнем формирования нравственной личности гражданина и патриота России, является неотъемлемой частью общего учебно-воспитательного процесса, осуществляемого в системе отечественного образования.

Работа по духовно-нравственному просвещению предполагает обращение к творческому наследию таких отечественных педагогов, как К.Д. Ушинский, Н.И. Пирогов, С.А. Рачинский, В.В. Зеньковский, П.Ф. Каптерев, которые в своих педагогических системах придавали большое значение духовно-нравственному просвещению.

Основные черты духовно-нравственного просвещения:

1. Приоритет морально-нравственного воспитания перед рационально-информационным.
2. Деятельный характер работы (не только рассказ о милосердии, а дела милосердия; организация исследовательской работы по духовному краеведению и т. д.).

3. Воспитание личности учащихся через духовно-нравственные качества личности педагога.
4. Воспитание на идеалах Святой Руси.
5. Воспитание любви к родителям, близким, изучение и сохранение семейных традиций.
6. Формирование гражданских и патриотических чувств, любви к Отечеству.

II. Актуальность проблемы духовно-нравственного просвещения

1. В условиях современного общественного кризиса России, который определяется прежде всего кризисом духовных и нравственных ценностей и поэтому сопровождается такими разрушительными явлениями, как рост детской беспризорности, детской и подростковой преступности, суицида, наркомании, сектантства, особое значение имеет возвращение к традиционной для нашего Отечества системе нравственных ценностей, сформированных Православием.

2. Особую важность в условиях развернувшейся с помощью СМИ наступательной вестернизации образа жизни и образа мысли наших сограждан приобретает формирование чувства патриотизма у детей и подростков.

3. Патриот не может не знать и не любить культуру своего народа. Мы живем во времена глобализации всех процессов, и чтобы не потеряться в общем доме всех народов, мы должны сохранить и познакомить другие нации с нашей культурой, нашей самобытностью, которая в течение тысячи лет была кровно связана с Православием. Отсюда вытекает задача формирования культуросообразной личности.

4. Но Православие не только культурообразующая компонента отечественной цивилизации, но и государствообразующая религия. Огромнейшее же число современных деструктивных сект, стремящихся обосноваться в учебных заведениях, разрушает государственность и деформирует сознание учащихся. Чтобы привить детям иммунитет против сект, необходимо знакомить их с традиционной духовностью.

5. Современная педагогика зажата в тисках технократизма и информационного инструментализма. Поэтому существует острая потребность в разработке «технологии духовности», когда запускаются в рабочий обиход не просто средства и инстументарий (часто не дающие результата), а содержательная духовная пища, на которую проявляется повышенный спрос, отличающаяся трезвым взглядом, умеющим выходить на личность с ее внутренним миром, неповторимостью.

III. Законодательная база духовно-нравственного просвещения

– Конституция РФ, ст. 28, ст. 29 (о свободе совести и о свободе информации);

– Закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» (ст. 3, п. 1, ст. 5, п. 4);

– Национальная доктрина образования;

– Международная конвенция о правах ребенка 1989 г.;

– Решение расширенного заседания правления ассоциации «Образование Черноземья» от 11.05.2000 г.;

– Договор о сотрудничестве Областного комитета образования и Воронежского епархиального управления (апрель 2000 г.);

– Договор о сотрудничестве ВОИПКиПРО и Воронежского епархиального управления (март 1998 г.).

Все эти юридические документы утверждают гарантии прав ребенка получать знания и воспитываться в соответствии с теми культурно-историческими традициями, которые являются для него родными. Для русского человека эти традиции коренятся в Православии – государствообразующей и культуурообразующей духовной среде России. Школа является государственным учреждением для передачи детям традиций того общества, в котором они родились и формируются как личности. Как писал великий русский педагог К.Д. Ушинский, «прежде чем перейти к твердой пище, ребенок вскармливается молоком матери, прежде чем учить ребенка любить другие страны и другие народы, надо его научить уважать свою страну и свой народ». Воспитание должно быть культуросообразным, тогда только можно сформировать гражданина и патриота своей страны.

IV. Основные направления работы по духовно-нравственному просвещению

1. Работа с детьми и подростками.
2. Работа с семьей, родителями.
3. Работа с педагогами.

Работа с детьми и подростками охватывает все типы образовательных учреждений: от дошкольных до учреждений начального профессионального образования. Она предполагает разнообразные формы, а именно:

а) введение знаний по духовно-нравственной проблематике в преподавание традиционных учебных дисциплин, прежде всего гуманитарной направленности (истории, русского языка и литературы, мировой художественной культуры, изобразительного искусства, музыки);

б) введение факультативов духовно-нравственной направленности;

в) организацию внеклассной воспитательной работы в образовательных учреждениях на принципах духовно-нравственного просвещения (подготовка к праздникам Рождества Христова и Пасхи; работа кружков духовно-нравственной направленности и т.д.).

Формы работы с семьей и родителями: тематические родительские собрания, городской родительский семинар, привлечение родителей к паломническим поездкам по святым местам родного края, организация соответствующих передач на радио и ТВ.

Работа с педагогами:

– педагогические советы по вопросам духовно-нравственного воспитания;

– курсы при ВОИПКипРО для учителей, ведущих работу по духовно-нравственному просвещению;

– епархиальные двухгодичные курсы для педагогов;

– проведение ежегодных педагогических конференций по данной тематике;

– проведение областных, городских и районных семинаров для педагогов;

– организация открытых уроков с последующим обсуждением;

– ведение постоянной рубрики «Духовно-нравственное воспитание» в газете «Вестник просвещения»;

- организация консультаций для педагогов при Центре духовно-нравственного образования и воспитания ВОИПКиПРО;
- организация методической помощи в вопросах духовного воспитания на базе районных и городских информационно-методических центров.

V. Механизм реализации программы

Вопросы организации духовно-нравственного просвещения в образовательных учреждениях области решаются совместно Главным управлением образования и епархиальным Отделом религиозного образования и катехизации на основе действующего между ними договора с соблюдением всех законодательных актов РФ.

Исполнительный орган – постоянно действующая Комиссия Главного управления образования, епархиального Отдела религиозного образования и ВОИПКиПРО.

Для разработки теоретических основ, учебных программ и организации методического обеспечения, сбора и обобщения имеющегося опыта создается Временный научно-исследовательский коллектив (ВНИК) при ВОИПКиПРО – «Лаборатория по духовно-нравственному просвещению» из представителей Главного управления образования, епархии, ученых, педагогов-практиков.

Для комплексного апробирования программ по духовно-нравственному просвещению необходимо развернуть сеть экспериментальных площадок во всех типах учебных заведений. Особое внимание следует уделить интернатам как общеобразовательным учреждениям, имеющим свою специфику в проведении воспитательной работы.

Для развития работы по реализации программы необходимо поднять престиж педагогов, работающих в этом направлении, с помощью системы поощрений: моральных (грамоты, конкурсы) и материальных (книги, экскурсионные поездки, призы и т. д.).

VI. Принципы работы по реализации программы

1. Вся работа осуществляется в тесном сотрудничестве светской системы образования и Русской Православной Церкви.

Во избежание проникновения в образовательные учреждения сектантов, педагоги, ведущие занятия духовно-нравственной на-

правленности, допускаются к их проведению только при условии прохождения соответствующих курсов на базе ВОИПКиПРО и при наличии письменной рекомендации епархиального Отдела религиозного образования и катехизации.

2. Постепенность поэтапной работы с соблюдением принципов преемственности в реализации программы.

3. Отказ от унификации форм. Формы должны быть разнообразными и применяться в соответствии с имеющимися условиями.

4. Учет желаний родителей и обучающихся.

5. Согласованность всех направлений работы.

6. Добровольность участия исполнителей.

7. Охват всех типов образовательных учреждений, в том числе и системы дополнительного образования.

Вопросы и задания

1. В чем отличие «духовно-нравственного просвещения» от «религиозного образования»?

2. Каковы направления и формы осуществления духовно-нравственного просвещения? Обоснуйте необходимость триединства указанных направлений.

3. Программа была принята в 2001 году. Дополните формы работы с педагогами по данному направлению в соответствии со сложившимся за последние два десятилетия опытом.

Материалы к теме 2
ТЕОЛОГИЯ КАК РЕСУРС ОСВОЕНИЯ ДУХОВНОЙ
КУЛЬТУРЫ. ПОНИМАНИЕ БОГА В ПРАВОСЛАВНОЙ
КУЛЬТУРЕ

Священномученик Иларион (Троицкий)
Наука и жизнь

<...> Можно ли самую науку богословскую рассматривать наряду со всякими другими науками? Ведь не нужно скрывать того печального факта, что богословская наука теперь не в фаворе обретается. Волей и неволей нам приходится доказывать, что мы занимаемся наукой, а не игрой в науку. Думаю, что в основе отрицательного отношения к богословской науке кроется иногда бессознательная и даже порой сознательная ложь, а иногда – просто недоразумение.

<...> Почему-то хотят противопоставлять богословскую науку непременно наукам опытным, забывая, что есть науки исторические, социологические. Чем, например, по методу своей научной работы историк Церкви отличается от историка гражданского? Да у нас очень часто оказываются общими даже и научные источники. Конечно, лишь одно недоразумение в таких речах, как: «Покажите нам Бога в телескоп, дайте нам ваши догматические формулы положить в реторту и подогреть на легком огне». <...>

Отстраняя указанное недоразумение, мы богословскую науку должны признать совершенно такой же наукой, как и все прочие, – только она более жизненна, чем все другие науки, потому что ее предмет – не мелочи жизни, а самое существо жизни. Если же богословская наука по существу та же наука, то к ней приложимо всё сказанное выше и особенно слова Апостола: верую ходим, а не видением. Эти слова Апостола внушают нам осторожность, как бы не подменить религиозную жизнь богословской наукой. Бесспорно, богословская наука нужна для религиозной жизни, но ни в коем случае она не есть самая религиозная жизнь. Богословская наука не есть даже религиозное познание в тесном смысле этого слова. Богословская наука не есть богопознание, не есть богословие. Рассудочно «Бога никтоже виде нигдеже». Рас-

судочно «Бога человеком невозможно видеть». Для этого видения есть иные методы, кроме методов научных, есть иные пути кроме путей научного исследования. «Чистые сердцем узрят Бога» – вот аксиома христианского богословия, краткая, точная, неизменная, как аксиома математическая. Эта аксиома неподражаемо глубоко раскинута и легко выражена представителями христианского богословия, причем замечается удивительное согласие христианских богословов, живших в разные времена и в разных странах.

Из глубокой древности церковной, из II века, доносится рассуждение Феофила Антиохийского: «<...> Все имеют глаза, но у иных они покрыты мраком и не видят солнечного света. И хотя слепые не видят свет солнечный, всё-таки существует и свет, а слепые пусть жалуются на самих себя и на свои глаза. Так и у тебя, друг мой, очи твоей души помрачены грехами и злыми делами твоими. Человек должен иметь душу чистую, как блестящее зеркало. Когда на зеркале есть ржавчина, то не может быть видимо в зеркале лицо человеческое: так и человек, когда в нем есть грех, не может созерцать Бога. Итак, покажи ты себя самого, не прелюбодей ли ты, не блудник ли ты, не злоречив ли, не гневлив ли, не завистлив ли, не надменен ли, не горд ли, не буен ли, не сребролюбив ли, не ослушник ли родителям. Ибо Бог не открывается тем, кто это делает, если наперед не очистит себя от всякой скверны. Всё это наводит мрак, и как болезнь на глазах не позволяет им обращаться к свету солнечному, так и тебя, мой друг, беззакония помрачают так, что не можешь видеть Бога».

Из IV века мы слышим слово того, кто первый после возлюбленного ученика Христова получил в Церкви имя «богослова», – Григория Назианзина: «Восходи посредством дел, чтобы через очищение приобретать чистое. <...> Соблюдай заповеди и не выступай из повелений. Ибо дела, как ступени, ведут к созерцанию. Трудись телом для души».

<...> XI век. Симеон Новый Богослов пишет «Слово против тех, которые покушаются богословствовать, не имея благодати Святого Духа»: «Удивляюсь тем немалочисленным людям, которые прежде рождения от Бога и прежде вступления в чадство Ему не трепещут богословствовать и беседовать о Боге. Когда слышу, как многие, не понимая Божеских вещей, философствуют о них

и, будучи исполнены грехов, богословствуют о Боге и о всем Его касающемся, без Благодати Святого Духа, дающего смысл и разум, – трепещет, ужасается и некоторым образом из себя выходит дух мой, помышляя, что тогда как Божество для всех непостижимо, мы, не знающие ни самих себя, ни того, что перед очами нашими, с дерзостью и бесстрашием приступаем философствовать о том, что непостижимо для нас...»

Все эти авторитетные рассуждения христианских богословов указывают настоящее место богословской науки в жизни: она есть величина второстепенная, которая никак не может заменить собой самой религиозной жизни. <...> Вне жизни церковной не имеет смысла богословская наука. <...>

Иларион (Троицкий). Наука и жизнь / священномуч. Иларион (Троицкий) // Преображение души / отв.ред. О.А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2012. – С. 282–295.

Вопросы и задания

1. Докажите или опровергните утверждение: «Богословие – это наука».
2. Есть ли необходимость учителю начальных классов при преподавании основ православной культуры обращаться к азам богословия? Почему?
3. Сформулируйте, какие требования предъявляются к педагогу в ходе преподавания православной культуры?

***Святитель Лука (Войно-Ясенецкий)* Сердце как орган высшего познания**

Уже во времена древних греков слова καρῶν, καρδία означали не только сердце в прямом значении, но также душу, настроение, взгляд, мысль, даже благоразумие, ум, убеждение и т.д.

«Народное чутье» уже издавна верно оценило важную роль сердца в жизни человека. Сердце перестает биться – жизни пришел конец, поэтому некоторые называют сердце «мотором жизни». Мы хорошо теперь знаем, насколько физическое и духовное благополучие зависит от правильной функции сердца.

Нам приходится в повседневной жизни слышать о том, что сердце «страдает», «болит» и т.д. В художественной литературе, в беллетристике можно найти выражения: «Сердце тоскует», «радуется», «чувствует» и т.д. Таким образом, сердце сделалось как бы органом чувств, и притом чрезвычайно тонким и универсальным.

Остановиться на этом необходимо потому, что все указанные явления в своей основе имеют глубокий физиологический смысл, – говорит И.П. Павлов. В отдаленную эпоху, когда наши предки находились в зоологической стадии развития, на все раздражения, получаемые ими, они реагировали почти исключительно мускульной деятельностью, преобладающей над всеми остальными рефлексорными актами. А мышечная деятельность теснейшим образом связана с деятельностью сердца и сосудов. У современного цивилизованного человека мускульные рефлексоры почти уже сведены до минимума, связанные же с последними изменения сердечной деятельности сохранились хорошо...

Современный цивилизованный человек путем работы над собой приучается скрывать свои мышечные рефлексоры, и только изменения сердечной деятельности все еще могут указать нам на его переживания. Таким образом, сердце и осталось для нас органом чувств, тонко указывающим наше субъективное состояние и всегда его изобличающим. Для врача надо отметить, что насколько хорошо происходит регуляция сердечной работы, обусловленной мышечной деятельностью, конечно, не чрезмерной, настолько же плохо происходит регуляция сердечной работы при различных волнениях, кои не ведут к мышечной работе. Оттого так легко поражается сердце у лиц свободных профессий, несущих легкий физический труд, но зато чрезмерно подверженных жизненным тревожениям.

Так судит о сердце патологоанатом («О смерти человека») и великий физиолог академик И.П. Павлов («Курс физиологии» под редакцией проф. Савича, 1924).

Прибавим к этому еще некоторые замечания. Иннервация сердца поразительно богата и сложна. Оно все оплетено сетью волокон симпатической нервной системы и через нее теснейшим образом связано с головным и спинным мозгом. Целую систему церебральных волокон получает оно от блуждающего нерва, по

которым передаются ему многосложные воздействия центральной нервной системы и, весьма вероятно, посылаются в мозг центростремительные чувственные импульсы сердца. Мало еще изучены и полны неизвестности функции симпатической и вегетативной нервной системы, но уже теперь вполне ясно, что они глубоко важны и многосторонни. И что особенно важно для нас, этим нервным узлам и волокнам несомненно принадлежит очень важная роль в физиологии чувствительности.

Таким образом, наши анатомо-физиологические знания о сердце не только не мешают, а скорее даже побуждают нас считать сердце важнейшим органом чувств, а не только центральным мотором кровообращения.

Но Священное Писание говорит нам о сердце гораздо больше. О сердце речь идет чуть ли не на каждой странице Библии, и впервые читающий ее не может не заметить, что сердцу придается значение не только центрального органа чувств, но и важнейшего органа познания, органа мысли и восприятия духовных воздействий. И больше того: сердце по Священному Писанию есть орган общения человека с Богом, а, следовательно, оно есть орган высшего познания.

Поистине, всеобъемлюща, по Священному Писанию, роль сердца в области чувства. Оно веселится (Иер. 15, 16; Есф. 1, 10; Пс. 103, 15; Притч. 15, 13; 15, 15; 17, 22; Суд. 16, 25), радуется (Плач. 5, 15; Притч. 27, 9; Притч. 15, 80; Ис. 66, 14; Пс. 12, 6; 15, 9; Притч. 23, 15; Еккл. 2, 10), скорбит (Пс. 12, 3; Иер. 4, 19; Пс. 24, 17), <...>, рвется от злобы (Деян. 7, 54), <...>, в нем гнездится гнев (Еккл. 9, 3), прелюбодейная страсть (Мф. 5, 28), <...>, зависть (Иак. 3, 14), надменность (Притч. 16, 5), смелость и страх (Пс. 26, 3; Лев. 26, 36), нечистота похотей (Рим. 1, 24), его сокрушают поношения (Пс. 68, 21). Но оно воспринимает и утешения (Флм. 1, 7), способно к великому чувству упования на Бога (Пс. 27, 7; Притч. 3, 5) и сокрушению о грехах своих (Пс. 38, 19), может быть вместилищем кротости и смирения (Мф. 11, 29).

Помимо этой полноты чувствований, сердце обладает высшей способностью ощущать Бога, о которой говорит ап. Павел в Афинском Ареопаге: ...дабы они искали Бога, не ощутят ли Его и не найдут ли... (Деян. 17,27).

<...> А вот слова Макария Великого: Сердце правит всеми органами, и когда благодать займет все отделения сердца, гос-

подствует над всеми помыслами и членами, ибо там ум и все помыслы душевные... Ибо там должно смотреть, написана ли благодать закона духа.

Где там? В главном органе, где престол благодати и где ум и все помыслы душевные, т.е. в сердце.

<...> При добром и благодатном устройении души ощущается в сердце тихая радость, глубокий покой и теплота, всегда возрастающие при неуклонной и пламенной молитве и после добрых дел. <...> Иначе – смутная тревога, какое-то жжение и холод и безотчетное беспокойство.

Именно по этим ощущениям сердца советуют подвижники оценивать свое духовное состояние и различать Духа света от духа тьмы.

Но не только такими, более или менее смутными ощущениями ограничивается способность сердца к общению с Богом. Как это ни сомнительно для неверующих, мы утверждаем, что сердцем можно воспринимать вполне определенные внушения прямо как глаголы Божьи. Но это удел не только святых. И я, подобно многим, не раз испытывал это с огромной силой и глубоким душевным волнением. Читая или слушая слова Священного Писания, я вдруг получал потрясающее ощущение, что это слова Божьи, обращенные непосредственно ко мне. Они звучали для меня как гром, точно молния пронизывала мой мозг и сердце. Отдельные фразы совершенно неожиданно точно вырывались для меня из контекста Писания, озарялись ярким ослепительным светом и неизгладимо отпечатывались в моем сознании. И всегда эти молниеносные фразы, Божьи глаголы, были важнейшими, необходимейшими для меня в тот момент внушениями, наставлениями или даже пророчествами, неизменно сбывавшимися впоследствии. Их сила была иногда колоссальна, потрясающа, несравнима с силой каких бы то ни было обычных психических воздействий.

<...> Пусть не думают скептики, что я настроил себя к этому переживанию тоскливыми воспоминаниями об оставленном священном служении и укорами совести. Совсем напротив, я был тогда сосредоточен на своей болезни и предстоящей мне операции, был в самом нормальном душевном состоянии, очень далеко от всякой экзальтации.

Для святых пророков возможно было и непосредственное слышание слов Божиих и восприятие их сердцем. <...>Все про-

роки говорят именем Божиим: «И сказал мне Господь; Так говорит Господь; И было слово Господне ко мне».

<...> Не только о способности сердца воспринимать воздействия Духа Божьего говорит Писание, но представляет его органом, который совершенствует и исправляет Бог, как центр нашей духовной жизни и Богопознания. Вот ряд текстов, свидетельствующих об этом с большей ясностью.

<...> Дело закона у них написано в сердцах (Рим. 2,15).

<...> Огрубело сердце народа сего, и ушами с трудом слышат, и очи свои сомкнули, да не узрят очами, и не услышат ушами, и не уразумеют сердцем, и не обратятся, чтобы Я исцелил их (Ис. 6,10).

<...> Любовь Божия излилась в сердца наши (Рим. 5,5).

<...> В притче о сеятеле Сам Господь говорит, что семя Слова Божия сеется в сердце человеческое и хранится им, если оно чисто, или похищается из него дьяволом, если оно не умеет достойно хранить его.

<...> Сердцем мы молимся, и одна из великих форм молитвы есть безмолвный вопль к Богу.

<...> Сердце есть хранилище добра и зла, – как сказал нам Господь Иисус Христос: Порождения ехидины! как вы можете говорить доброе, будучи злы? Ибо от избытка сердца говорят уста. Добрый человек из доброго сокровища выносит доброе, а злой человек из злого сокровища выносит злое (Мф. 12, 34–35).

<...> Сердце предназначено не только для чувствования и для общения с Богом. Священное Писание свидетельствует, что оно есть и орган желания, источник воли, добрых и злых намерений.

<...> Для чего такие мысли входят в сердца ваши? (Лк. 24, 38). Остановимся на последнем тексте. Как эти мысли входят в сердца ваши? откуда входят? Если входят в сердце, то, значит, не рождаются в нем. Конечно, Писание не противоречит несомненным физиологическим фактам и не отрицает роли мозга в мышлении, и не только мышлении, но и во всех психических процессах. <...> Мышление не ограничивается деятельностью коры головного мозга и в ней не заканчивается.

Нам известны в мозгу двигательные и сенсорные центры, вазомоторные и дыхательные, тепловые и другие центры, но нет в нем центров чувств. Никому не известны центры радости и печали.

ли, гнева и страха, эстетического и религиозного чувства. Хотя от всех органов чувств и всех вообще органов тела направляются в мозги оканчиваются в клетках его сенсорных центров все чувствительные волокна, но они несут только ощущения зрительные и слуховые, обонятельные и вкусовые, тактильные и термические, локомоторные и многие другие. Но это только ощущения. А не делать различий между ощущениями и чувствами – значит впасть в самую глубокую психологическую ошибку.

Если бы мы могли, что, конечно, немислимо, остановить стремительную и сложнейшую динамику психических процессов и рассмотреть отдельные элементы в статическом состоянии, то ощущения представились бы нам только как импульсы к возникновению мыслей, чувств, желаний и волевых движений. А мысли, выхваченные из мозга, оказались бы только незаконченным, сырым материалом, подлежащим глубокой и окончательной обработке в сердце – горниле чувств и воли.

Каким образом возникшие в мозгу мысли передаются в сердце, мы не знаем, но мысль как акт чисто психологический, в отличие от ощущений, как актов физиологических, не нуждается в анатомических путях проведения. Не нуждаются в этих путях и чувства, возникающие в сердце в зависимости от тех или других мыслей и в значительной мере формирующие их.

Но не только из мозга сердце получает эти обработанные мысли, сенсорные восприятия, но и само обладает удивительной, важнейшей способностью получать из мира духовного экзогенные, нисколько не адекватные органам чувств, ощущения самого высшего порядка.

И эти ощущения из сердца передаются уму, в мозг и в огромной степени определяют, направляют и изменяют все психические процессы, в уме и духе происходящие. Обратимся к другим текстам из приведенных выше: «Да откроются помышления многих сердец», «Мудрость почиет в сердце разумного», «Безумие в сердце их».

Если можно говорить о помышлениях сердца, о том, что сердце служит средоточием и обиталищем мудрости, то, значит, в нем не только получают чувственное и волевое восполнение рождающиеся в мозгу мысли, и не только воспринимаются им экзогенные духовные воздействия, передающиеся в мозг, но в сердце эти восприятия

так же рождают мысли, размышления, как сенсорные восприятия служат импульсами и материалом для мыслительной деятельности мозга. Сердце, следовательно, – второй орган восприятия, познания и мысли. В нем рождается из этой деятельности познание и почивает в нем мудрость. Или, если сердце лишено Божией благодати и не воспринимает из мира трансцендентного внушения Духа истины и добра, а расположено к восприятию духа зла, лжи, гордости, то безумие рождается и обитает в нем.

Интеллектуалисты считают непреложной истиной, что мы познаем действительность умом, анатомо-физиологическим органом которого они, естественно, считают головной мозг. Но уже в XVII веке, в разгаре картезианского догматизма, когда интеллектуализм был всемогущ, гениальный математик и мыслитель Блез Паскаль сумел найти предел и бессилие разума и предложил заменить его познавательной способностью, которая отличалась бы непосредственностью и пригодностью для исследования истины.

То, что впоследствии Бергсон окончательно назвал интуицией, Паскаль назвал чувством тонкостей, чутьем суждения, чувством, вдохновением, сердцем, инстинктом. Все эти слова одинаково обозначают в его «Мыслях» непосредственное познание действительности, сознание живой реальности, которое противоположно рассудочному знанию и рациональным выкладкам. В самых первых своих творениях Паскаль установил эту новую разницу между «геометрическим умом» и чутьем тонкостей. Геометрический ум – это именно то, что мы называем рационалистическим или логическим способом мышления; чутье тонкостей – мышление интуитивное.

«Разум, – говорит Паскаль, – действует медленно, принимая во внимание столько принципов, которые всегда должны быть налицо, что он поминутно устает и разбегается, не имея возможности одновременно удержать их. Чувство действует иначе: оно действует в одну секунду и всегда готово действовать».

Его вывод таков: «Надо, следовательно, возложить наше упование на *чувство*, иначе упование наше постоянно будет шататься».

Затем следует знаменитое изречение: «Сердце имеет свои причины, неизвестные уму», и Паскаль добавляет: «Сердце, а не разум чувствует Бога».

<...> «Мозг, – говорит Бергсон, – не что иное, как нечто вроде центральной телефонной станции: его роль сводится к выдаче сообщения или к выяснению его». Он ничего не прибавляет к тому, что получает. Все органы восприятия посылают к нему нервные волокна; в нем помещается моторная система, и он представляет собою центр, в котором периферическое раздражение вступает в сношение с тем или иным моторным механизмом.

Уже самым своим строением мозг доказывает, что его функция есть превращение чужого раздражения в хорошо выбранную реакцию. Аfferентные нервные волокна, приносящие чувственные раздражения, оканчиваются в клетках сенсорной зоны коры головного мозга, а они другими волокнами соединяются с клетками моторной зоны, которым передается раздражение. При бесчисленном множестве таких соединений мозг имеет возможность бесконечно видоизменять реакции, отвечающие на внешнее раздражение, и действует как своего рода коммутатор.

Нервная система, и в особенности мозг, – не аппарат чистого представления и познания, а лишь инструменты, предназначенные к действию.

Мозг не орган мысли, чувств, сознания, но он то, что приковывает сознание, чувства, мысли к действительной жизни, заставляет их прислушиваться к действительным нуждам и делает их способными к полезному действию. <...> «Мозг, собственно, орган внимания к жизни, приноровления к действительности» (Душа и тело. Ты и жизнь. 1921 г. 20 дек.).

Как это ни поразительно, но эти ошеломляющие мысли великого метафизика почти полностью совпадают с новым учением о высшей нервной деятельности, созданным нашим гениальным физиологом Иваном Петровичем Павловым. Даже больше: мы вправе сказать, что незадолго до Павлова Анри Бергсон чистым философским мышлением предвосхитил сущность физиологического учения Павлова, построенного экспериментальным путем по методу изучения условных рефлексов головного мозга.

<...> Из своей собственной практики приведу только два ярких наблюдения.

У молодого раненого я вскрыл огромный абсцесс (около 50 кубических см гноя), который, несомненно, разрушил всю левую лобную долю, и решительно никаких дефектов психики после этой операции я не наблюдал.

То же самое я могу сказать о другом больном, оперированном по поводу огромной кисты мозговых оболочек. При широком вскрытии черепа я с удивлением увидел, что почти вся правая половина его пуста, а все правое полушарие сдавлено почти до невозможности его различить.

Если, таким образом, мозг нельзя считать органом чувств и исключительным органом высшего познания, то это в огромной мере подтверждает учение Священного Писания о сердце как органе чувств вообще и особенно высших чувств.

*Лука (Войно-Ясенецкий), свт. Дух, душа и тело /
свт. Лука (Войно-Ясенецкий).*

Гл. 2 «Сердце как орган высшего познания».

Вопросы и задания

1. Подумайте и объясните, какие знания из приведенного отрывка вам могут пригодиться в процессе вашей профессионально-педагогической деятельности.

2. Каковы методические особенности преподавания православной культуры? Ответ обоснуйте.

3. Какие вопросы возникли у вас по прочтении текста?

Митрополит Иларион (Алфеев)

Теология и преподавание религии в школе

<...> Безграмотность в религиозных вопросах – та почва, на которой террористическая идеология дает обильные всходы. Этой безграмотностью пользуются представители сект, сетевых псевдорелигиозных структур. Она порождает суеверия, которые являются антиподом религии. Мы должны с самого детства делать прививку нашим согражданам от такого рода идеологий, наносящих своей деятельностью непоправимый вред психике людей, их духовному, душевному, а подчас и физическому здоровью.

<...> Содержание образования по основам религиозных культур и светской этики строится на культурологическом подходе. Что предполагает этот подход? <...> Он означает, что в преподавании религии, в том числе, когда избран предмет, посвященный определенному вероисповеданию, образовательный процесс не будет

включать в себя приобщение учащихся к религиозной жизни, вовлечение школьников в религиозную практику. Такой подход призван обеспечить объективное знакомство школьников с избранной традицией. Важно, однако, чтобы это знакомство было глубоким, серьезным, а преподавание – компетентным.

Для этого во взаимодействие участников педагогического процесса заложена норма, позволяющая привлекать к работе над содержанием образования, к разработке учебной и методической литературы, а также к подготовке учителей соответствующие религиозные организации. Культурологический подход не противоречит привлечению представителей религиозных традиций к разработке содержания образования. Я бы сказал, и к преподаванию, если эти представители имеют педагогическое образование. Ведь более качественное и глубокое представление о традиции может дать тот, кто знает традицию изнутри.

<...> Культурологический подход не должен стать синонимом поверхностного преподавания. Культурология как комплекс наук о культуре не только содержательно, но мировоззренчески и нравственно опирается на ценности, лежащие в конкретной религиозной или духовно-нравственной традиции.

Поэтому создание условий, при которых учащиеся будут получать качественные знания о религиозных традициях, должно стать одним из приоритетов государственной образовательной политики. Быть или не быть религиозным человеком, какой религиозной традиции принадлежать – это личное дело человека. Но для того, чтобы сознательно сделать выбор, принять решение, молодой гражданин должен получить знания о религиозных традициях. Безграмотность в религиозных вопросах столь же опасна, как и незнание родного языка, отечественной литературы и истории.

<...> Теология – систематическая форма выражения доктрины определенной религиозной традиции, ее вероучения, нравственных принципов, духовно-нравственной культуры. Подчеркну: определенной традиции. Теология не может быть «внеконфессиональной» или «межрелигиозной». Соответственно, мы говорим о привлечении к преподаванию в школе специалистов по православной теологии, исламской теологии или иудейской теологии, которые, при этом, должны обладать педагогическими компетенциями, дающими право на педагогическую деятельность.

Разумеется, педагоги, являющиеся специалистами в определенной религиозной традиции, должны преподавать именно ее. Но ничто не мешает им оставаться в рамках культурологического подхода и, при необходимости, нейтрально и благожелательно рассказать о других мировых религиях, и об основных понятиях российской светской этики, поскольку последняя в своих основаниях, в понимании добра и зла, долга и совести, других категорий, в понимании роли семьи, воспитания все равно восходит к традиционной духовно-нравственной культуре народов России.

Теология имеет ценностное и мировоззренческое значение. Изучать религиозные феномены с теологической точки зрения – не значит замыкаться в конфессиональных рамках. Это значит изучать их в обширном контексте традиции, истории и культуры.

<...> Использование ресурса теологии не противоречит культурологическому подходу, не означает индоктринацию и не приводит к разделению и конфликтам, но обеспечивает компетентное преподавание религиозных культур. А глубокое знание своей религии и максимально широкое знакомство с другими традициями позволят внести значительный вклад в укрепление гражданского согласия. Ведь именно верность своей религии и культуре, а также добрососедские, уважительные и дружеские отношения с носителями иных идентичностей, являются краеугольным камнем прочного межрелигиозного мира и устойчивого развития России.

Иларион (Алфеев), митрополит. Теология и преподавание религии в школе: доклад на пленарном заседании конференции «Духовно-нравственное образование в современной школе: социально-философский, научно-педагогический и межрелигиозный аспекты», 14 февраля 2018 года, Москва, Центральный Дом ученых // Официальный сайт Московского Патриархата. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4842536.html>

Вопросы и задания

1. Подумайте и объясните, каким образом приобщение школьников к духовным основам отечественной культуры может способствовать становлению личности и укреплению государства?

2. Что не хватает современному учителю, преподающему как православную культуру, так и светскую этику?

3. В чем суть культурологического подхода при знакомстве школьников с духовными основами культуры?

Дмитрий Сергеевич Лихачев О религии

Религия – это не просто то или иное философское учение, мировоззрение. Многие думают так: «Я признаю существование Бога – значит, я верующий, религиозный». Или так: «Я признаю никейский Символ веры – следовательно, я православный». Нет, быть верующим – значит выполнять определенные требования вероучения, вести определенный образ жизни, в согласии с другими верующими и жизнью Церкви. В религиозном духе воспитываются с детства. Жить в соответствии со своей религией стремятся всей семьей. Привыкнуть к религиозной жизни уже взрослому трудно, хотя и возможно. Также важно, что определенные народы связаны с определенными же религиями: русские – с православием, поляки – с католицизмом, многие восточные народы – с исламом или буддизмом.

Не сковывает ли это свободу людей в выборе религии, свободу вообще? Нет, так как отказаться от религии легче, чем войти в большую семью верующих. <...> Воспитывая детей в заветах определенной религии или вероучения, мы делаем их более свободными в выборе веры, чем тогда, когда даем им безрелигиозное воспитание, ибо отсутствие чего-то всегда обедняет человека, а от богатства легче отказаться, чем его приобрести. Религия же – именно богатство. Религия обогащает представление о мире, позволяет верующему ощутить значительность всего происходящего, осмысливает жизнь человека, объединяет людей в выполнении определенных религиозных обычаев, обрядов, таинств, составляет самую убедительную основу нравственности.

Без религии всегда остается соблазн эгоизма, соблазн замкнутости в своих личных интересах.

Лихачев Д.С. О религии: письмо сорок шестое // Д.С. Лихачев. Письма о добром. Мысли о жизни. – М.: КоЛибри, 2014. – С. 569–570.

Вопросы и задания

1. Основы православной культуры сегодня преподаются только в 4-м классе и частично в 5-м. Считаете ли вы этот факт обоснованным?

2. Даже в столь коротком тексте автор много внимания уделяет роли семьи в вопросе приобщения детей к религиозным ценностям. Насколько целесообразно работать с семьей в современных условиях? Какие способы вы можете предложить?

3. Одним из ярких отличий сегодняшнего времени выступает направленность общества на потребление и удовольствия. Как вы думаете, почему введение в школах курса ОРКСЭ произошло именно в этот период?

Константин Васильевич Ельницкий **Из записной тетради старого учителя**

В продолжение своей многолетней учительской деятельности я иногда бегло заносил в свои записные тетради те мысли, которые возникали во мне при этой деятельности. Я не помышлял о напечатании их, а потому и не заботился ни о форме, ни о полноте изложения. <...> В настоящее время, уступая желанию некоторых близких мне лиц, я дал согласие на выпуск <...> издания моих заметок. <...> Каждая заметка <...> представляет собой нечто вроде тезиса, который может быть развит в особое большое сочинение.

1. Необходимо воспитывать юношество в одном определенном, именно христианском направлении. Человек, не утвердившийся в юные годы в одном определенном направлении, непременно «станет хромать на обе плюсны». Не имея твердого осно-

вания под ногами, он пойдет по тому пути, на который натолкнет его деятельность, не всегда направляющая по доброму, нравственному пути; он будет делать то, что выгоднее для него, что подскажут ему его грубые инстинкты, а не то, что требуется долгом, нравственным законом.

3. Вы, родители и воспитатели, несомненно, желаете сделать своих детей и питомцев счастливыми. Знайте же, что счастье не вне нас, а внутри нас, в нашем сердце, в нашем сознании, в нашем духе. Богатство, слава, высокое общественное положение, сами по себе, не могут доставить человеку счастья. Счастье – в чистом сердце, в спокойной совести, в добросовестном исполнении своих обязанностей, в служении высшим интересам, в труде для блага ближних, – одним словом, счастье – в нравственных поступках, в согласовании всей своей жизни с нравственными требованиями. Спаситель преподал нам закон, правила, следуя которым мы можем быть счастливыми. Жить по Евангелию, как Бог велел, вот счастье и благо человека. Итак, чтобы сделать своих детей и питомцев истинно счастливыми, воспитывайте их в началах христианской нравственности, приучайте их к добру и вырабатывайте у них вкус к нему...

5. Для того чтобы воспитатель мог дать своим питомцам доброе нравственное направление, он сам должен быть проникнут стремлением к доброму нравственному самоусовершенствованию. Может ли он воспитать в своих питомцах чувство нравственного долга, чувство деятельной любви к родине и ближним, если сам он не проникнут этими чувствами? Может ли он научить своих питомцев ограничивать низшие, физические удовольствия во имя высших, духовных интересов, если сам он не привык предпочитать последние первым? Питомцы берут пример со своего воспитателя. Своею жизнью, своею нравственной личностью он сильнее действует на своих питомцев, чем своими наставлениями. Это необходимо всегда помнить тем, кто принял на себя воспитательные обязанности.

10. То, что запечатлевается в душе человека в детском возрасте его, остается существенным элементом в душевной жизни во всю последующую его жизнь. Он всегда будет проникнут тем настроением, теми воззрениями, которые заложены в нем в детстве и отрочестве его. Не думайте, что виденное и слышанное пи-

томцем в юные годы его жизни забудется; нет, не забудется, а войдет в состав того, что называется «строением души». Так, религиозность, дух благочестия, заложенные в детстве, и остаются достоянием человека во всю его жизнь. Примерами, окружающей действительностью, наставлениями, чтением и т.п. залагается основание в образование характера и душевного настроения человека. Ни одно впечатление, ни одно движение души не остается бесследным для душевного образования человека.

23. Взгляните на звездное небо в вечерний час. Глядите долго, и вы невольно почувствуете, как огромен, бесконечен мир, и насколько мизерны, ничтожны наши людские страсти, наши человеческие действия перед всем тем, что творится в мире. Вы почувствуете бесконечное величие Того, Кто управляет миром, Кто создал его и Кто вместе с тем проникает во все изгибы души человека и без управления Которого ничто в жизни нашей не совершается.

35. Если вам сколько-нибудь дорого будущее отечества, постарайтесь воспитывать своих детей так, чтобы в жизни почаще их щеки покрывались краской стыда, чтобы совесть их не слишком легко находила себе успокоение, чтобы не покидала их нравственная боль, чтобы волновалась их душа при виде несправедливости и порока, чтобы всякое уклонение от добра и правды вызывало упрек сознания и даже исторгало слезы раскаяния. Хороши и плодотворны эти слезы! В них – зиждущая сила и залог нравственного усовершенствования.

38. Под влиянием природы дух возносится, как сказал еще Ломоносов. И как не воспользоваться этим естественным средством воздействия на дух человека? Почаще показывайте ребенку красоты, великолепия природы. Будьте уверены, что у него мало-помалу раскроются душевные глаза для того, чтобы видеть кое-что и больше того, что видит только вещественный глаз.

Кто из вас не замечал, что, находясь среди природы, чувствуешь себя как-то лучше, выше. Дух возносится. Верьте, что среди природы человек становится и лучше, и возвышеннее. Не чуждайтесь же сами природы, и не чуждайте детей ваших от нее. Она научит их постигать Бога и благоговеть перед Ним... Насколько благотворно влияет природа, видно хотя из стихотворений Ломоносова «О вечернем» и «Утреннем размышлении» или Лермонтова «Когда волнуется желтеющая нива».

47. Из знаний верных и ценных вырабатывается в нашей душе духовное содержание, которое поднимает, бодрит человека, – вырабатывается тот дух, который побуждает человека к лучшему, к труду, к честной благородной деятельности и отвращает его от низкого, нехорошего, нечестного.

Подобно тому, как яблоня или грушевое дерево всасывает в себя воду и другие вещества, и из них, сообразно своей природе, вырабатывает прекрасный плод, имеющий мало сходства с водой или другими веществами, воспринятыми деревом, так точно человеческий дух, воспринимая знания, из них вырабатывает новый продукт, плод духовный. И этот плод есть нечто высшее, более отвлеченное, чем те знания, которые первоначально были восприняты.

70. Созерцание природы во всей её красоте образует, облагораживает человека. Не задавайтесь никакими вопросами, не тревожьтесь никакими заботами, а прямо смотрите на картины природы, смотрите, когда вам удобно и возможно, и вы заметите, что это созерцание не остается бесследным для вашего духа. В духе как-то невольно возрождаются более широкие идеи, более широкое умозерцание. А это очень важно для продуктивной деятельности человеческого духа.

87. Учитель должен быть возвышен духом. Он должен стоять выше массы, в которой работает, – чтобы поднимать эту массу выше. Дух добрый, стремление к лучшему – должно всегда воодушевлять учителя. Будучи сам выше, лучше, он будет и к слабостям, и к проделкам детей, своих учеников относиться отечески. Он будет преисполнен христианской любви и милосердия, как заповедал Спаситель.

110. Чтобы быть счастливым, нужно думать, заботиться более о других, чем о себе. Эгоист никогда не бывает вполне счастливым. Сколько бы он не удовлетворял своему эгоизму, он не насытит его. Тот же, кто более заботится о других, чем о себе, в своей деятельности найдет неистощимый источник духовного наслаждения.

145. Очень ценно – всегда иметь светлое настроение: оно составляет счастье человека. Великое благо – внутренне спокойствие, благодушие. Имейте очи светлые и всё будет вокруг вас освещено. Смотрите с любовью на мир – и мир будет хорош. Сделайте хоть кого-нибудь счастливым – и вы сами будете счастливыми.

151. Нужно иметь чистое сердце так, чтобы ничто злое не возникало в сознании. Мысль человека есть отражение того настроения, которое господствует в сердце. Подобно тому, как цвет света зависит от источника, откуда он получается, так точно и характер мысли и даже содержание ее зависит от того сердечного настроения, которое господствует в индивидууме.

Ельницкий К.В. Из записной тетради старого учителя: педагогические заметки / К.В. Ельницкий. – СПб.: Издание М.М. Гутзаца, 1913. – 60 с.

Вопросы и задания

1. Какой из тезисов вам наиболее близок?
2. Есть ли, с вашей точки зрения, «устаревшие» тезисы? Ответ обоснуйте.
3. Продолжите мысль: «В любые исторические периоды и вне зависимости от социально-экономических условий основная задача учителя состоит в...».

***Петр Федорович Каптерев* Нравственно-эстетический элемент образовательного процесса**

Издавна образовательный процесс признавался находящимся в самой тесной связи с нравственным развитием человека. Старинный идеал человека – мудрец – обозначал не мыслителя только, который кроме теоретического разумения ничего и знать не хочет, а мудреца-практика, умевшего сочетать глубокое понимание жизни людей и знание природы с соответствующею высокою нравственной деятельностью. Мудрец был всеобщий учитель не только словом, но и делом, у него в душе ничто не расходилось; всё было согласно: и мысли, и поступки. Это был и очень умный и очень добродетельный человек.

<...> Образование признавалось нравственно облагораживающей деятельностью; возрастая духовно под влиянием образования, человек должен делаться не только умнее, но и лучше, до-

брее. Прогресс в знаниях и умственном развитии без прогресса в добрых нравах и нравственности есть регресс. <...>

Можно перекраивать науку о воспитании на разные лады, можно выделять из нее различные ветви и каждой давать значительную долю самостоятельности и независимости; можно, в частности, обособлять дидактику, говоря, что это есть специальная область педагогики, занимающаяся исследованием основных начал обучения, но предмет воспитания – человек – от этого нисколько не изменится, он по-прежнему останется единой цельной личностью, действуя на одну сторону которой, неизбежно, больше или меньше влияешь и на всю личность. <...> Обучение есть непосредственное воспитание ума и посредственное воспитание всего человека.

<...> Обучение есть воспитывающее обучение, а воспитание есть обучающее воспитание.

<...> Вопрос можно поставить так: высокое умственное развитие влечет ли необходимо вслед за собой значительное развитие всех других сторон человека? <...> Обратим внимание, прежде всего, на связь умственного развития с чувствованиями. <...> Когда речь идет о связи между умственным развитием и характером чувствований и действия, тогда под умственным развитием разумеется действительно широкое и разностороннее образование ума, владеющего связным и стройным мировоззрением. Ученость, обширные специальные знания и серьезное умственное развитие далеко не одно и то же. Обширные специальные знания могут уживаться с весьма слабым общим умственным развитием. <...> Мы признаем человека великим специалистом, ученым, но в то же время можем признать его и необразованным человеком. Если такого рода человек, при обширности своих специальных сведений, обнаруживает весьма низкое нравственное развитие, то никакого противоречия между состоянием его ума и чувства нет, потому что умственное его развитие весьма невысоко. Знание обширное, серьезное, основательное непременно облагораживает человека: оно приучает человека находить свое удовольствие в преследовании целей общечеловеческих, а не личных, эгоистических; оно переносит его мысль, сосредоточивает его внимание на вопросах и предметах разума, высшего творчества, а не материальных, обыденных.

<...> Что касается другой категории фактов – люди, не владеющие широким умственным образованием, совершают подвиги нравственного героизма, то в этом случае нужно различать две вещи, далеко не тождественные.<...> При недостатке теоретического развития некоторые элементарные чувствования могут достигать высокой степени напряжения и вызывать соответствующие действия – это факт, не подлежащий спору. Нравственно героическими называют часто действия, весьма элементарные по своей сущности, но весьма высокие по напряжению определяющего их нравственного мотива.

<...> Таким образом, вообще можно сказать, что между различными сторонами развития человека, <...> есть живая тесная связь, <...> хотя нельзя отрицать и возможности исключения из такого гармонического развития. <...> Поэтому великий догматист может быть мало религиозным человеком, учитель нравственности – мало нравственным, теоретик-гигиенист – нарушителем гигиены в своей личной жизни и домашней обстановке. Поэтому великие ученые и философы могут быть безнравственными людьми, а эпохи высшего расцвета культурной жизни народа вместе и эпохами упадка его нравственности и добродетели. <...>

Высказанными мыслями определяется и та цель, которую нужно преследовать при образовании ума. Эта цель не может заключаться в простом собирании и накоплении разнообразных знаний, в поглощении умом громадного фактического материала <...>. Подобное усвоение научного материала не может благотворно влиять на прочие стороны душевной деятельности человека, облагораживать его. Такое обучение не будет, в строгом смысле слова, воспитывающим обучением. <...> Цель воспитания ума может заключаться только в возбуждении разнообразных умственных интересов, умственной пытливости, в заложении прочного фундамента широкого и светлого мировоззрения.

<...> Нравственное развитие и умственное образование имеют по существу одинаковые цели и стремления. Задача образования ума заключается в познании истины, в стремлении к ней, в ее распространении и защите, в ее осуществлении. <...> Речь идет о том, что каждый исследователь должен добытую им истину распространять, защищать и осуществлять в жизни, <...> не покидать ее, быть ее глашатаем, защитником и покровителем. Дело

идет об умственно-нравственном приложении истины в жизни людей, а не об извлечении из нее практических выгод и удобств.

<...> Нравственное образование преследует те же задачи, что и умственное – познание истины и ее осуществление.<...> Человек, знающий, что такое добро, но не делающий добра, также мало может быть признан нравственно-образованным человеком, как человек, знающий, что такое истина, и скрывающий своё знание, не делящийся им с другими.

<...> Самая первая и существенная задача нравственного образования заключается в познании добра.

<...> Математические, астрономические, химические и подобные знания лежат далеко от нравственности, но нельзя сказать, чтобы совсем ее не касались. Каждый вообще учебный предмет может и должен быть так поставлен, чтобы в некоторой степени, хотя бы и небольшой, содействовал нравственному развитию учащихся, так как каждому предмету при разумной постановке его непременно присуща нравственно-воспитательная и образовательная сила. При преподавании каждого предмета можно и следует требовать: 1) отсутствия неряшливости и лени в рассуждении; 2) тщательного взвешивания всех доводов «за» и «против», хотя бы по отношению к любимой гипотезе; 3) устранения в рассуждении собственного самолюбия, пристрастия, слепой покорности авторитетам и принятым господствующим мнениям; 4) стремления учиться, расширять свои знания, совершенствовать свой ум; 5) смелого высказывания своих мнений и мужественной, энергичной защиты положений, признанных истинными.

Это целая школа умственно-нравственных упражнений. <...> К сожалению, это совсем упускается из виду. Чрезвычайно гонятся за широкими программами, за выполнением их к сроку, за блестящими экзаменами; требуют только знания, положенного учебными планами, а затем хоть трава не расти. Учитель спешит спросить учащихся, дать маленькое объяснение урока – и затем скорее на другой урок, в другое заведение. Всякие вопросы, заявления недоумений, особенно же защита учащимися своих мнений, нередко неправильных, всё это и смущает, и раздражает преподавателей и учебное начальство, всё это непорядок, самоволие, неуважение авторитета, непослушание.

Отсюда становится понятна рознь между этими двумя процессами, стремящимися к одной цели и непрерывно соприка-

сающимися и поддерживающими друг друга, – умственным образованием и нравственным развитием; становится понятным, как это мальчик, бывший прекрасным школьником, превосходно учившийся, позднее в жизни становится человеком низким. У нас в школах существует совершенно несообразное с природой дела явление: умственное образование само по себе, а нравственное развитие само по себе, а в конце концов, при искусственном разъединении этих естественных близнецов, ни того, ни другого, а одна выучка некоторым, совершенно разрозненным и обособленным, ничем не объединенным знаниям. Если же не разрушать естественной связи между умственным и нравственным образованием, если не иссушать науку, не обращать ее в ряд насильственных и схоластических упражнений, по программам и к сроку, дать ей возможность оказать свое благотворное действие на всю природу развивающегося человека, то ее влияние будет велико и благотворно, не изгладится всю жизнь; школа, школьная наука, школьное образование навсегда останутся светочем, освещающим пути человеку в темноте его практической деятельности, в лабиринте и путанице повседневных мелочей и дрязг. «Прощай, – говорил С.Т. Аксаков, покидая университет, – шумная, молодая, учебная жизнь! Прощайте первые невозвратные годы юности пылкой, ошибочной, неразумной, но чистой и благородной! ... Стены гимназии и университета, товарищи – вот, что составляло полный мир для меня. Там разрешались молодые вопросы, там удовлетворялись стремления и чувства. Там был суд, осуждение, оправдание и торжество! Там царствовало полное презрение ко всему низкому и подлому, ко всем своекорыстным расчетам и выгодам, ко всей житейской мудрости – и глубокое уважение ко всему честному и высокому, хотя бы и безрассудному. Память таких годов неразлучно живет с человеком и, не приметно для него, освещает и направляет его шаги в продолжение целой жизни, и куда бы его не затащили обстоятельства, как бы не втоптали в грязь и тину, она выводит его на честную и прямую дорогу»⁷.

Вот чем должно быть настоящее умственно-нравственное образование, вот как оно должно действовать на учащихся.

В тесной связи с умственным и нравственным находится и эстетическое образование человека, входившее издавна в состав

⁷ Аксаков С.Т. Семейная хроника и воспоминания. – СПб., 1886. – Ч. 2. – С. 160–161.

образовательного процесса, хотя бы в виде искусства петь церковные гимны и молитвословия. В своем эстетическом развитии человек проходит три ступени: навыка к окружающей его красоте, предполагая, что таковая имеется в близкой дитяти среде внешней природы и человеческой жизни, чувствования ее и понимания.

Царство красоты есть царство строго законосообразных явлений, облеченных в изящную форму, воспринимаемую органами внешних чувств. Не только на первых порах существования, но и долгое время дитя не будет воспринимать красоту окружающей его среды: строгая законосообразность красоты, точный расчет в конструкции ее явлений и обусловливаемое им изящество внешней формы выше детского понимания. Законообразная красота часто является в небольших, но сложных и мягких формах, не поражающих чувства, а такие явления не привлекают внимания детей; им нравится резкое, громкое, поражает большое, то, что сейчас доставляет им, хотя бы очень элементарное, но сильное, приятное впечатление. Какое же влияние окажет на дитя жизнь в изящной среде, красоты которой оно не замечает?

У него образуются эстетические навыки. Среда высоконравственных и очень умных людей – что она может дать дитяти, не понимающего не нравственного, ни безнравственного, ни умного, ни глупого? Окруженное средой, воплощающее во всем нравственность и ум, дитя невольно будет приобретать хорошие в нравственном смысле и разумные привычки, будет пропитываться разумом и нравственностью; не зная ни того, ни другого, оно будет подготавливаться к дальнейшему умственному и нравственному развитию. Учась говорить, дитя говорит прозой, не зная, что такое проза. Окруженное эстетической средой, дитя усвоит эстетические навыки, не зная, что вокруг него красота, оно, представляя одежду, мебель, дом, сад, природу, движения, речь, неизбежно будет представлять их в известной ему форме, т.е. красивыми, потому что всё около него красиво, и двигается, и говорит, и живет красиво. Эстетические навыки – естественный и прочный фундамент всего эстетического развития человека.

Период эстетической слепоты и глухоты минует, дитя мало-помалу начнет чувствовать окружающую его красоту и наслаждаться ею. Что произведет в нем эту перемену? Общее духовное развитие.

Для наслаждения красотой нужно уметь отрешаться от грубых и узких эгоистических интересов и переноситься в сферу личной заинтересованности. Узкий утилитаризм губит красоту. Один пятилетний мальчик, приведенный матерью на одну из передвижных выставок в Петрограде, делал такие замечания о картинах: при виде дачного пейзажа с летней природой, с обществом дачников, со столом, на котором стоял чайный прибор, мальчик заметил, что он бы хотел попить чаю; при виде сцены проводов на вокзале, он сказал, что тоже хотел бы ехать по железной дороге и т.п. Личные потребности, личные удовольствия, желания, разные эгоистические волнения и поползновения – вот что чувствует и переживает на первых порах дитя при виде прекрасного в природе и искусстве. И пока преобладает в нем этот узкий эгоизм, для него красота еще не существует.

И у взрослых своекорыстные чувствования и соображения отравляют и ослабляют эстетическое наслаждение, предполагающее значительную долю объективизма и бесстрастия. Недостаток этого условия делает малопродуктивным для значительного числа современников посещение театров, музеев, концертов, галерей. <...>

Нравственное чувство обуздывает человека, берет его в руки, укрощает в нем зверя. Оно воюет против эгоизма человека, делая обязательными доброжелательные отношения к другим. Нравственное чувство требует расширения кругозора человека, требует, чтобы человек думал не только о своем «Я», но и о других, не возвышал бы своих интересов над интересами других. Человек нравственного настроения, конечно, объективнее, бесстрастнее эгоиста; его взгляд шире. А потому и художественным произведением, и прекрасным видом природы, требующими душевного спокойствия и умиротворенности, нравственный человек может наслаждаться гораздо глубже, цельнее и интенсивнее, чем эгоист; так что можно прямо утверждать, что разумное нравственное развитие содействует чистоте и цельности эстетического наслаждения. <...> Если при виде прекрасной статуи или картины, изображающей обнаженное человеческое тело, у человека только и в голове, что желания чувственной любви, то <...> для него нет статуи или картины как произведения искусства, а есть лишь предметы, побуждающие желание обладания.

<...> Наслаждение прекрасным естественным путем побуждает к эстетическому творчеству, а содержание многих произведений искусства высоко поднимает, хотя бы и на недолгое время, чувства симпатии, благожелательности, любви и милосердия к людям, внушает множество благородных социальных стремлений <...>. Если эстетическое созерцание нуждается в нравственном чувстве для подавления эгоистических поползновений, то, с другой стороны, оно само может помогать нравственному чувству, <...> создавая умиротворенность, гармоничность человеческого существа, светлое радостное настроение.

Итак, в связи с общим развитием человека эстетическое образование есть облагораживающая человечество сила; поставленное же отдельно, обособленное от других сторон развития, эстетическое образование может дать только красивый пустоцвет, неспособный служить серьезному прогрессу жизни.

Каптерев П.Ф. Дидактические очерки Ч. II. Образовательный процесс, его психология / П.Ф. Каптерев. – Петроград, 1915. –

Гл. XI. Нравственно-эстетический элемент образовательного процесса. – С. 123–144.

Вопросы и задания

1. Найдите в тексте цитаты, где автор описывает состояние «образования в России» и примеры «российского образования». В чем разница?

2. Автор приводит воспоминания Сергея Тимофеевича Аксакова о гимназических и университетских годах. Как опыт обучения сказался на его мировоззрении и дальнейшей деятельности? Чем знаменит С.Т.Аксаков? Каков его вклад в национальное достояние нашего народа?

3. Как дидактические основы образования отражают универсальное триединство Истины, Добра и Красоты?

Александр Михайлович Копировский
«Троечисленное число всему добру начало...»
«Троица» Андрея Рублева

<...> Наверное, не мог себе представить инок Андрей слов, сказанных о его иконе спустя полтысячелетия после ее создания православным священником, утонченным интеллигентом Павлом Александровичем Флоренским: «Есть «Троица» Рублева – значит, есть Бог!»⁸.

Ведь для Рублева и его собратьев-иконописцев, священников и простых монахов, эта фраза должна была звучать, скорее, наоборот... Однако для множества людей его «Троица» сегодня даже не свидетельство о Боге. Она остается лишь потрясающим, иногда – до эмоционального шока, художественным произведением, стоящим в одном ряду с Венерой Милосской, «Джокондой» Леонардо да Винчи, загадочными сюжетами Рембрандта и даже яркими полотнами импрессионистов. А кто-то равнодушно пожмет плечами: «Подумаешь, три неподвижные фигуры с крыльями, не поймешь мужчины или женщины». Или, удивляясь восторгам других, возмутится: «Но ведь у Рублева было не всё в порядке с перспективой!» (Оба высказывания – на самом деле произнесенные в связи с этой иконой слова, а не плод фантазии автора этих строк).

Всё или не всё в порядке было у Рублева с перспективой – отдельный вопрос, мы его еще коснемся. Но в любом случае нельзя не признать: в этой иконе есть что-то, принципиально отличающее ее не только от картин, но и от других икон. И если человек задержится в «рублевском» зале Третьяковской галереи и постоит перед ней несколько минут – не читая этикетку, не озираясь в попытках найти подробную экспликацию, не пытаясь вспомнить, что читал или слышал о «Троице» раньше, – он довольно быстро увидит или хотя бы почувствует то, что сделало ее мировым шедевром. Знаменитая икона не расскажет ему ни о чем (визуально она не прочитывается как действие, «сюжет»). Но она даст ему почувствовать атмосферу свободы и покоя, о которой так мечтал Лермонтов, и которая дает понимание «поверх барьеров».

⁸ Флоренский П., свящ. Иконостас: Собрание сочинений : в 4 тт. – Париж: YMKA-PRESS, 1985. – Т. 1. – С. 225.

<...> Рублевская икона имеет самое непосредственное отношение к Царству – раю, который был утрачен первыми людьми и с избытком возвращен всему человечеству Христом.

<...> Речь идет не просто об иконе, а, если можно так сказать, об «иконе икон».

<...> Попытаемся теперь лучше всмотреться в нее. Используем для этого своего рода логические ступеньки, обозначенные простыми словами: «что?», «где?», «когда?» и «как?».

«ЧТО?» – в данном случае сюжет, положенный в основу изображения. Он подробно описан в первой книге Библии – «Бытие» (на языке оригинала она называется по первым словам – «В начале»), в ее 18 главе.

До этого рассказывалось о том, как Бог заключил со своим избранником Авраамом <...> завет, дав ему обещание: «Ты будешь отцом множества народов» (Быт. 17,4).

Переходим к 18-й главе:

«И явился ему Господь у дубравы Мамре (по-славянски – «у дуба Мамврийска» – примечание автора), когда он сидел при входе в шатер, во время зноя дневного. И возвел он очи свои и взглянул, и вот, три мужа стоят против него. Увидев, он побежал навстречу им от входа в шатер и поклонился до земли, и сказал: Владыка! если я обрел благоволение пред очами Твоими, не пройди мимо раба Твоего; и принесут немного воды, и омоют ноги ваши; и отдохните под сим деревом, а я принесу хлеба, и вы подкрепите сердца ваши; потом пойдите [в путь свой]; так как вы идете мимо раба вашего. Они сказали: сделай так, как говоришь» (Быт. 18, 1–5).

Из текста следует, что Авраам в лице трех путников как будто видит Самого Бога и поклоняется Ему. Русский перевод, изданный во второй половине XIX века, даже ставит при обращении Авраама к ним прописные буквы – «Твоими», «Твоего». Но приглашение подкрепиться хлебом – разве оно возможно по отношению к Богу? Кто же тогда явился Аврааму – Бог, ангелы или люди? И кем был он сам – боговидцем, тайнозрителем? или просто радушным или, как сказали бы в древности, «гостелюбивым» хозяином? Вопросы непростые ...

Однако Сарра, жена Авраама, без всяких вопросов испекла пресные хлебы (потому что приготовление еды нужно было завершить как можно скорее). Авраам заколол и приготовил для пришедших

теленка и поставил его перед ними, также молоко и масло, «а сам стоял подле них под деревом. И они ели» (Быт. 18,6).

Этот момент и показан во многих фресках и иконах Святой Троицы. Во многих – но не у Рублева. В его «Троице» – только три ангела, сидящие вокруг стола с чашей. Они склонили головы, приподняв в необычных жестах правые руки, в левой у каждого из них – тонкий красный посох. Сзади на иконе в левом верхнем углу – похожее на дворец здание с двумя колоннами. Посередине вверху – чуть согнутое «древо». И, наконец, в правом верхнем углу – небольшая светло-желтая гора, склоненная в том же направлении, что и дерево. И это всё!

Почему же иконописец, монах, призванный, как считается, полностью отсечь свою волю, так радикально изменил традиционный, широко известный сюжет? Почему написал именно так? Ответ на эти справедливые вопрошания постараемся найти чуть позже, отвечая на вопрос «как?». Скажем лишь предварительно, что икона никогда не может быть простым пересказом текста средствами живописи, его иллюстрацией. <...>

«ГДЕ?» и «КОГДА?» – вопросы о месте и времени написания иконы.

Вначале о месте. Написана она была, как говорят письменные источники, для находящегося тогда не меньше чем в двух днях пути от Москвы Троице-Сергиева монастыря. Точнее, для его единственного в то время Троицкого храма.

Но по манере письма, это, несомненно, Москва. Фигуры на московских иконах отличаются особенно гибким плавным контуром, такую линию называют «певучей». Еще – их объемностью при отсутствии ощущения тяжести. Значительностью размеров фигур: здесь их высота относится к общей высоте изображения почти как 4:5. Чистотой и звучностью цвета одежд. Гармоничным, не кричащим разнообразием красок, в которых преобладают холодные тона: голубой («голубец»), густо-синий («лазорь»), зеленый («изумруд»). Они уравновешены благородным вишневым («багор»), золотом ангельских крыльев, положенным поверх желтого («вохра») и золотом фона с ярко красной («киноварь») надписью названия иконы: «Святая Троица». И, конечно, знаменитыми «плавями»: лики написаны столь светло и нежно, что не видно мазка. Позже о таких иконах говорили – «дымом писано».

Так на Руси писали иконы только в первой половине XV века. А на его 10-е годы приходится время творческой зрелости инок-иконописца Андрея Рублева, и он пишет «Троицу». Это ответ на вопрос «когда?».

<...> «КАК?» Фигуры ангелов никак нельзя назвать застывшими. Каждый из них склоняет голову, при этом левый от нас больше, а правый – меньше. Их жесты неодинаковы. Средний ангел обращает руку прямо к чаше, левый делает это несколько издали. А рука правого странно повисает над столом.

Что же здесь происходит?

<...> Реставрационные протоколы утверждают, что чаша – не единственный предмет на столе. Рядом с ней – два небольших хлеба, составленных каждый из двух круглых частей. Те, кто часто бывает в храме, ни с чем их не спутает: это просфоры (от греч. «приношение» – *Примечание автора*). Такой хлеб приносится в храм как поминание за живых и усопших.

<...> Жест сложенных «двоперстно» рук среднего и левого ангелов (два пальца, указательный и средний, – вытянуты, а три – прижаты к ладони) тоже имеет прямое отношение к трапезе. Он явно направлен к чаше: это жест благословения. Итак, трапеза на иконе Рублева показана одновременно и как обычная еда, и как священнодействие.

Происходит оно не за обычным столом – ведь у него нет привычных ножек. Ангелы сидят вокруг небольшого куба с прямоугольной выемкой на передней стенке. Это точное воспроизведение каменного престола древнерусских храмов. <...> Отсюда, и чаша, и просфоры, и благословляющие жесты. Вместе с тем, слово «престол» означает еще и трон, на котором невидимо восседает Царь. В контексте иконы «Троица» — это Царь Небесный – Сам Бог.

Стоит обратить внимание также на скамьи («седалища»), на которых сидят ангелы – и они непростые. Это тоже троны, что видно по подножиям, они бывают только у трона. Деталь не случайная: так, косвенно, не в лоб, показывается «царственность и владычественность» ангелов <...>. Об этом уже говорят и их посохи. Они не страннические, но царские, что показано их изысканной формой и ярко-красным цветом.

Теперь можно вспомнить и о необычных перспективных построениях в рублевской иконе. Тех, кто недоумевает по этому

поводу, можно успокоить: у Рублева всё в порядке с перспективой. Но перспектива в его иконе не та, которая применяется в живописи по окончании эпохи Средневековья. Перспективу, то есть взаимное расположение фигур и предметов в картинной плоскости, позволяющее дать ощущение пространства, в иконописи называют «обратной», противопоставляя ее «прямой» перспективе в картине. Это значит, что изображение на иконе по мере удаления от переднего плана не уменьшается (как, например, уходящая вдаль дорога на картине Левитана «Владимирка»), а увеличивается. Происходит такое потому, что точка схода всех линий изображения находится не на горизонте, а перед изображением, т.е. как бы в глазу зрителя.

В любой иконе можно найти элементы такой перспективы. В рублевской «Троице» мы видим их в том, что и дом, и подножия ангельских сидений, и престол направлены к центру переднего плана. А главное – в очевидном развороте фигур ангелов на зрителя! Это лишает образ внутренней замкнутости. В результате мы наблюдаем себя уже не сторонними наблюдателями – «зрителями», а непосредственными участниками изображенного события.

Фигуры ангелов – ключ к содержанию образа, они его полностью создают. Даже находящиеся на заднем плане дом, дерево и гора до известной степени повторяют позы ангельских фигур. Так, дом за левым ангелом несколько вытянут и в верхней части сдвинут вперед, а дерево и гора (лучше «горка» – так принято говорить в терминах иконописи) склоняются именно в той манере, в которой склонены соответственно средний и правый ангелы. <...>

КТО есть КТО? Почти всегда толкование идет по следующей схеме: каждый из ангелов отождествляется – прямо или символически <...> с одним из Лиц Святой Троицы: Отца, Сына и Святого Духа.

Размышления о значении ангельских фигур <...> занимали многих серьёзных исследователей. <...> Предупреждение о возможной двусмысленности таких размышлений сделал <...> академик Михаил Владимирович Алпатов. Он писал:

«Нельзя подходить к Троице, как зритель нового времени подходит к исторической картине – с желанием узнать, кого изображает каждая фигура. Нужно понять, что задачей Рублева в иконе на эту тему было показать не то, что отличает одно лицо

Троицы от другого, а как раз обратное: показать и выразить средствами искусства, что они составляют нераздельное единство»⁹.

<...> Единство ангелов в иконе нельзя сводить к давно ставшему банальным призывом к миру и согласию поверх разделений. Достигать мира, «творить» его – совсем непросто. Мир уже в первых главах Библии видится полным трагических противоречий. Человек отделил себя от Бога и, как следствие, разделились мужчина и женщина, чувственность и созерцание, земля и небо, тварное и нетварное... Эти противоречия, связанные с неизбежными последствиями зла и греха, не могут быть преодолены ни волевым усилием, ни умозрительной гармонией. Исходя из этого, может показаться, что образ Пресвятой Троицы вообще невозможно написать. А если и возможно, то он должен быть самым сложным, абсолютно недоступным, ни для понимания умом, ни, тем более, для зрительного восприятия. Но Рублев сумел преодолеть это препятствие. Под его кистью традиционная, привычная иконография преобразилась.

В самом деле: фигур и деталей сюжета в иконе стало меньше, а содержание ее неизмеримо расширилось. Причина в том, что новая иконография, созданная Рублевым, не заменила прежнюю, с Авраамом и Саррой, где средний ангел был выше и больше остальных, а включила ее в себя. Фигуры праотцев не исчезли, они незримо переместились вперед, в пространство, где находятся все смотрящие на эту икону. А что же с фигурами ангелов? Неужели иконописец просто «уровнял» их друг с другом?

Нет. Начнем с их одежды. У среднего ангела – синий гимантий (плащ) и вишневым хитон (длинная нижняя рубаха) с золотой полосой («клавом») на правом плече. Это закрепленные иконописным каноном и потому легко узнаваемые на любой иконе одежды Христа. Два ангела рядом с Ним <...>: подобны среднему, хотя и отличаются от него.

<...> В то же время три прекрасные фигуры с золотыми крыльями, конечно, являют и образ самой Святой Троицы – но без рационального указания, даже намеком, на возможность «прочитать» тайну Её божественных Лиц. Но их явление – уже не напоминание о когда-то бывшем их явлении Аврааму. Богословы

⁹ Алпатов М.В. О значении Троицы Рублева // Этюды по истории русского искусства: В 2 тт. – М.: Искусство, 1967. – Т. 1. – С. 121.

называют его «Превечным», бывшем до начала времени, Советом Святой Троицы. Это Совет о сотворении мира и человека. <...>

Так Рублев силой своего таланта, а еще, конечно, смирением, прилежанием, духовной глубиной, чистотой и открытостью достиг в своей иконе гениальной простоты. Гениальной, потому что за ней ощущается бездонная глубина – именно глубина, а не «сложность».

<...> Связь истинной простоты с духовной глубиной неразрывна.<...> Удалив все второстепенные фигуры и детали из сюжета, великий иконописец не разрушил образа и не создал сухую идеологическую схему. Наоборот, у него получилось гениальное произведение, способное затронуть как знатока богословия и искусства, так и человека, едва знакомого с ними.

Копировский А.М. «Троечисленное число всему добру начало»: «Троица» Андрея Рублева / А.М. Копировский // Копировский А.М. Введение во храм: Очерки по церковному искусству. – М.: Культурно-просветительский фонд «Преображение», 2015. – С. 129-151.

Вопросы и задания

1. Где сегодня находится шедевр русского искусства, о котором идет речь в тексте?

2. Богословы и искусствоведы считают, что Андрею Рублеву удалось богословски точно (без искажений) выразить в красках триединство Лиц Святой Троицы. Как вы считаете, почему именно Андрей Рублев подошел наиболее близко к пониманию непостижимого Бога? Какое отношение Андрей Рублев имеет к Свято-Троицкой Сергиевой Лавре и преподобному Сергию Радонежскому?

3. Какое историческое событие было положено в основу иконы? Какими средствами иконописец выразил событие внеисторическое?

Материалы к теме 3
БИБЛИЯ И ДРУГИЕ ПИСЬМЕННЫЕ ФОРМЫ
ХРАНЕНИЯ И ПЕРЕДАЧИ ОСНОВ ДУХОВНОЙ
КУЛЬТУРЫ

Тексты Библии в содержании курса
«Основы православной культуры»

Бытие, глава 1

Творение мира

1 В начале сотворил Бог небо и землю.

2 Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою.

3 И сказал Бог: да будет свет. И стал свет.

4 И увидел Бог свет, что он хорош, и отделил Бог свет от тьмы.

5 И назвал Бог свет днем, а тьму ночью. И был вечер, и было утро: день один.

6 И сказал Бог: да будет твердь посреди воды, и да отделяет она воду от воды. [И стало так.]

7 И создал Бог твердь, и отделил воду, которая под твердью, от воды, которая над твердью. И стало так.

8 И назвал Бог твердь небом. [И увидел Бог, что это хорошо.] И был вечер, и было утро: день второй.

9 И сказал Бог: да соберется вода, которая под небом, в одно место, и да явится суша. И стало так. [И собралась вода под небом в свои места, и явилась суша.]

10 И назвал Бог сушу землею, а собрание вод назвал морями. И увидел Бог, что это хорошо.

11 И сказал Бог: да произрастит земля зелень, траву, сеющую семя [по роду и по подобию ее, и] дерево плодовитое, приносящее по роду своему плод, в котором семя его на земле. И стало так.

12 И произвела земля зелень, траву, сеющую семя по роду [и по подобию] ее, и дерево [плодовитое], приносящее плод, в котором семя его по роду его [на земле]. И увидел Бог, что это хорошо.

13 И был вечер, и было утро: день третий.

14 И сказал Бог: да будут светила на тверди небесной [для освещения земли и] для отделения дня от ночи, и для знамений, и времен, и дней, и годов;

15 и да будут они светильниками на тверди небесной, чтобы светить на землю. И стало так.

16 И создал Бог два светила великие: светило большее, для управления днем, и светило меньшее, для управления ночью, и звезды;

17 и поставил их Бог на тверди небесной, чтобы светить на землю,

18 и управлять днем и ночью, и отделять свет от тьмы. И увидел Бог, что это хорошо.

19 И был вечер, и было утро: день четвёртый.

20 И сказал Бог: да произведет вода пресмыкающихся, душу живую; и птицы да полетят над землею, по тверди небесной. [И стало так.]

21 И сотворил Бог рыб больших и всякую душу животных пресмыкающихся, которых произвела вода, по роду их, и всякую птицу пернатую по роду ее. И увидел Бог, что это хорошо.

22 И благословил их Бог, говоря: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте воды в морях, и птицы да размножаются на земле.

23 И был вечер, и было утро: день пятый.

24 И сказал Бог: да произведет земля душу живую по роду ее, скотов, и гадов, и зверей земных по роду их. И стало так.

25 И создал Бог зверей земных по роду их, и скот по роду его, и всех гадов земных по роду их. И увидел Бог, что это хорошо.

26 И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему [и] по подобию Нашему, и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, [и над зверями,] и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле.

27 И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их.

28 И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими [и над зверями,] и над птицами небесными, [и над всяким скотом, и над всею землею,] и над всяким животным, пресмыкающимся по земле.

29 И сказал Бог: вот, Я дал вам всякую траву, сеющую семя, какая есть на всей земле, и всякое дерево, у которого плод древесный, сеющий семя; – вам сие будет в пищу.

30 А всем зверям земным, и всем птицам небесным, и всякому [гаду,] пресмыкающемуся по земле, в котором душа живая, дал Я всю зелень травную в пищу. И стало так.

31 И увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма. И был вечер, и было утро: день шестой.

Бытие, глава 2

Сотворение человека

1 Так совершены небо и земля и все воинство их.

2 И совершил Бог к седьмому дню дела Свои, которые Он делал, и почил в день седьмый от всех дел Своих, которые делал.

3 И благословил Бог седьмой день, и освятил его, ибо в оный почил от всех дел Своих, которые Бог творил и созидал.

4 Вот происхождение неба и земли, при сотворении их, в то время, когда Господь Бог создал землю и небо,

5 и всякий полевой кустарник, которого еще не было на земле, и всякую полевую траву, которая еще не росла, ибо Господь Бог не посылал дождя на землю, и не было человека для возделывания земли,

6 но пар поднимался с земли и орошал все лице земли.

7 И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою.

8 И насадил Господь Бог рай в Едеме на востоке, и поместил там человека, которого создал.

9 И произрастил Господь Бог из земли всякое дерево, приятное на вид и хорошее для пищи, и дерево жизни посреди рая, и дерево познания добра и зла.

10 Из Едема выходила река для орошения рая; и потом разделялась на четыре реки.

11 Имя одной Фисон: она обтекает всю землю Хавила, ту, где золото;

12 и золото той земли хорошее; там бдолах и камень оникс.

13 Имя второй реки Гихон [Геон]: она обтекает всю землю Куш.

14 Имя третьей реки Хиддекель [Тигр]: она протекает пред Ассириею. Четвертая река Евфрат.

15 И взял Господь Бог человека, [которого создал,] и поселил его в саду Едемском, чтобы возделывать его и хранить его.

16 И заповедал Господь Бог человеку, говоря: от всякого дерева в саду ты будешь есть,

17 а от дерева познания добра и зла не ешь от него, ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь.

18 И сказал Господь Бог: не хорошо быть человеку одному; сотворим ему помощника, соответственного ему.

19 Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных, и привел [их] к человеку, чтобы видеть, как он назовет их, и чтобы, как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей.

20 И нарек человек имена всем скотам и птицам небесным и всем зверям полевым; но для человека не нашлось помощника, подобного ему.

21 И навел Господь Бог на человека крепкий сон; и, когда он уснул, взял одно из ребр его, и закрыл то место плотию.

22 И создал Господь Бог из ребра, взятого у человека, жену, и привел ее к человеку.

23 И сказал человек: вот, это кость от костей моих и плоть от плоти моей; она будет называться женою, ибо взята от мужа [своего].

24 Потому оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей; и будут [два] одна плоть.

25 И были оба наги, Адам и жена его, и не стыдились.

Бытие, глава 3

Грехопадение

1 Змей был хитрее всех зверей полевых, которых создал Господь Бог. И сказал змей жене: подлинно ли сказал Бог: не ешьте ни от какого дерева в раю?

2 И сказала жена змею: плоды с дерев мы можем есть,

3 только плодов дерева, которое среди рая, сказал Бог, не ешьте их и не прикасайтесь к ним, чтобы вам не умереть.

4 И сказал змей жене: нет, не умрете,

5 но знает Бог, что в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло.

6 И увидела жена, что дерево хорошо для пищи, и что оно приятно для глаз и вожделенно, потому что дает знание; и взяла плодов его и ела; и дала также мужу своему, и он ел.

7 И открылись глаза у них обоих, и узнали они, что наги, и сшили смоковные листья, и сделали себе опоясания.

8 И слышали голос Господа Бога, ходящего в раю во время прохлады дня; и скрылся Адам и жена его от лица Господа Бога между деревьями рая.

9 И воззвал Господь Бог к Адаму и сказал ему: [Адам,] где ты?

10 Он сказал: голос Твой я услышал в раю, и убоялся, потому что я наг, и скрылся.

11 И сказал [Бог]: кто сказал тебе, что ты наг? не ел ли ты от дерева, с которого Я запретил тебе есть?

12 Адам сказал: жена, которую Ты мне дал, она дала мне от дерева, и я ел.

13 И сказал Господь Бог жене: что ты это сделала? Жена сказала: змей обольстил меня, и я ела.

14 И сказал Господь Бог змею: за то, что ты сделал это, проклят ты пред всеми скотами и пред всеми зверями полевыми; ты будешь ходить на чреве твоём, и будешь есть прах во все дни жизни твоей;

15 и вражду положу между тобою и между женою, и между семенем твоим и между семенем ее; оно будет поражать тебя в голову, а ты будешь жалить его в пяту.

16 Жене сказал: умножая умножу скорбь твою в беременности твоей; в болезни будешь рождать детей; и к мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобою.

17 Адаму же сказал: за то, что ты послушал голоса жены твоей и ел от дерева, о котором Я заповедал тебе, сказав: не ешь от него, проклята земля за тебя; со скорбью будешь питаться от нее во все дни жизни твоей;

18 терния и волчцы произрастит она тебе; и будешь питаться полевой травой;

19 в поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься.

20 И нарек Адам имя жене своей: Ева, ибо она стала матерью всех живущих.

21 И сделал Господь Бог Адаму и жене его одежды кожаные и одел их.

22 И сказал Господь Бог: вот, Адам стал как один из Нас, зная добро и зло; и теперь как бы не простер он руки своей, и не взял также от дерева жизни, и не вкусил, и не стал жить вечно.

23 И выслал его Господь Бог из сада Едемского, чтобы возделывать землю, из которой он взят.

24 И изгнал Адама, и поставил на востоке у сада Едемского Херувима и пламенный меч обращающийся, чтобы охранять путь к дереву жизни.

Бытие, глава 4

Каин и Авель

1 Адам познал Еву, жену свою; и она зачала, и родила Каина, и сказала: приобрела я человека от Господа.

2 И еще родила брата его, Авеля. И был Авель пастырь овец, а Каин был земледелец.

3 Спустя несколько времени, Каин принес от плодов земли дар Господу,

4 и Авель также принес от первородных стада своего и от тука их. И призрел Господь на Авеля и на дар его,

5 а на Каина и на дар его не призрел. Каин сильно огорчился, и поникло лице его.

6 И сказал Господь [Бог] Каину: почему ты огорчился? и отчего поникло лице твое?

7 если делаешь доброе, то не поднимаешь ли лица? а если не делаешь доброго, то у дверей грех лежит; он влечет тебя к себе, но ты господствуй над ним.

8 И сказал Каин Авелю, брату своему: [пойдем в поле]. И когда они были в поле, восстал Каин на Авеля, брата своего, и убил его.

9 И сказал Господь [Бог] Каину: где Авель, брат твой? Он сказал: не знаю; разве я сторож брату моему?

10 И сказал [Господь]: что ты сделал? голос крови брата твоего вопиет ко Мне от земли;

11 и ныне проклят ты от земли, которая отверзла уста свои принять кровь брата твоего от руки твоей;

12 когда ты будешь возделывать землю, она не станет более давать силы своей для тебя; ты будешь изгнанником и скитальцем на земле.

13 И сказал Каин Господу [Богу]: наказание мое больше, нежели снести можно;

14 вот, Ты теперь сгоняешь меня с лица земли, и от лица Твоего я скроюсь, и буду изгнанником и скитальцем на земле; и всякий, кто встретится со мною, убьет меня.

15 И сказал ему Господь [Бог]: за то всякому, кто убьет Каина, отмстится всемеро. И сделал Господь [Бог] Каину знамение, чтобы никто, встретившись с ним, не убил его.

16 И пошел Каин от лица Господня и поселился в земле Нод, на восток от Едема.

Бытие. Глава 6

Ной и Всемирный потоп

<...>

5 И увидел Господь [Бог], что велико развращение человеков на земле, и что все мысли и помышления сердца их были зло во всякое время;

6 и раскаялся Господь, что создал человека на земле, и восскорбел в сердце Своем.

7 И сказал Господь: истреблю с лица земли человеков, которых Я сотворил, от человека до скотов, и гадов и птиц небесных истреблю, ибо Я раскаялся, что создал их.

8 Ной же обрел благодать пред очами Господа [Бога].

<...>

11 Но земля растлилась пред лицом Божиим, и наполнилась земля злодеяниями.

12 И воззрел [Господь] Бог на землю, и вот, она растленна, ибо всякая плоть извратила путь свой на земле.

13 И сказал [Господь] Бог Ною: конец всякой плоти пришел пред лице Мое, ибо земля наполнилась от них злодеяниями; и вот, Я истреблю их с земли.

14 Сделай себе ковчег из дерева гофер; отделения сделай в ковчеге и осмоли его смолою внутри и снаружи.

15 И сделай его так: длина ковчега триста локтей; ширина его пятьдесят локтей, а высота его тридцать локтей.

16 И сделай отверстие в ковчеге, и в локоть сведи его вверху, и дверь в ковчег сделай с боку его; устрой в нем нижнее, второе и третье [жилье].

17 И вот, Я наведу на землю потоп водный, чтоб истребить всякую плоть, в которой есть дух жизни, под небесами; все, что есть на земле, лишится жизни.

18 Но с тобою Я поставлю завет Мой, и войдешь в ковчег ты, и сыновья твои, и жена твоя, и жены сынов твоих с тобою.

Глава 7

<...>

7 И вошел Ной и сыновья его, и жена его, и жены сынов его с ним в ковчег от вод потопа.

8 И [из птиц чистых и из птиц нечистых, и] из скотов чистых и из скотов нечистых, [и из зверей] и из всех пресмыкающихся по земле

9 по паре, мужеского пола и женского, вошли к Ною в ковчег, как [Господь] Бог повелел Ною.

10 Чрез семь дней воды потопа пришли на землю.

11 В шестисотый год жизни Ноевой, во второй месяц, в семнадцатый [27] день месяца, в сей день разверзлись все источники великой бездны, и окна небесные отворились;

12 и лился на землю дождь сорок дней и сорок ночей.

<...>

Глава 8

<...>

6 По прошествии сорока дней Ной открыл сделанное им окно ковчега

7 и выпустил ворона, [чтобы видеть, убыла ли вода с земли,] который, вылетев, отлетал и прилетал, пока осушилась земля от воды.

8 Потом выпустил от себя голубя, чтобы видеть, сошла ли вода с лица земли,

9 но голубь не нашел места покоя для ног своих и возвратился к нему в ковчег, ибо вода была еще на поверхности всей земли; и он простер руку свою, и взял его, и принял к себе в ковчег.

10 И помедлил еще семь дней других и опять выпустил голубя из ковчега.

11 Голубь возвратился к нему в вечернее время, и вот, свежий масличный лист во рту у него, и Ной узнал, что вода сошла с земли.

12 Он помедлил еще семь дней других и [опять] выпустил голубя; и он уже не возвратился к нему.

13 Шестьсот первого года [жизни Ноевой] к первому [дню] первого месяца иссякла вода на земле; и открыл Ной кровлю ковчега и посмотрел, и вот, обсохла поверхность земли.

14 И во втором месяце, к двадцать седьмому дню месяца, земля высохла.

15 И сказал [Господь] Бог Ною:

16 выйди из ковчега ты и жена твоя, и сыновья твои, и жены сынов твоих с тобою;

17 выведи с собою всех животных, которые с тобою, от всякой плоти, из птиц, и скотов, и всех гадов, пресмыкающихся по земле: пусть разойдутся они по земле, и пусть плодятся и размножаются на земле.

18 И вышел Ной и сыновья его, и жена его, и жены сынов его с ним;

19 все звери, и [весь скот, и] все гады, и все птицы, все движущееся по земле, по родам своим, вышли из ковчега.

Бытие, глава 11

Башня Вавилонская: смешение языков

1 На всей земле был один язык и одно наречие.

2 Двинувшись с востока, они нашли в земле Сеннаар равнину и поселились там.

3 И сказали друг другу: наделаем кирпичей и обожжем огнем. И стали у них кирпичи вместо камней, а земляная смола вместо извести.

4 И сказали они: построим себе город и башню, высоту до небес, и сделаем себе имя, прежде нежели рассеемся по лицу всей земли.

5 И сошел Господь посмотреть город и башню, которые строили сыны человеческие.

6 И сказал Господь: вот, один народ, и один у всех язык; и вот что начали они делать, и не отстанут они от того, что задумали делать;

7 сойдем же и смешаем там язык их, так чтобы один не понимал речи другого.

8 И рассеял их Господь оттуда по всей земле; и они перестали строить город [и башню].

9 Посему дано ему имя: Вавилон, ибо там смешал Господь язык всей земли, и оттуда рассеял их Господь по всей земле.

Бытие. Глава 12

Авраам и его праведность. Явление Бога Аврааму

1 И сказал Господь Авраму: пойдя из земли твоей, от родства твоего и из дома отца твоего [и иди] в землю, которую Я укажу тебе;

2 и Я произведу от тебя великий народ, и благословлю тебя, и возвеличу имя твое, и будешь ты в благословение;

3 Я благословлю благословляющих тебя, и злословящих тебя прокляну; и благословятся в тебе все племена земные.

<...>

Глава 17

1 Аврам был девяноста девяти лет, и Господь явился Авраму и сказал ему: Я Бог Всемогущий; ходи предо Мною и будь непорочен;

2 и поставлю завет Мой между Мною и тобою, и весьма, весьма размножу тебя.

3 И пал Аврам на лице свое. Бог продолжал говорить с ним и сказал:

4 Я – вот завет Мой с тобою: ты будешь отцом множества народов,

5 и не будешь ты больше называться Аврамом, но будет тебе имя: Авраам, ибо Я сделаю тебя отцом множества народов;

6 и весьма, весьма распложу тебя, и произведу от тебя народы, и цари произойдут от тебя;

7 и поставлю завет Мой между Мною и тобою и между потомками твоими после тебя в роды их, завет вечный в том, что Я буду Богом твоим и потомков твоих после тебя;

8 и дам тебе и потомкам твоим после тебя землю, по которой ты странствуешь, всю землю Ханаанскую, во владение вечное; и буду им Богом.

9 И сказал Бог Аврааму: ты же соблюди завет Мой, ты и потомки твои после тебя в роды их.

<...>

Глава 18

1 И явился ему Господь у дубравы Мамре, когда он сидел при входе в шатер [свой], во время зноя дневного.

2 Он возвел очи свои и взглянул, и вот, три мужа стоят против него. Увидев, он побежал навстречу им от входа в шатер [свой] и поклонился до земли,

3 и сказал: Владыка! если я обрел благоволение пред очами Твоими, не пройди мимо раба Твоего;

4 и принесут немного воды, и омоют ноги ваши; и отдохните под сим деревом,

5 а я принесу хлеба, и вы подкрепите сердца ваши; потом пойдите [в путь свой]; так как вы идете мимо раба вашего. Они сказали: сделай так, как говоришь.

6 И поспешил Авраам в шатер к Сарре и сказал [ей]: поскорее замеси три саты лучшей муки и сделай пресные хлебы.

7 И побежал Авраам к стаду, и взял телят нежного и хорошего, и дал отроку, и тот поспешил приготовить его.

8 И взял масла и молока и телят приготовленного, и поставил перед ними, а сам стоял подле них под деревом. И они ели.

<...>

Евангелие от Матфея, глава 13

Притча о сеятеле

3 И поучал их много притчами, говоря: вот, вышел сеятель сеять;

4 и когда он сеял, иное упало при дороге, и налетели птицы и поклевали то;

5 иное упало на места каменистые, где немного было земли, и скоро взошло, потому что земля была неглубока.

6 Когда же взошло солнце, увяло, и, как не имело корня, засохло;

7 иное упало в терние, и выросло терние и заглушило его;
8 иное упало на добрую землю и принесло плод: одно во сто крат, а другое в шестьдесят, иное же в тридцать.

9 Кто имеет уши слышать, да слышит!

10 И, приступив, ученики сказали Ему: для чего притчами говоришь им?

11 Он сказал им в ответ: для того, что вам дано знать тайны Царствия Небесного, а им не дано,

12 ибо кто имеет, тому дано будет и приумножится, а кто не имеет, у того отнимется и то, что имеет;

13 потому говорю им притчами, что они видя не видят, и слыша не слышат, и не разумеют;

14 и сбывается над ними пророчество Исаии, которое говорит: слухом услышите – и не уразумеете, и глазами смотреть будете – и не увидите,

15 ибо огрубело сердце людей сих и ушами с трудом слышат, и глаза свои сомкнули, да не увидят глазами и не услышат ушами, и не уразумеют сердцем, и да не обратятся, чтобы Я исцелил их.

16 Ваши же блаженны очи, что видят, и уши ваши, что слышат,

17 ибо истинно говорю вам, что многие пророки и праведники желали видеть, что вы видите, и не видели, и слышать, что вы слышите, и не слышали.

18 Вы же выслушайте значение притчи о сеятеле:

19 ко всякому, слушающему слово о Царствии и не разумеющему, приходит лукавый и похищает посеянное в сердце его – вот кого означает посеянное при дороге.

20 А посеянное на каменистых местах означает того, кто слышит слово и тотчас с радостью принимает его;

21 но не имеет в себе корня и непостоянен: когда настанет скорбь или гонение за слово, тотчас соблазняется.

22 А посеянное в тернии означает того, кто слышит слово, но забота века сего и обольщение богатства заглушает слово, и оно бывает бесплодно.

23 Посеянное же на доброй земле означает слышащего слово и разумеющего, который и бывает плодоносен, так что иной приносит плод во сто крат, иной в шестьдесят, а иной в тридцать.

Евангелие от Луки, глава 15

Притча о блудном сыне

11 Еще сказал: у некоторого человека было два сына;

12 и сказал младший из них отцу: отче! дай мне следующую мне часть имения. И отец разделил им имение.

13 По прошествии немногих дней младший сын, собрав всё, пошел в дальнюю сторону и там расточил имение свое, живя распутно.

14 Когда же он прожил всё, настал великий голод в той стране, и он начал нуждаться;

15 и пошел, пристал к одному из жителей страны той, а тот послал его на поля свои пасти свиней;

16 и он рад был наполнить чрево свое рожками, которые ели свиньи, но никто не давал ему.

17 Придя же в себя, сказал: сколько наемников у отца моего избыточествуют хлебом, а я умираю от голода;

18 встану, пойду к отцу моему и скажу ему: отче! я согрешил против неба и пред тобою

19 и уже недостойн называться сыном твоим; прими меня в число наемников твоих.

20 Встал и пошел к отцу своему. И когда он был еще далеко, увидел его отец его и сжалился; и, побежав, пал ему на шею и целовал его.

21 Сын же сказал ему: отче! я согрешил против неба и пред тобою и уже недостойн называться сыном твоим.

22 А отец сказал рабам своим: принесите лучшую одежду и оденьте его, и дайте перстень на руку его и обувь на ноги;

23 и приведите откормленного тельца, и заколите; станем есть и веселиться!

24 ибо этот сын мой был мертв и ожил, пропадал и нашелся. И начали веселиться.

25 Старший же сын его был на поле; и возвращаясь, когда приблизился к дому, услышал пение и ликование;

26 и, призвав одного из слуг, спросил: что это такое?

27 Он сказал ему: брат твой пришел, и отец твой заколол откормленного тельца, потому что принял его здоровым.

28 Он осердился и не хотел войти. Отец же его, выйдя, звал его.

29 Но он сказал в ответ отцу: вот, я столько лет служу тебе и никогда не преступал приказания твоего, но ты никогда не дал мне и козлёнка, чтобы мне повеселиться с друзьями моими;

30 а когда этот сын твой, расточивший имение своё с блудницами, пришел, ты заколол для него откормленного теленка.

31 Он же сказал ему: сын мой! ты всегда со мною, и всё мое твое,

32 а о том надобно было радоваться и веселиться, что брат твой сей был мертв и ожил, пропадал и нашелся.

Евангелие от Луки, глава 10

Притча о милосердном самарянине

30 <...> некоторый человек шел из Иерусалима в Иерихон и попался разбойникам, которые сняли с него одежду, изранили его и ушли, оставив его едва живым.

31 По случаю один священник шел тою дорогою и, увидев его, прошел мимо.

32 Также и левит, быв на том месте, подошел, посмотрел и прошел мимо.

33 Самарянин же некто, проезжая, нашел на него и, увидев его, сжалился

34 и, подойдя, перевязал ему раны, возливая масло и вино; и, посадив его на своего осла, привез его в гостиницу и позаботился о нем;

35 а на другой день, отъезжая, вынул два динария, дал содержателю гостиницы и сказал ему: позаботься о нем; и если удержишь что более, я, когда возвращусь, отдам тебе.

36 Кто из этих троих, думаешь ты, был ближний попавшемуся разбойникам?

37 Он сказал: оказавший ему милость. Тогда Иисус сказал ему: иди, и ты поступай так же.

Кирилл Андерсон
Книга, открытая всем

Как трудно нам порой находить общий язык друг с другом! У каждого свои привязанности и увлечения, пристрастия и суждения. Слово, вдохновляющее одного, оставляет иных безучастными. Но есть книги, несущие слова не разъединяющие, а сближающие. Они одинаково понятны и нужны любому из нас. К таким книгам относится Библия. Библия по-русски означает просто «книги». Даже если человек никогда не держал Библии в руках, открыв и прочитав ее, многое в ней покажется ему хорошо знакомым. Не удивляйтесь: у нее есть чудесная способность входить в жизнь человека исподволь, не заявляя о себе громогласно. Разглядывая полотна художников, вслушиваясь в стихи и музыку, вы не всегда догадываетесь, что с вами говорит Библия, что именно ее сюжеты вдохновили художников, поэтов, музыкантов. Она словно родник, давший начало не одной, а множеству полноводных рек. Суровые лики, глядящие с потемневших от времени икон, раскованно страстные ритмы блюзов – религиозных песнопений американских негров, ставших классикой джаза, – вот какие несовместимые, казалось бы, вещи обязаны ей своим происхождением. И когда старшие втолковывают вам, как подобает, а как негоже поступать честному человеку, им самим подчас невдомек, что их поучения заимствованы у Библии.

Есть в ней некая тайна. Любой рудник или золотая жила в конце концов истощаются, отдав богатство старателям. И самый полный колодец иссякнет, если из него беспрерывно черпать воду. Но вот уже много столетий подряд десятки, сотни тысяч людей обращаются к Библии, вчитываются в каждую строку, задумываясь над ее смыслом. Не осталось ни единого имени, ни единого события, поведенного Библией, которое не было бы многократно переложено на язык поэзии, музыки, красок и философии. Однако приходит следующее поколение и обнаруживает сокровища Библии ничуть не оскудевшими и всякий раз открывает их для себя заново, будто это не одна и та же книга, а огромная, нескончаемая библиотека, на многие полки которой еще никто не

заглядывал... Да, Библия щедра: она готова дать вам то, в чем вы нуждаетесь, ибо предназначена всем – и тому, кто ищет смысл жизни, и жаждущему утешения, и снедаемому любознательностью, и тому, кто читает ее как Священное Писание, несущее верующим Слово Господне. С какими побуждениями и вопросами вы припадете к ней, тем она вам и ответит, никого не обделив. Возможно, вы не прочь дознаться до глубокой древности? А может быть, вам по душе описание кровавых сеч, богатырских подвигов и ошеломляющих чудес? Или вы хотите побольше узнать о заповедях пророков, заветах Христа и прочих предметах, известных вам понаслышке? Поверьте, ваше желание исполнится, каким бы оно не было.

<...> Любой из нас, странствуя от младенчества к старости, то и дело выходит на перепутья, большие и малые, и нет на них зачастую надписей, оберегающих от неверного шага. Каждый сам делает свой выбор и пожинает его плоды – радостные или горькие. Но о чем бы ни шла речь – о поступках, способных перевернуть судьбу, или о делах вроде бы совсем пустых, избирать в конечном счете приходится между правдой и ложью, добром и злом. И о том, сколь сложен и тернист путь человека к добру и сколь могущественно искушение злом, вам поведаст Библия.

Буквально на первых страницах Библии речь идет об одной из самых драматических историй, запечатленных в этой Книге, которая повлекла за собой катастрофу мировых масштабов. Адам и Ева, первые люди, сотворенные Богом, изгоняются из рая и обрекают себя на тяготы земной жизни, поскольку нарушили запрет Всевышнего, повелевшего им, питаясь всеми райскими плодами, не касаться одного дерева. Ослушались Бога Адам и Ева и были наказаны за свой грех.

<...> И во времена бесконечно далекие, о которых повествует Библия, желали люди, чтобы добро и правда господствовали в мире. Но как утвердить их власть? Можно спеленать человека строгими законами и запретами и под страхом жестокой расплаты повелеть ему остерегаться злого умысла и деяний... Да, силой, принуждением можно сотворить добро, но будет ли оно долговечно? Да разве может быть иначе? Какое мне дело до чужих за-

бот? Неужели я буду не изводить, а ублажать недруга, от которого я видел одни обиды? Неужели вместо мести я выберу прощение? «Любите всех людей: не только друзей, но и врагов своих», – учил своих учеников Иисус Христос, о жизни и деяниях Которого повествует Библия. Одни считали и считают Его Сыном Божьим, другие – проповедником, некогда скитавшимся по Иудее, третьи – мифом, а то и просто вымыслом. Учение Его оспаривали и отвергали, принимали безоговорочно и переиначивали, но, пожалуй, никто не усомнился в одном: оно несет в себе мудрость бескорыстной доброты.

Когда неудачи гонятся по пятам, а окружающие равнодушно взирают на наши невзгоды, мы сетуем на жестокосердных людей, на мир, несправедливый к нам, и мечтаем, чтобы он изменился к лучшему. Однако прежде чем требовать доброты и участия от других, загляните в себя – много ли милосердия и правдолюбия в вас самих? И если вы жаждете повсеместного воцарения добра, то не стоит ли для начала убедиться в том, что оно прочно воцарилось в вашей душе и не осталось в ней ни крупицы зависти, жадности, злобы? Когда, раздражаясь, вы готовы едко высмеять или обозвать бранными словами досадившего вам, вспомните слова Христа: «Не судите, и не судимы будете». Осуждая чужие недостатки и пороки, можете ли вы, не кривя душой, поручиться, что сами лишены их? Быть терпимее к другим и требовательнее к себе – не есть ли это начало сражения за добро и правду?

С неприятелем, как правило, не церемонятся – его уничтожают. Ветхозаветные пророки, наделенные особым даром, творили чудеса, устрашавшие, а то и губившие врагов. Христос тоже содеял немало чудес, но среди них – ни одного жестокого, напротив, они беспредельно милосердны: исцеление больных, изгнание бесов из одержимых ими, воскрешение усопших. Не причиняя никому вреда, Его чудеса тем не менее достигали цели: они устраняли врагов, но не умерщвляя, а превращая их в людей ближних.

Слово «ближний» часто встречается в Библии. Кого обозначает оно? Только ли родителей, друзей, близких родственников? Нет! Тот человек, который сделал вам нечто доброе, оказал помощь, большую или малую, – он и есть ваш ближний, даже если

ваша встреча была случайной, и вы никогда не знали его прежде и не увидите впредь. Доброта и участие роднят прочнее кровных уз. Так почему бы не попытаться стать ближним для всех, с кем сводит вас судьба надолго или на краткий миг? Тогда и вы обретете немалое число ближних, ибо к человеку неминуемо возвращается не только зло, которое он выпустил в мир, но и добро. Возможно, оно вернется к вам не из тех рук, в которые вы его вложили, а из других, но вернется непременно.

Не знаю, замечали ли вы одну любопытную особенность: чем богаче и мудрее мысль, тем проще и безыскуснее слова, в которые она облачена. «Во всем поступайте с людьми так, как вы хотите, чтобы люди поступали с вами» – таков нехитрый совет, оставленный людям Иисусом Христом. Его не сложно запомнить, гораздо сложнее следовать ему. Вокруг немало соблазнов, и так хочется взять от жизни побольше. Но что именно стоит брать? Набейте хоромы роскошью и драгоценностями, однако не станет ли тесно и неуютно вашей душе в таком доме? Конечно, вид пустого кармана удручает, но пустая душа прискорбнее во сто крат.

Каждый возводит свою жизнь собственными руками, по своему разумению и желанию. Можно посвятить ее самому себе, можно – служению людям, как поступил Христос. Можно сложить жизнь из дел бесчестных и худых, можно – из добрых и справедливых. Можно окружить себя горами золота, а можно – людьми, ставшими вам ближними. «Не хлебом единым жив человек», – убеждал Иисус. Его учение не повелевает, не приказывает вам поступать так, а не иначе. Оно лишь распахивает перед вами врата, за которыми простирается нелегкий и долгий путь к добру и любви. Вы вольны не переступать порог. Никто вас не принуждает. Решите сами, к чему вы стремитесь. Недаром Новый Завет разговаривает с вами языком иносказательным, языком притч. Их смысл порой спрятан между строк, и вам придется самим обнаружить его. И если вы докопаетесь до истины, она будет вечно принадлежать вам... «Ищите и найдете!» Воспримите эти слова Нового Завета как напутствие в ваших поисках добра и правды...

Андерсон К. Книга, открытая всем // Библейские легенды / пересказ М.А. Письменного; вступление К. Андерсон; илл. Г. Доре. – М.: Детская литература, 1992. – С. 5-10.

Вопросы и задания

1. Какие мысли автора подтверждают положение, что Библия – источник культуры?
2. Как вы считаете, нужно ли учителю (вне зависимости от преподаваемого им предмета) знать Библию? Обоснуйте свой ответ.

Василий Акимович Никифоров-Волгин Древняя Книга

Когда живы были старики, то _____ лежала под иконами, на полке, покрытая парчовым покровом. Сейчас она служит для хозяйственных надобностей большой семьи бухгалтера Ивана Платоновича Рукавишникова и лежит где попало. _____ (ей) пользовались как прессом, подпирали ею окно во время сильных ветров и давали перелистывать малым ребятам. На ее страницах дети рисовали домики и кораблики, садились на нее и становились.

Заглавные листы древней книги были исписаны житейными пометками, от дедовых лет и до нашего времени.

В ноябре 1752 года, узорной вязью, тихо и свято было написано:

«Сия боговдохновенная книга, истина и путь вверженному в пучину отчаяния! Сыне мой, возлюби мудрость веков древних и наслаждайся ею яко жаждущим воды живой. Вкушая сладость ея, долголетен и беспечален будеши на земле. Блуди книгу сию яко камень драгий, яко око свое. Да будет она тебе и потомству твоему в дар и благословение».

В 1812 году чья-то рука записала скорбные слова: «Помяни, Господи, во Царствии Твоем, убиенных на поле брани рабов твоих Петра, Герасима, Платона, – возлюбленных сынов моих».

«В лето 1845-е, января 12 дня волею Божией преставился родитель наш Аркадий Петрович Рукавишников. Жития его было 82 года, четыре месяца и три дня. Перед кончиной сказано было им в бреду: в мире скорбны будете: Огонь и кровь... престолов колебание, и алтарей осквернение...».

«Апреля 20 сего числа бысть великий гром. В книге, именуемой «Звездочет царя Ираклия», сказано: «Аще ли возгремит гром в юнце, пшенице пагуба по местам являет, и в западных странах недужи, в царских дворах радость велия».

«В канун Благовещения 1862 года читал пророчества Даниила о судьбах мира. Спаси, Господи, и помилуй землю Твою, грехми и беззакониями затемленную...».

«Сколь велика и премудра книга сия! Мое горе безутешным было, а теперь утешен есть».

Блеклые, рыжеватые от древности письма, ласково положенные дедами, сменяются другими: «Сахарная синяя бумага помогает от кашля, – сверни и кури. Чтобы зыбашное дитя не полошилось, положи веник под зыбку. «Чага» – зеленые наросты на березе – помогает от головной боли. Подберезнишна трава от горла».

«6 апреля 1899 года Петр Семеныч сделал предложение Глашеньке. 10 сего апреля портнихе Марье Демидовой дан целковый с четвертаком».

«2 июня 1902 года дано в стирку: две рубашки, три простыни, три наволочки, пять пар чулок и шесть носовых платков».

Скучающая рука жирно вывела печатными буквами: «Кто возьмет сию книгу без спроса, тот останется без носа».

Мелко-мелко, придушенными буквами накрапано на титульном листе: «Не забыть написать инспектору народных училищ о незаконном сожительстве с особой женского пола учителя Трофимова».

На первой странице книги Бытия, летающим почерком, задорно и молодо нечертано: «Моисей великий обманщик и фокусник».

В конце _____ продолжение записей на переплете: «Прадед, дед и вообще милые родственнички набитые дураки! Некоторые, которые умные, в такие основательные переплеты золотые червонцы зашивали, а здесь ничего, – зря лишь ножик сломал!».

«16 сентября 1918 г. я удостоверился на личном факте, что ни хрена божественного нет. Вырываю страницу из этой называемой _____ и иду туда, куда царь пешком ходил».

В уголке испуганными старческими строками приписано исполнившееся пророчество Аркадия Петровича Рукавишникова в 1845 году: «огонь и кровь... престолов колебание и алтарей осквернение».

Через весь лист последней страницы Апокалипсиса бойко прошла надпись красным карандашом: «12 июля 1933 года наша футбольная команда попала в класс «А». Ура!».

Никифоров-Волгин В.А. Древняя книга // Никифоров-Волгин В.А. Дорожный посох: Избранное / Сост., предисл. и коммент. С. Исакова. – М.: Русская книга, 1992. – С. 72-74.

Вопросы и задания

1. Прочитайте рассказ. Вставьте пропущенные слова, ответив перед этим, о какой «древней книге» идет речь. Какие еще названия книг здесь упоминаются?

2. Какое количество лет охватывает этот рассказ? Как меняется мировосприятие владельцев «древней книги» за эти годы? О чем говорят оставленные ими надписи?

3. Какая из надписей, оставленных на упомянутой в рассказе книги, вам более близка по настроению? Обоснуйте свой ответ.

Библейские аллюзии в русской и зарубежной литературе

В этот подраздел включены как отрывки классических художественных произведений, так и выдержки из работ авторитетных критиков, лингвистов. Основанием для отбора приведенных здесь текстов является их изучение в школьной программе. Такими являются:

- древнерусская литература;
- «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского;
- «Мастер и Маргарита» М.А. Булгакова;

- сказки (на примере сказки Х.К. Андерсена «Снежная королева»);
- поэтическое наследие И.А. Бунина и Н.А. Некрасова.

Валентин Семенович Непомнящий

К проблеме целостной концепции русской культуры

<...> Что касается древнерусской литературы, то ее, как писал в своё время Д.С. Лихачев, «можно рассматривать как литературу одной темы и одного сюжета. Этот сюжет – мировая история, и эта тема – смысл человеческой жизни»¹⁰.

<...> Это значит, что литература свидетельствовала об истории падшего мира в свете учения о спасении. Даже светские сочинения начинались нередко с событий Священной истории – от сотворения мира и грехопадения до Боговоплощения, жертвы Спасителя и начала христианской эры, – и на этом фоне разворачивался сюжет. Каков бы он ни был сам по себе, конечный смысл его перерастал преходящую данность наличной действительности и вписывался в перспективу абсолютной картины мира, в котором человек пал, но обрел возможность спасения через жертву Сына Человеческого. Нисколько не утаивая трагизма наличной действительности, эта литература в целом была необычайно светлой, гуманной (говоря по-нынешнему) и полной надежды: при всех слабостях и падениях человека, она видела в нем искру Замысла, черты образа Божия и, говоря горькую правду о нем, в тоже время призывала *милость к падшим*.

Знаменательно, что у истоков этой литературы стоит одно из празднично радостных ее произведений – Иларионово «Слово о законе и благодати» («О законе, данном через Моисея, и о благодати и истине, явленной Иисусом Христом...»), где главная тема – христианская иерархия ценностей, отношение между наличной действительностью человеческого существования (отраженной в законе) и благодатью Божественного Замысла о человеке <...>.

¹⁰ В кн.: «Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси)». – М., 1969. – С. 9.

«Отсчет» ценностей производится здесь не «снизу», не от условий «действительности» падшего мира, пусть и упорядочиваемой «законом», а «сверху», со стороны идеала – высокого призвания человека, «благодати и истины», явленной человеку Христом. <...> Человек как образ и подобие Божие – это Замысел; стало быть, и идеал, и отправная точка, и цель, и мера.

Подобная телеологическая, а не детерминистская, творческая, а не натуралистическая ценностная ориентация, когда критерий – высоко впереди, за пределами наличного состояния людей, и определила характер нарождающейся русской литературы, ее высокий счет к человеку, высокую любовь к нему и милосердие; здесь истоки ее «идеализма», ее светлого колорита и других «своеобразных» особенностей <...>.

<...> Речь идет не о какой-то особенной и «своеобразной» духовности, но – собственно и универсально христианской, в известном смысле собственно и универсально человеческой – постольку, поскольку прав был Тертуллиан в том, что душа человеческая по природе христианка. Потому-то так «всемирно отзывчива», всемирно притягательная и в то же время типологически неуловима «специфика» того, что называется «русской духовностью»: у этого качества всехристианская «закваска».

<...>

<...> Нужна *духовная история* русской литературы, которая может составить основу для целостной концепции русской культуры как мирового феномена и тем самым – для осмысления нашего духовного пути. Такое осмысление невозможно <...> вне соотнесения с вероисповедной природой «русской духовности» <...>. Вся история русской культуры с ее взлетами, подвигами, отклонениями и ересями, все ее победы и внутренние драмы совершаются относительно этой неизменной – православной – оси. Духовный путь Пушкина, трагедия Гоголя, богоборчество и «демонизм» самого, может быть, религиозного, самого верующего поэта Лермонтова; ересь Льва Толстого как ересь воспитанного в православии человека по отношению к православию; тяжкая драма Блока, его отношений, поэта, соблазвившегося сверхчеловеческим, с идеалом Богочеловеческого; «Разговор с товарищем Лениным» другого необычайно религиозного поэта Маяковского, как подмена вечерней молитвы; коммунистические идеалы, про-

пагандировавшиеся советской культурой, как оборотень православной соборности; «пролетарский интернационализм» и «социалистический реализм» как «превращенные формы» христианских ценностей <...> и пр., и пр. – в любом из этих и многих иных подобных явлений, везде бьется, корчится и изнывает «русская духовность», с кровью отрываема от своих вероисповедных корней и отчаянно сопротивляющаяся.

Непомнящий В.С. Удерживающий теперь. Феномен Пушкина и исторический жребий России. К проблеме целостной концепции русской культуры / В.С. Непомнящий // Пушкин. Избранные работы 1960-х – 1990-х гг.: в 2 т. / В.С. Непомнящий. – М.: Жизнь и мысль, 2001. – Т. II. – С. 408–411.

Вопросы и задания

1. Как вы считаете, почему День православной книги считают днем русской литературы?

2. На какие произведения русской литературы вы акцентировали бы внимание своих воспитанников в рамках празднования Дня православной книги?

Симонетта Сальвестрони

Библейские и святоотеческие источники романов Достоевского

<...> Состояние Раскольникова после совершенного преступления, как он сам говорит Соне, подобно состоянию человека, убившего не только процентщицу, но и себя. Герой живет как в могиле, отделенный от людей барьером, который он чувствует, не может переступить. <...>

Непредвиденный душевный переворот превращает поступок, который в замысле должен был стать толчком к деятельности «необыкновенного человека», в действие, «отрезающее» его «ото всего и ото всех». Это состояние изоляции и отторгнутости с необыкновенной ясностью обнаруживается в одном эпизоде, значи-

тельном на разных смысловых уровнях. Речь идет об эпизоде, когда во время странствий по городу <...> главный герой останавливается и смотрит на Неву в сторону дворца.

«Купол собора, который ни с какой точки не обрисовывается лучше, <...> так и сиял, и сквозь чистый воздух можно было отчетливо разглядеть даже каждое его украшение. <...> Это место было ему особенно знакомо. Когда он ходил в университет, <...> случалось ему, может быть, раз сто, останавливаться именно на этом же самом месте, пристально вглядываться в эту действительно великолепную панораму и каждый раз почти удивляться одному неясному и неразрешимому своему впечатлению. Необъяснимым холодом веяло на него всегда от этой великолепной панорамы; ДУХОМ НЕМОЙ И ГЛУХИМ была полна для него эта пышная картина... Дивился он каждый раз своему угрюмому и загадочному впечатлению и откладывал разгадку его, не доверяя себе, в будущее...».

Даже если герой, познавший разложение, грязь, зловоние бедных районов Петербурга, и не отдает себе в том отчета, его потрясает красота, кажущаяся ему холодной и мертвой потому, что держится на безразличии и эгоизме жителей богатых и чистых районов к проблемам тех, кто не является частью их мира.

В подготовительных материалах осени 1865 года уже содержится первый вариант этого отрывка. Важно то, что прилагательные «немой и глухой» в нем поставлены Достоевским в кавычки. <...>

Кавычками автор выделяет прямое обращение к Евангелию от Марка, скрытая цитата из которого присутствует и в окончательном тексте, но уже без какого бы то ни было выделения: «Иисус, видя, что сбегается народ, запретил духу нечистому, сказав ему: дух немой и глухой! Я повелеваю тебе, выйди из него и впредь не входи в него» (Мк. 9, 25).

В евангельском эпизоде с бесноватым эпилептиком «дух немой и глухой» закрывает ребенка, делает его неспособным открыться слову, принятию милости Бога и ответу на нее. Вопрос о красоте, поднимаемый Раскольниковым в этом отрывке, играет важную роль в романах Достоевского. <...> В «Преступлении и

наказании» как указывает используемая автором евангельская цитата, в исключительно внешней красоте петербургского пейзажа, которым восхищается Раскольников, потеряна связь с духовностью, способной придать этой красоте полноту и гармонию.

<...> В эпизоде на мосту раскрываются две стороны души главного героя. <...> Раскольников, еще не совершив преступления, воспринимает благодаря своей крайней чувствительности, то зло, которое исходит от этой красоты и ставит перед собой трудные «вечные вопросы» о добре и справедливости. После совершения преступления, явившегося актом равнодушия к другому человеку, «дух немой и глухой» уже не вне, он уже овладел героем. Хладнокровно убив человеческое существо, чтобы завладеть его деньгами, Раскольников совершает акт, отгораживающий его от вопросов, столь важных для него ранее, убийство делает убийцу «немым и глухим» сводя его жизнь к жизни заживо погребенного человека – и на эту жизнь он сам себя обрек. <...>

Это то состояние, которое Достоевский, объясняя идею и смысл «Преступления наказания», описывает М.Н. Каткову в сентябрьском письме 1865 года: «<...> Неразрешимые вопросы встают перед убийцею, неподозреваемые и неожиданные чувства мучают его сердце <...>, он кончает тем, что принужден сам на себя донести. Принужден, чтобы хотя погибнуть в каторге, но примкнуть опять к людям; чувство разомкнутости и разъединенности с человечеством, которое он ощутил тот час же по совершении преступления, замучило его <...>».

Первым шагом убийцы Раскольникова к возрождению является его помощь другому человеку, когда он начинает заботиться, «как будто дело шло о родном отце», об умирающем Мармеладове, задавленном коляской, осторожно поддерживая ему голову и обмывая залитое кровью лицо. Герой, удаляясь от дома умершего испачканным кровью, но не пролитой, а обмытой им, подвигнутый на это инстинктивным состраданием, трепещет от ощущения «вдруг прихлынувшей полной и могучей жизни. Это ощущение могло походило на ощущение приговоренного к смертной казни, которому вдруг и неожиданно объявляют прощение».

<...> «Преступление и наказание» является первым произведением Достоевского, в которое включен как текст в тексте

длинный евангельский фрагмент. Глава, повествующая о том, как Соня по просьбе своего посетителя читает отрывок из Евангелия от Иоанна, является на наш взгляд, средоточием основных нитей романа. Именно здесь дается Раскольникову, а вместе с ним и читателям, ключ к интерпретации событий его жизни, что сам он еще не осознает тот момент. Отсюда начинается тот процесс, который автор заставляет совершить своего героя; пелена упадет с его глаз, и он увидит себя таким, какой он есть в действительности, не благодаря неожиданному откровению, а пройдя длинный, тягостный и напряжённый путь. <...>

Второе ощущение Богоприсутствия происходит в убогой комнате Сони, в обстановке, говорящей о нищете: от истертых, грязных, желтоватых обоев до запаха сырости. Достоевский уделяет особое место в своем романе Евангелию: оно лежит на комоде в большой, низкой, почти лишенной мебели комнате в форме неправильного четырехугольника, один угол которой, «ужасно острый, убежал куда-то вглубь <...>; другой же угол был уже слишком безобразно тупой». Принесенный туда ранее Лизаветой, жертвой убийцы, старый томик Нового Завета, «подержанный, в кожаном переплете», бедный, как и всё в этой комнате, лежит на небольшом простого дерева комоде, как бы «затерявшимся в пустоте», противоположной стороной прислонённый к кровати, на которой Соня принимает клиентов. <...> Обращаясь к своему личному опыту, Достоевский в «Преступлении и наказании» делает так, что Новый Завет освещает именно эту ситуацию, как и в других обстоятельствах он явился единственно возможным светом в жизни каторжан и в его собственной жизни в этот период.

<...> Искренность и теплота Сони приводят их к взаимной открытости и откровению, происходящему также и через чтение всего евангельского отрывка о Лазаре. После начальной строки («Был де болен некто Лазарь, из Вифании...»). Достоевский приводит в тексте только наиболее значимые фрагменты, перемежаемые мыслями и надеждами девушки: «Иисус говорит ей: воскреснет брат твой. Марфа сказала ему: знаю, что воскреснет в воскресение, в последний день. Иисус сказал ей: **Я есть воскресение и жизнь**; верующий в меня не умрет вовек. Верить ли се-

му? Она говорит ему: (и как бы с болью, переведя дух, Соня раздельно и с силою прочла, точно сама во всеуслышание исповедовала:) Так, Господи! Я верую, что Ты Христос, Сын Божий, грядущий в мир». Она было остановилась, быстро подняла было на него глаза, но поскорей пересилила себя и стала читать далее».

Иисус хочет дать понять Марфе, что Он пришел не для того, чтобы дать возрождение и жизнь в конце времен, но уже в настоящем в сиюминутной жизни каждого человека, который живет и верит в Него, несмотря на свое состояние, даже самое отчаянное. Это проявление в конкретном эпизоде того, что Иоанн уже выразил в первых строках своего Евангелия: свет и жизнь уже пришли в мир, они здесь, если даже мир их еще не признал. Этот отрывок крайне важен для Сони, которая основывает на этих словах весь смысл своего несчастного существования.

<...> Христос не приходит сразу на помощь ни к Лазарю (имя которого значит «Бог придет в помощь»), ни к двум героям «Преступления и наказания», потому что Божественный промысл шире того, что представляется «слепым иудеям». Он требует от людей глубоко выстраданного процесса самопознания, их активного участия и готовности быть инструментом перерождения <...>.

Если мы проанализируем «Преступление и наказание» в свете этого эпизода из Евангелия от Иоанна, где Божественный замысел явно проявляется в «знаке», данном героям евангельской сцены, а также всем читателям, мы сможем заметить, что в жизни Раскольникова существует глубинная связь между разными событиями, внешне случайными и не связанными между собой. К Соне послана Лизавета, приносящая ей Евангелие и крест, к Раскольникову послан Мармеладов; Соня, в свою очередь, передает ему завет веры, смирения и кротости женщины, убитой им по воле случая.

<...>

Время, выбранное Достоевским для событий эпилога, явно символично. Решающий момент внутреннего перерождения главного героя происходит девять месяцев спустя после его приезда на каторгу, в недели, предшествующие Пасхе и непосредственно следующие за ней. К тому же каторжный срок, назначен-

ный ему, – семь лет («В начале своего счастья, в иные мгновения, они оба готовы были смотреть на эти семь лет, как на семь дней»), – как семь дней творения.

<...> В произведениях Достоевского процесс возрождения не значит возвращения к состоянию бессознательного инаивного счастья, а значит открытие в себе этого состояния, обогащенного зрелым познанием себя, а также всего пережитого. <...> Счастье, достигнутое героями на заключительных страницах, не может быть легким и поверхностным. Как Достоевский подчеркивал в записи от 2 января 1866 года, оно завоевывается высокой ценой, и именно поэтому так дорого. Для обоих оно является результатом страдания, поставившего их на колени, сбросившего с них всё поверхностное, сделавшего их смиренными и обнажившими-ся перед самими собою, перед другими и перед Богом. Как прежде Соня, так и позже Раскольников приходят к открытию собственной бедности, нужды и помощи, своей незначительности, лишь дойдя до крайности. Именно здесь утверждается кардинальный тезис православной духовности. Исаак Сириин пишет: «Кто познал себя, тому дается ведение всего, потому что познать себя есть полнота ведения о всем <...>, вследствие подчинения души твоей подчинится тебе всё. В то время, как смирение воцаряется в житии твоём, покоряется тебе душа твоя, а с нею покорится тебе всё, потому что в сердце твоём рождается мир Божий. Но пока ты вне его, не только страсти, но и обстоятельства будут непрестанно преследовать тебя <...> Истинное смирение есть порождение ведения» (Исаак Сириин. Слово 74; 372).

Сальвестрони С. Библейские и святоотеческие источники романов Достоевского / С. Сальвестрони. – СПб.: Академический проект, 2001. – С. 35–50.

Вопросы и задания

Выпишите прямые цитаты из Священного Писания и библейские образы, упоминаемые в тексте.

Андрей Вячеславович Кураев, дьякон
«Мастер и Маргарита»: за Христа или против?

<...> В литературоведении принято опираться на итоговую, беловую авторскую рукопись. Если между беловиком, тем текстом, который автор передал в издательство, и черновыми, более ранними, набросками есть расхождение, то предпочтение отдается именно позднему варианту. Вполне понятный и логический принцип.

Но всё же есть такие книги, к которым он не может быть применим. Например – к произведениям подцензурной литературы. Если писатель работает в условиях жесткой внешней цензуры, то со временем он переходит к самоцензуре. <...> Он знает требования цензуры и вкусы конкретного цензора. И тогда он сам может подправлять свой текст накануне отдачи его в чужие руки. <...>

Булгаков писал свой последний роман в годы жесточайшей цензуры, уже имея огромный опыт продиранья через нее. Он хотел видеть свой роман опубликованным. <...>

И чтобы в конце 30-х годов опубликовать «Мастера и Маргариту», надо было многое в тексте спрятать от поверхностных читателей и цензоров... А потому обращение к ранним редакциям оказывается необходимым для понимания итогового текста.

Разные редакции, отражающие разные этапы работы Булгакова над текстом «Мастера и Маргариты», принято обозначать так:

Черный маг (1928-1929)

Копыто инженера (1929-1930)

Великий Канцлер (1932-1936)

Князь тьмы (1937)

Вторая полная рукописная редакция романа (1938)

<...> Изначально у Булгакова всё было очевидно: автор «романа о Пилате» – Воланд. Но по мере переработки романа «исполнителем» рукописи становится человек – Мастер.

Впервые на страницах булгаковского романа Мастер появляется довольно поздно – в тетрадах 1931 года (позже, чем Маргарита). Автором же романа о Пилате он становится еще позже – только осенью 1933 года (он еще «поэт»; впервые «мастером» называет его Азazelло).

До той же поры авторство Воланда несомненно. Даже свое имя Мастер заимствовал у Воланда. В первых редакциях романа

так почтительно именовала Воланда свита (несомненно, вслед за источниками, где сатана или глава какого-нибудь дьявольского ордена иногда называется «Великим Мастером»).

При этом двух Мастеров в романе никогда не было: когда Мастером был Воланд, любовник Маргариты назывался «поэтом».

Переход имени означает и частичный переход функции. Создавая образ Иешуа, мастер подхватывает работу Воланда. И тут появляется интересный нюанс. Теперь авторство черного евангелия выстраивается многоступенчато – как и в случае с евангелиями церковными. В богословии различаются «Евангелие Христа» и «Евангелие от Матфея». «Евангелие Христа» – это проповедь самого Христа. Четыре «Евангелия от...» – это передача проповеди Христа четырьмя различными людьми. «От» – это перевод греческого предлога «ката», смысл которого точнее было бы перевести «по». В каждой из этих передач есть свои акценты и приоритеты. Значит, названия наших главных церковных книг «евангелие Иисуса Христа по Матфею», «... в передаче Матфея».

Вот также и у Булгакова после передачи Мастеру пера, набрасывающего «роман о Пилате», начинает различаться «евангелие Воланда» и «евангелие от Мастера». Автором первого является непосредственно сатана, а вот литературное оформление второго передается человеку – Мастеру. Но Мастер творчески активен и самостоятелен лишь в литературном оформлении, а не в сути.

О несамостоятельности работы Мастера над своим романом говорит многое. Во-первых, то, что у Мастера нет своего личного имени. Во-вторых, то, что рассказ о Пилате начинается до появления Мастера на арене московского романа и продолжается уже после того, как Мастер сжег свой роман. Кто начинает и кто завершает? – Воланд.

Причем Воланд презентует этот рассказ на правах «очевидца».

<...>

Отношения Мастера с Воландом – это классические отношения человека-творца с демоном: человек свой талант отдает духу, а взамен получает от него дары (информацию, видения-«картинки», энергию, силы, при необходимости и «материальную помощь» и защиту от недругов).

Порой при этом сам человек не понимает до конца, откуда же именно пришел к нему источник его вдохновения. Мастер, на-

пример, уже завершив свой роман, впервые встречается с Воландом лицом к лицу. <...>

Вот чего нет у сатаны – так это собственного творческого таланта. Оттого так ненужны, скучны и повторны пакости воландовской свиты в конце московского романа (уже после бала у сатаны).

По православному учению, человек поставлен выше ангелов. И в самом деле, «ангел» – это просто вестник. От почтальона не ждут, чтобы он творчески переиначивал порученную ему телеграмму.

<...>

Природа ангелов проста, и им нечем «руководить», но человек двусоставен, и душа должна владеть телом, а для этого как минимум она должна обладать способностью к властвованию. <...> Способность же творить, менять мир и владычествовать над ним вменена человеку вместе с телесностью.

<...> Сатана – ангел (хотя и павший). И поэтому он сам не может творить. Поэтому и нуждается он в творческой помощи людей. Поэтому и нужны ему всё новые Фаусты – в том числе и Мастер.

Воланд одалживает Мастеру свои глаза, дает ему видения. Мастер же (которого Булгаков выводит на сцену в тринадцатой главе) эти видения пропускает через свой литературный гений.

Воланд просто использует Мастера в качестве медиума. Но этот контакт в итоге выжигает талант Мастера, который по завершении своей миссии становится творчески бессилён.

Эта история очередного Фауста необычна, пожалуй, лишь одним: в жизни Мастера нет минуты решения, выбора. Оттого нет и договора. Мастер не способен к поступкам. Он медиумично плывет по течению и оправдывает себя формулой иуд всех веков: иного, мол, и не остается. <...>

Воланд просто подобрал то, что плохо лежало. Мастер не продал сатане душу. Он ее просто растерял (поступок, то есть сознательную отдачу себя сатане в булгаковском романе совершает лишь Маргарита).

Трижды и тремя разными способами вводится Пилатова линия в текст московского романа. Сначала как прямая речь самого Воланда. Затем – как сон Иванушки и, наконец, как рукопись ро-

мана Мастера. При этом стилистически, сюжетно, идейно текст из всех трех источников оказывается поразительно един. Кто может контролировать эти три источника?

<...>

Булгаков своим эпиграфом требует рассматривать свой роман в перспективе гётевского «Фауста». А «Фауст» своим прологом, откровенно цитирующим Книгу Иова, требует рассматривать себя в перспективе этой библейской книги. Значит, с Книги Иова начнем и мы.

Начинается Книга Иова «прологом на небесах». Радость сатаны о том, что на земле все люди уже забыли Бога, осаживается репликой Творца: «А как же раб мой Иов?». Сатана не спорит по факту: да, Иов благочестив, он почитает Тебя. Но «разве даром богобоязнен Иов? Не Ты ли кругом оградил его и дом его и всё, что у него?».

Вот самый страшный вопрос для любой религии, для религии как таковой: даром ли богобоязнен Иов? Может ли человек любить Бога ради Бога, а не ради взяток (в виде лучшей жизни здесь или блаженства там). Может ли человек видеть в Боге – Бога, а не генератор гуманитарной помощи? <...> Сатана не умеет любить. В его понимании религиозные отношения носят типично рыночный характер: «ты – мне, я – тебе».

Вот сатана и требует эксперимента: «Прости руку Твою и коснись всего, что у него, – благословит ли он Тебя?».

«И сказал Господь сатане: вот, всё, что у него, в руке твоей; только на него не простирай руки твоей» (Иов 1, 12). «Боевики» из соседних племен и ураганы убивают всех детей Иова и уничтожают всё его имущество. «Тогда Иов встал и разодрал верхнюю одежду свою, остриг голову свою и пал на землю и поклонился и сказал: наг я вышел из чрева матери моей, наг и возвращусь. Господь дал, Господь и взял; да будет имя Господне благословенно!».

Сатана требует продолжения эксперимента: дай мне самого Иова! Прости руку Твою и коснись кости его и плоти его, – благословит ли он Тебя? «И сказал Господь сатане: вот, он в руке твоей, только душу его сбереги».

Прикосновение библейского воланда к Иову оборачивается проказой. Иов заживо гниет. Из-за вони он не может жить даже в

своем доме. Религиозные же представления Древнего Востока считают проказу проклятием богов, и потому Иова выгоняют и из его города. Жена приходит к Иову и говорит: «Похули Бога и умри!».

С этой минуты сатана больше уже не появляется на страницах книги Иова: его работу искусителя взяли на себя люди (сначала жена Иова, потом его друзья). И оттого Книга Иова оставляет ощущение какой-то недоговоренности. Дважды сатана приближается к Иову. И ждешь третьего раза – а его нет. Причем даже вполне понятно, каким должно быть это третье искушение. В первый раз сатана прикоснулся к социальному телу Иова (имуществу), потом к его физическому телу. Осталось прикоснуться к его душе... Но именно это Бог сатане запретил.

Эту литературную незавершенность Книги Иова почувствовал Гете. Его Мефистофель начинает там, где остановился библейский сатана. Ему Бог дает гораздо больше, чем в библейском сюжете: «Тебе позволено. Ступай и завладей его душою. И если можешь, поведи путем разврата за собою».

Только если помнить этот зачин «Фауста» и его связь с Книгой Иова, будет понятен финал. В конце поэмы Фауст, ставший уже презрительнейшим мерзавцем, умирает. Мефистофель приходит получить свою законную добычу – его душу. И тут происходит совсем неожиданное: являются ангелы и отбирают у Мефистофеля душу Фауста. Однако эта неожиданность лишь для тех, кто забыл начало поэмы. Бог изначально считает Фауста Своим слугой. Но по просьбе Мефистофеля Бог снял свою благодатную защиту с души Фауста. Человек остался один на один с тем, кого Достоевский называл «дух сверхчеловеческий и злобный». При таких условиях человек всегда проигрывает. Поэтому Бог и не винит Фауста. Библейская формула «Бог дал – Бог взял» в Фаусте обретает иной смысл: Бог дал Фауста Мефистофелю, Бог же и забрал Фауста из лап сатаны.

«Спасен высокий дух от зла Произволением Божьим: «Чья жизнь в стремлениях прошла, того спасти мы можем». А за кого Любви самой ходатайство не стынет, тот будет ангелов семьей радушно в небе принят».

И вновь возвращаемся к этой триаде: Книга Иова – «Фауст» – «Мастер и Маргарита». В первой книге душа Иова под защитой Бога. Во второй Бог снимает защиту с души искушаемого чело-

века. В третьей люди сами сдернули небесный покров со своих душ. Город, в котором из каждого окна выглядывает по атеисту, стал игрушкой в руках сатаны.

Булгаков подчеркивает, что до приезда Воланда дух атеизма и кощунства пропитал Москву.

Москва живет под фокстрот «Аллилуйя». Он звучит в ресторане, где собирается писательский бомонд, под его музыку бевсовская сила является в кабинете профессора – специалиста по раковым болезням, его наяривает оркестр на балу у сатаны.

<...> Когда-то иерусалимская толпа, занятая подготовкой к Пасхе, не заметила Распятия Христова. В Москве другая толпа не заметила даже Пасхи, будучи занята поиском увеселений в варьете...

Кураев Андрей, дьякон. «Мастер и Маргарита»: за Христа или против? / дьякон Андрей Кураев. – М.: Издательский Совет РПЦ, 2006. – 176 с.

Вопросы и задания

1. Составьте план приведенного текста.
2. Напишите список рекомендованной литературы, которую желательно прочитать для того, чтобы в полноте понять роман Булгакова «Мастер и Маргарита».

***Ханс Кристиан Андерсен* Снежная королева**

*История первая,
которая рассказывает о зеркале и осколках*

<...> Жил-был злющий тролль, самый злющий на свете – настоящий «дьявол». Однажды он находился в особо прекрасном расположении духа, потому что смастерил зеркало, которое отличалось тем, что всё доброе и красивое, отражавшееся в нем, съеживалось и почти исчезало, а безобразное и злое проявлялось ярче и становилось еще хуже. Красивейшие ландшафты в нем напоминали вареный шпинат, а замечательнейшие из людей пре-

вращались в уродов или стояли на головах и не имели животов. Лица искажались до неузнаваемости, а если у кого была веснушка, она превращалась в родимое пятно на пол-лица. «Дьявола» это страшно потешало. Если человека посещала добрая благочестивая мысль, в зеркале появлялась гримаса, так что тролль не мог удержаться от хохота, радуясь своему изобретению. Все, кто посещал школу тролля, – у него была своя школа, – говорили, что произошло чудо. Только теперь, говорили они, можно увидеть мир и людей в их истинном виде. Они носились повсюду с этим зеркалом, и под конец не осталось ни одной страны, ни одного человека, которых бы оно не исказило. И тут им вздумалось подняться в небеса, чтобы поиздеваться над ангелами и самим Господом. Чем выше они поднимались, тем сильнее гримасничало зеркало – они еле удерживали его. Всё выше и выше летели они, всё ближе к Богу и ангелам. И вдруг зеркало перекошилось в ужасной гримасе, вырвалось у них из рук, устремилось к земле, где и разбилось на миллионы, триллионы и еще несколько осколков, которые наделали гораздо больше бед, чем прежде. Ибо некоторые из них были размером с песчинку, и они разлетелись по всему миру. Если они попадали человеку в глаза, где и оставались навсегда, он начинал видеть всё шиворот-навыворот или замечал лишь дурное в любой вещи, потому что каждый крошечный осколочек сохранял тоже свойство, что и само зеркало. Какие-то осколки попадали людям в сердце, и это было ужасно, так как сердце превращалось в кусок льда. Некоторые же были настолько большими, что их вставляли в оконные рамы, но смотреть сквозь них на своих друзей не стоило. Кое-какие осколки использовали для очков, и когда человек надевал такие очки, чтобы лучше видеть и вернее судить, происходило нечто скверное. Злодей хохотал до колик в животе <...>

История вторая

Мальчик и девочка

<...> Розы в то лето цвели как никогда. Девочка выучила псалом, в котором тоже говорилось о розах. Она пела его мальчику, думая о своих собственных розах, а он подпевал:

Уж розы в долинах цветут,
Младенец-Христос с нами тут!

Дети держались за руки, целовали розы, смотрели на ясное Божье солнце и разговаривали с ним, словно то был младенец Христос. Они говорили о том, как прекрасно лето, как чудесно сидеть под кустами свежих роз, которые, казалось, будут цвести вечно!

<...> В глаз ему попал один из осколков зеркала, ужасного зеркала тролля, в котором, мы же помним, всё великое и доброе превращалось в мелкое и отвратительное, а злое и скверное проявлялось еще сильнее и в любой вещи отмечались лишь её изъяны. Бедный Кай, ему и в сердце попал осколок, скоро оно станет куском льда. Боль прошла, а осколок остался.

– Чего плачешь? – спросил он. – Какая же ты уродина! Я ничего не чувствую! – После чего сразу же закричал: – Фу! Эту розу объел червяк! А та, смотри, совсем скособочилась! И вообще какие гадкие розы! Похожи на ящики, в которых растут! – Он грубо пнул ногой ящики и вырвал обе розы.

– Кай, что ты делаешь! – воскликнула девочка.

А он, видя ее ужас, вырвал еще одну розу и убежал от милой Герды к себе в окно.

Когда она потом приходила к нему и приносила книжку с картинками, он говорил, что эта книга для грудничков; когда бабушка начинала что-нибудь рассказывать, он всегда возражал; а если удавалось, ходил за ней по пятам и, надев очки, передразнивал ее. Выходило очень похоже и смешило людей. Скоро он научился передразнивать походку и манеру всех соседей по улице. Кай умел выставить напоказ все их странности и недостатки, и люди говорили:

– Прекрасная голова у этого мальчишки!

Но причина крылась в осколках, попавших ему в глаз и сердце, потому что он задира даже маленькую Герду, которая любила его всем сердцем.

Теперь и развлечения его изменились, стали такими серьезными. Как-то зимой, когда кружилась поземка, он принес с собой большую лупу и подставил под снег полу своей синей куртки.

– Посмотри в лупу, Герда! – сказал он.

Снежинки под лупой словно увеличивались в размерах и были похожи на роскошные цветы или десятиконечные звезды. Просто загляденье!

– Видишь, как искусно сделаны! – сказал Кай. – Намного интереснее настоящих цветов! И ни единого изъяна, ни единой неточности! Если бы они только не таяли!

<...>

На площади самые отважные мальчишки привязывали свои санки к крестьянским дрогам и таким образом катились довольно далеко. Было весело. В самый разгар потехи появились большие сани, выкрашенные в белый цвет. В них сидел кто-то, укутанный в белую пушистую шубу и в белой пушистой шапке на голове. Сани два раза объехали площадь, Кай проворно привязал к ним свои санки и покатил. Сани неслись всё быстрее и быстрее и выехали на улицу. Возница повернулся и приветливо кивнул Каю, словно бы они были знакомы. Каждый раз, когда Кай намеревался отвязать свои санки, человек снова кивал ему, и Кай продолжал ехать. Они выехали за городские ворота. И тут повалил такой снег, что мальчик перестал видеть собственные руки. Он поспешно отпустил веревку, чтобы отцепиться от больших саней, но это не помогло – его саночки точно приросли к ним и неслись со скоростью ветра. Тогда он громко закричал, но его никто не слышал – снег валил, санки мчались, то и дело подпрыгивая, точно перелетали через канавы и изгороди. Кай перепугался до смерти, он хотел прочитать «Отче наш», но сумел вспомнить лишь таблицу умножения.

Снежные хлопья всё росли и росли и под конец стали похожи на больших белых кур. Вдруг они разлетелись в стороны, большие сани остановились, и человек, правивший ими, встал. Это была женщина, высокая и стройная, ослепительной белизны, в шубе и шапке из снега, – Снежная королева.

– Ну, вот и добрались, – сказала она. – Да ты совсем замерз! Залезай в мою медвежью шубу!

И она усадила Кая к себе в сани и укутала его в шубу; ему показалось, что он провалился в снежный сугроб.

– Всё еще мерзнешь? – спросила она и поцеловала мальчика в лоб.

Ух, поцелуй был холоднее льда, он проник ему в самое сердце, которое и так уже наполовину превратилось в ледышку. Он подумал, что сейчас умрет, но это длилось всего лишь секунду, потом ему стало хорошо, и холода он больше не ощущал.

– Мои санки! Не забудь мои санки! – спохватился он только сейчас.

И санки привязали на спину одной из белых кур, которая полетела с ними вслед за большими санями. Снежная королева поцеловала Кая еще раз, и он забыл и Герду, и бабушку, и всех домашних.

– Больше не буду тебя целовать! – сказала она. – Иначе зацелую до смерти!

Кай посмотрел на нее – как она была хороша! Более умного прекрасного лица он и представить себе не мог. Теперь она не казалась ему сотворенной из льда, как в тот раз, когда стояла за окном и манила рукой, она в его глазах была самым совершенством. Кай совсем ее не боялся, он рассказывал ей, что знает все четыре действия арифметики, да еще с дробями, знает, сколько квадратных миль в разных странах и сколько в них жителей, а она только улыбалась. И тогда ему показалось, что его знания недостаточно обширны, и он устремил взор в бесконечное воздушное пространство. <...>

История шестая.

Лапландка и финка

<...> Олень снова начал просить за Герду, а Герда смотрела на финку умоляющими, полными слез глазами, и та опять прищурилась, отвела оленя в угол и, меняя ему на голове лед, прошептала:

– Кай действительно у Снежной королевы, но ему там всё по душе, он считает, что это лучшее место на земле. А всё потому, что у него в сердце и глазу сидят осколки зеркала. Их надо вытащить, иначе не быть ему больше человеком, а Снежная королева сохранит над ним свою власть и силу!

– А ты не можешь что-нибудь дать Герде, чтобы власть и силу обрела она?

– Сильнее, чем она есть, я ее сделать не могу! Разве ты не видишь, как велика ее сила? Разве не видишь, как служат ей люди и животные? Она босиком обошла почти весь мир! Не у нас брать ей силу, сила кроется в ее сердце, сердце прелестного невинного ребенка! Если она сама не сумеет проникнуть в покои Снежной королевы и извлечь осколки, то мы ей никак не поможем! В двух

милях отсюда начинается сад Снежной королевы. Отнеси туда девочку, посади у стоящего в снегу большого куста, покрытого красными ягодами и, не мешкая, возвращайся обратно!

Финка посадила Герду на спину оленя, и тот помчался во весь опор.

– Ой, я забыла сапожки! Я забыла рукавицы! – закричала Герда, оказавшись на жгучем морозе.

Но олень не осмелился остановиться, пока не добежал до большого куста с красными ягодами. Тут он ссадил ее, поцеловал в губы, и из его глаз покатались крупные блестящие слезы. После чего стрелой понесся обратно. <...>

Герда побежала вперед что было мочи. Навстречу ей несся целый полк снежных хлопьев, но они не падали с неба – небо было ясное, освещенное северным сиянием. Снежные хлопья неслись по земле, и чем ближе она подходила, тем крупнее становились. Герда вспомнила, какими большими и изысканными казались снежинки под лупой, но эти огромные, ужасные, живые хлопья – форпосты Снежной королевы – представляли перед ней в самом странном виде: одни были похожи на здоровенных безобразных ежей, другие – на клубки змей, третьи напоминали толстых медвежат со взъерошенной шерстью. Но все сверкали белизной, все были живыми хлопьями.

Герда принялась читать «Отче наш», и от холода ее дыхание превращалось в туманное облако – словно изо рта шел настоящий дым. Туман всё сгущался и сгущался, и из него стали образовываться прозрачные ангелочки, которые коснувшись земли, начинали расти. На головах у них были шлемы, а в руках – копья и щиты. Число их всё прибывало, а когда Герда окончила молитву, ее окружал целый легион ангелов. Они стали копьями крушить отвратительные снежные хлопья, те рассыпались на мелкие кусочки, и Герда смело и уверенно продолжала свой путь. Ангелы гладили ей руки и ноги, так что она меньше ощущала холод и быстро добралась до дворца Снежной королевы.

Но посмотрим сначала, как обстояли дела у Кая. Он, конечно, не думал о Герде, тем более не думал о том, что она стоит у ворот дворца.

История седьмая.

Что произошло во дворце Снежной королевы и что случилось потом

<...> Северное сияние вспыхивало точно по минутам, и поэтому вы знаете заранее, когда оно разгорится в полную силу, а когда ослабеет. Посреди пустынного бесконечного снежного зала раскинулось замёрзшее озеро. Лед на нем растрескался на тысячи кусочков, ровных и одинаковых, – настоящее произведение искусства. Снежная королева, когда бывала дома, восседала в центре озера, и она говорила, что сидит на зеркале разума, единственном и лучшем зеркале в мире.

Кай совсем поседел от холода, почти почернел, но он этого не замечал – от поцелуев королевы он утратил чувствительность к холоду, а его сердце почти совсем превратилось в кусок льда. Он возился с несколькими плоскими льдинками с острыми краями, укладывая их самыми разнообразными способами. У нас есть игра, цель которой сложить разные фигуры из деревянных дощечек, она называется китайской головоломкой. Кай тоже складывал удивительно затейливые фигуры из льдинок, и это называлось ледяной игрой разума. По его мнению, эти фигуры являли собой образец совершенства и имели первостепенное значение, а всё потому, что в глазу у него сидел осколок зеркала. Кай складывал и целые слова, но ему никак не удавалось сложить то слово, которое ему особенно хотелось: слово «вечность». Снежная королева сказала ему: «Если ты сумеешь сложить это слово, то станешь сам себе господином, и я подарю тебе весь мир и пару новых коньков». Но у Кая не получалось.

– Теперь я полечу в теплые края, сказала Снежная королева. – Загляну в черные котлы!

Так она называла огнедышащие горы Этну и Везувий.

– Побелю их слегка! Это полезно для лимонных деревьев и винограда!

И она улетела, а Кай, оставшись один в громадном, тянувшемся на многие мили пустынном зале, смотрел на льдинки и всё размышлял и размышлял, так что у него в голове трещало. Он сидел прямо и неподвижно, можно было подумать, что он замерз насмерть.

А Герда вошла в огромные ворота дворца, сделанные колючими ветрами. Но она прочитала вечернюю молитву, и ветры

улеглись, точно им захотелось спать. Она вошла в огромный пустынный холодный зал и увидела Кая. Она сразу его узнала, бросилась ему на шею, крепко обняла и воскликнула:

– Кай! Милый Кай! Я нашла тебя!

Но он не пошевелился, сидел такой же прямой и холодный. И Герда заплакала; ее жгучие слезы упали ему на грудь, проникли в сердце, растопили лед и расплавили осколок. Кай посмотрел на Герду, а она запела псалом:

Уж розы в долинах цветут,
Младенец Христос с нами тут!

Тут Кай залился слезами и рыдал так, что осколок зеркала выпал из глаза; Кай узнал Герду и ликуяще закричал:

– Герда, милая Герда! Где же ты была так долго? И где я был? – Он огляделся. – Как здесь холодно! Как пустынно!

И он крепко прижался к Герде, а она смеялась и плакала от счастья. От радости даже льдинки вокруг пустились в пляс, а когда устали и улеглись на место, составили то самое слово, которое велела Каю сложить Снежная королева; после чего он становился сам себе господином да еще получал от нее в подарок весь мир и пару новых коньков.

Герда поцеловала его в щеки, и они заалели; она поцеловала его глаза, и они засияли, как ее собственные; она поцеловала его руки и ноги, и к нему вернулись здоровье и бодрость. Пусть Снежная королева возвращается хоть сейчас: его охранная грамота лежит тут, написанная блестящими льдинками.

Взявшись за руки, Герда и Кай покинули громадный дворец. Они говорили о бабушке и о розах на крыше. И там, где они шли, стихали ветры и выглядывало солнце. А добравшись до куста с красными ягодами, они увидели поджидавшего их северного оленя. Он привел с собой молодую олениху, у которой вымя было полно теплого молока; она напоила им детей и поцеловала их прямо в губы. И они отвезли Кая и Герду сначала к финке, у которой дети отогрелись в жаркой избе и узнали, как им вернуться домой, а потом к лапландке, которая сшила им новое платье и починила свои сани. <...>.

Кай и Герда, взявшись за руки, зашагали в сторону дома. Пока они шли, весна вступила в свои права, зеленела трава и расцветали цветы. Вот зазвонили церковные колокола, и Кай с Гердой увидели

знакомые колокольни и большой город, в котором они жили. Они направились прямо к двери бабушкиного дома, поднялись по лестнице и вошли в комнату, где всё было по-старому: тикали часы, двигалась стрелка. Но, входя в дверь, они заметили, что повзрослели. Розы с крыши заглядывали в распахнутое окно. Тут же стояли их детские стульчики. Кай и Герда сели каждый на свой и взялись за руки. Холодное, пустынное великолепие дворца Снежной королевы было забыто, как тяжелый сон. Бабушка сидела, греясь в лучах Божьего солнца, и читала вслух Евангелие: «... если... не будете, как дети, не войдете в Царствие Небесное!».

Кай и Герда переглянулись – теперь они поняли смысл старинного псалма:

Уж розы в долинах цветут,
Младенец Христос с нами тут!

Так и сидели рядышком двое взрослых людей, которые всё равно были детьми, детьми сердцем и душой, а на дворе стояло лето, теплое, благодатное лето.

*Андерсен Х.К. Снежная королева / Х.К. Андерсен //
Собрание сочинений : в 4 т. / Х.К. Андерсен. – М.:
Вагриус, 2005. – Т. 1. – С. 345–380.*

**Николай Алексеевич Некрасов
Сеятелям**

Сеятель знания на ниву народную!
Почву ты, что ли, находишь бесплодную,
Худы ль твои семена?
Робок ли сердцем ты? слаб ли ты силами?
Труд награждается всходами хилыми,
Доброго мало зерна!
Где ж вы, умелые, с бодрыми лицами,
Где же вы, с полными жита кошницами?
Труд засевающих робко, крупницами,
Двиньте вперед!
**Сейте разумное, доброе, вечное,
Сейте! Спасибо вам скажет сердечное
Русский народ.**

1876

Вопросы и задания

1. Подумайте, к кому обращается поэт?
2. Найдите библейские аллюзии в этом стихотворении.

Иван Алексеевич Бунин

И цветы, и шмели, и трава, и колосья,
И лазурь, и полуденный зной...
Срок настанет – Господь сына блудного спросит:
«Был ли счастлив ты в жизни земной?»
И забуду я все – вспомню только вот эти
Полевые пути меж колосьев и трав –
И от сладостных слез не успею ответить,
К милосердным Коленам припав.
1918

Вопросы и задания

Назовите евангельские мотивы в стихотворении.

Диалоги для инсценировки Евангельских притч

Эти диалоги были составлены иеромонахом (т.е. священником-монахом) Белогорского мужского монастыря, что на юге Воронежской области, отцом Алексеем (Гордеевым) для команды студентов Воронежского государственного педагогического университета. В 2016 и 2017 году студенты успешно приняли участие во Второй и Третьей Всероссийской Олимпиаде по духовно-нравственной культуре «ДНК России». Инсценировка евангельской притчи входила в перечень командных состязаний.

В каждом из трех этапов Олимпиады (региональном, ЦФО и всероссийском) студенты меняли нюансы реплик, обстановку на сцене. Однако духовный смысл обеих евангельских притч был передан ребятами без искажения.

Притча о сеятеле

Сцена 1-ая

(На экране надпись: «Урок по педагогике».)

Четверо студентов сидят. Входит преподаватель)

Преподаватель: Студенты, предлагаю сегодняшний урок посвятить сказке как одному из средств воспитания.

Ребята (почти хором): Отлично! (1-ый студент) О-о-о! (2-ой студент) Как интересно! (3-ий студент) Мы согласны! (4-ый студент).

Преподаватель: Но эти сказки особенные. Они учат мудрости на все времена и все случаи жизни... Такие сказки называются притчами.

(По ходу повествования преподавателя,

на экране сменяются слайды, иллюстрирующие рассказ)

Итак, вышел сеятель сеять... И когда он сеял,

- иное упало при дороге, и налетели птицы и поклевали то;

- иное упало на места каменистые, где немного было земли, и скоро взошло, потому что земля была неглубока. Когда же взошло солнце, увяло, и, как не имело корня, засохло;

- иное упало среди сорняков, которые, когда выросли, заглушили его;

- иное упало на добрую землю и принесло плод. Много плодов...

Поняли ли вы смысл этой притчи?

Ребята: Да, конечно! (1-ый студент). Здесь ответ на поверхности (2-ой студент).

Преподаватель: Поясните...

2-ой студент: У каждого своя вера, только она по-разному в жизни проявляется. Например, в ДОБРЕ...

3-ий студент:... в ЛЮБВИ

1-ый студент:... в СПРАВЕДЛИВОСТИ

4-ый студент:... в ДЕЛАХ... Да-да, именно в делах!

Преподаватель: Я предлагаю вам в качестве домашнего задания показать усвоение сегодняшней притчи в жизни, на деле. ... Среди нас сегодня нет нашего товарища (называет имя). Он болен. Тяжело болен. Находится в больнице уже не первую неделю. По мере своих сил нужно в течение предстоящей недели навестить его, руководствуясь выводами изученной на сегодняшнем занятии притчи.

Ребята: Хорошо (1-ый студент). Не вопрос! (2-ой студент)
Обязательно!!! (3-ий студент)

Сцена 2-ая

(На экране надпись: «Прошла неделя». Трое студентов сидят в аудитории.
Один стул пустой. Входит преподаватель)

Преподаватель: Как наше домашнее задание? Что получилось? В чем встретили трудности? (обращается к 1-ому студенту)...

1-ый студент: Буду с вами откровенен (называет имя преподавателя). Я еле высидел прошлый урок. Не чаял, когда он закончится. То, о чем Вы говорили – это «вчерашний век». Вера, помощь ближнему... Сегодня другое время. Динамич-ч-чное! Выживает лишь приспособленный. Наш современник живет под девизом «человек человеку – волк». Убежден, что попади я в трудную ситуацию, мне никто не поможет. Вот и я никого не навещал ни в какой больнице.

Преподаватель: Ну, что же... Хотя бы откровенно... (Взглядом обращается к другим студентам).

2-ой студент: А я была под впечатлением прошлого занятия. Мне оно та-а-ак понравилось! Я сразу после его окончания созвонилась с (называет имя), узнала какой сок он любит, какие фильмы. Собиралась ему скачать видео на планшет, а сок даже купила. Но что-то закрутилась в течение недели... Так и не навестила его. Простите!

3-ий студент: Ну он же не умирает, в конце концов. И родственники у него есть. Он проживает свою жизнь, а у меня своя. У меня, например, скоро свадьба. Вы же понимаете, сколько хлопот?! Платье, кольца, гости, заказ кафе... После свадьбы, возможно, и встретимся с ним. Ну, если к тому времени будет необходимость.

(Вбегает 4-ый студент. Перед собой держит большой пакет, из которого видны фрукты, конфеты).

4-ый студент: Я задержался немного. Извините. От нашего товарища... Я был у него сегодня, и вчера, и позавчера, и позавчера... Он знал, что сегодня я спешу на занятие... И все эти гостинцы он передает вам всем. Он за всех нас молится и всем нам желает здоровья и успешной сдачи экзаменов.

(Все действующие лица становятся вдоль сцены).

Преподаватель: Вот так, ребята. Воспитание, а тем более самовоспитание – дело непростое. Хотя в сказках и притчах мудрые советы лежат на поверхности, воплотить их в жизни получается далеко не всегда.

Притча о блудном сыне

(Двое ведущих выходят на сцену, беседуют)

1-ая ведущая: Представляешь, иду по проспекту, а на встречу парень. И так на меня смотрит, так смотрит, как будто я его знаю...

2-ая ведущая: Ир, домашнее задание началось, давай по делу. Притчи... Слышишь меня? Притчи!!!

1-ая ведущая: А, ну да, я и говорю, представляешь, присмотрелась я, а это Илюха наш бродяга вернулся к предкам! Нет, ну ты представляешь, что делается!!!???

2-ая ведущая: Да ты что? Илья? Из Европы? Сюда, в нашу глушь?

1-ая ведущая: А что Европа? Там пахать надо, а он отрываться поехал.

2-ая ведущая: Отрываться? Так-так-так... А ну давай рассказывай, как дело то было. Кое-кому полезно послушать.

1-ая ведущая: Илья... Ну, он младший брат. Ну младший-то младший, а своего никогда не упустит. Проучился в ПЕДе полкурса и давай отцу мозг выносить: «С твоими бабками я в каком-то заштатном русском универе гнию! Нет, типа, у тебя ни стыда, ни совести! С моими мозгами в Оксфорде надо быть! Если ты ещё считаешь себя отцом, то обеспечь меня достойно и отпусти».

2-ая ведущая: И отпустил???

1-ая ведущая: А вот смотри сама...

(Ведущие переходят в сторону от центра сцены. Отец сидит на стуле. Младший сын около него стоит. За спиной отца – Старший сын и Невестка).

Отец: Сынок, поверь мне, без образования, без опыта, без меня, наконец, ты там не сможешь. Тебя ничего кроме девушек и рулетки не интересует! А деньги имеют свойство кончаться...

Младший сын: Я всего лишь прошу мне доверять. А если то, что мне по любому принадлежит, тебе просто жалко отдавать, то ты так и скажи!

Отец: Хорошо. Не хочешь меня слушать, езжай. Завтра же на твой счёт будет перечислена твоя часть наследства. Это очень значительная сумма.

Младший сын: Папа! (обнимает отца) Спасибо!!!

Отец: Помни, сынок: мой отец оставил мне одни долги. И каждый рубль – это мои труд и здоровье.

Младший сын: Да ладно тебе. В Европе этого не оценят, ты ещё услышишь обо мне!

(Младший сын убегает.

Немного вперед из-за спины Отца выходит Старший сын).

Старший сын: Что ты делаешь, отец?! Подумай, он же избалованный и легкомысленный мальчишка! Это безумие!!!

Отец: Знаю. Могу помешать, но не хочу. Он не слышит нас... Что ж, может быть услышит жизнь...

(Отец, Старший сын и Невестка уходят.

Ведущие переходят к центру сцены).

2-ая ведущая: И что же в Англии его не устроило?

1-ая ведущая: Что не устроило? Учёба! Это же труд, а к нему Илья не приучен. Началась ночная жизнь с поисками приключений. Потом широкие жесты для друзей и подруг. Потом виски и кокаин. А потом счёт в банке предательски закончился.

2-ая ведущая: И он, наконец, взялся за дело?

1-ая ведущая: Учёбу бросил. Бесплатно там не учат. Устроился чернорабочим. Из-за плохого английского выгнали. Сунулся туда-сюда – не нужен. Стал бомжевать. А там таких не любят. Связался с криминалом. Короче, ещё немного – и сел бы надолго.

2-ая ведущая: Что же он не связался с отцом?!

1-ая ведущая: Гордые мы очень! Но жизнь заставила. Вот послушай...

(Младший сын плохо одет. Сидит на стуле со клоненной головой).

Младший сын: Достала эта жизнь. Отец, ты как всегда прав. Валить надо отсюда. Блин, но что я ему скажу? Он вправе выгнать меня, как ничтожество. А, ну и пусть! Упаду в ноги, скажу что виноват, и что не достоин называться сыном! Пусть хоть грузчиком к себе возьмёт, только не здесь. Здесь я тень... Здесь я ничто.

(Младший сын уходит. Выходят ведущие).

2-ая ведущая: Представляю, что закатил ему папаша!

1-ая ведущая: Да-а-а... Он готовился к самому худшему. Боялся этой встречи. А как увидел родной дом, сердце ёкнуло.

(Выходит Отец, Старший сын с Невесткой. Отец смотрит вдаль).

Старший сын: Отец, что ты всё смотришь и смотришь туда?

Отец: Этой дорогой он уходил и даже не оглянулся...

Старший сын: Ни одного письма, ни одного звонка за столько лет!!! Боюсь, его больше не существует для нас.

Отец: Смотри, смотри, этот силуэт, что-то до боли знакомое!!! (бросается навстречу сыну). Сынок!!!

Младший сын: (опускаясь перед отцом на колени) Отец! Прости меня! Прости, если можешь. Я виноват. Я ничего не хочу, просто прости.

Отец: Сын! Живой! (обнимает сына). Радость-то какая! Слава Богу! Мои дорогие, принесите ему одежду! Пойди, отдохни с дороги. Эй, приготовьте ему лучшие из комнат! И по такому случаю сегодня для всех праздник! Праздничный ужин!!!

(Младший сын, ошеломленный, уходит).

Жена старшего сына (нашёптывая на ухо мужу): Старик сошёл с ума! Тебе, правой руке, ничего за столько лет рабского труда! А ему всё за мотовство!

Старший сын: Как ты можешь, отец?! Этот человек промотал половину твоих средств, не заработав ни копейки! И ты встречаешь его как победителя. Я же, день и ночь, без выходных и отпусков, столько лет рядом, но не услышал от тебя даже слов благодарности!!!

Отец: Сынок! Ты всегда со мною, и всё что есть у меня – твоё. И что худого в том, что сын мой и брат твой умер и ожил, пропадал и нашёлся? Вот я радуюсь. А ты разве нет?

(Все становятся посередине сцены).

2-ая ведущая: Вот так, наверное, и Бог – даёт нам всё и отпускает, как любящий Отец.

1-ая ведущая: Но всегда готов простить и с радостью принять в свои объятия блудных сыновей и дочерей. Лишь бы только раскаяние было искренним, а вера – крепкой.

Материалы к теме 4
ЧЕЛОВЕК В КОНТЕКСТЕ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ.
ЦЕЛОСТНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ЧЕЛОВЕКЕ

Иван Александрович Ильин
Спасение в цельности

Человек, находящийся в состоянии внутреннего раскола, есть несчастный человек. Он остается несчастным и тогда, если ему в жизни везет, если ему все удается и каждое желание его исполняется. То, что ему удается, не радует его и не дает ему удовлетворения, ибо одна часть его существа не участвует в этом удовлетворении. Исполнение его желаний тоже не дает ему радости, потому что он и в самом желании своем остается расколотым и не способным к цельной радости. Никакое внешнее счастье не делает его счастливым, потому что он внутренне несчастлив от своего распада. Никакой жизненный успех не дарует ему ни наслаждения, ни успокоения. У него не хватает внутреннего органа для того, чтобы быть счастливым. Этот внутренний орган называется *гармонией, согласованной тотальностью* (т.е. целокупностью) влечений и способностей, единением инстинкта и духа, согласием между верой и знанием.

Человек, несущий в себе внутреннее расщепление, не знает счастья. Его ждет вечное разочарование и томление. Он обречен на вечную и притом безнадежную погоню за новыми удовольствиями; и везде ему предстоит неудовлетворенность и дурное расположение духа. Добиваясь и не получая, требуя и не находя, он все время ищет нового, неиспытанного, но приятного раздражения, и всякое «обещание» обманывает его. Он начинает измышлять неслыханные возможности; он утрачивает вкус, искажает искусство, извращает чувственную любовь; и вот он уже готов воззвать ко всем безднам зла, перерыть все углы и закоулки порока, чтобы раздобыть себе новое наслажденье или, по крайней мере, раздраженья и испробовать какую-то небывалую утеху и усладу. Ему нельзя помочь; ему трудно помешать; он должен выпить до дна чашу своей немощи и своих заблуждений, что ныне и происходит в мире... В том виде, который ему внут-

ренно присущ, он не найдет разрешения, цельной и успокаивающей радости; и никогда не постигнет, что такое *блаженство*. Тот, кто обречен на частичное самовложение в жизнь, тот проживет на земле в сумерках уныния: его не обрадует никакая радость, и солнце не даст ему своих лучей.

Было бы великой ошибкой толковать это вечное недовольство как знак более утонченной и благородной природы, которая не может удовольствоваться банальными жизненными путями и обычными, «земными» удовольствиями. Внутренний раскол, душевная расщепленность, духовная нецельность совсем не есть какое-то «высшее достижение», перед которым надо только преклоняться и которому надо подражать; напротив, это есть *болезнь духа*, которую необходимо преодолеть, от которой надо исцелиться. Хотя психологически нетрудно понять, что такие расщепленные, и, в сущности, духовно больные, люди любят воображать и изображать себя как неких «сверх-человеков»... Нам несколько не импонирует, когда герои лорда Байрона выступают с таким суверенным самочувствием, как если бы их меланхолия или ипохондрия превращала их в каких-то «полубогов». Напрасно было бы преклоняться перед Фаустом как перед сверх-человеком только потому, что Гете сообщает о «живущих в его груди двух душах, желающих оторваться одна от другой», и потому, что он решает подчиниться дьяволу, обещающему засыпать его земными наслаждениями. Люди восемнадцатого и девятнадцатого веков имели мужество осознать и громко выговорить унаследованный ими душевно-духовный раскол. Но это мужество внушило им самоуверенность, верховную гордость и вызывающую манеру держаться; и в результате внутренний раскол выдавался и принимался за некое высшее достижение, за признак сверх-человека и новой эпохи. Разногласие между верою и рассудком существовало в Европе уже давно. Но в дальнейшем постепенно сложилась *апология разложения и распада, неприкрытое восстание против Бога и всего Божественного, систематическое опустошение жизни от всякой святости и категорический разрыв с Христианством*. В конце концов, этот разрыв с христианством был выражен у Ницше тоном откровенной ненависти и вызывающего упоения и нашел себе практическое осуществление и завершение в событиях последних десятилетий (1917–1953).

Человек, душевно расколотый и нецельный, есть несчастный человек. Если он воспринимает *истину*, то он не может решить, истина это или нет, ибо он не способен к *целостной очевидности*. Если истина вступила в его сознание, то его чувство молчит и не отзывается на нее и он отвертывается от нее, объявляя ее «неочевидным содержанием сознания», каковых в жизни имеется много множество. Про него можно сказать, что он не умеет владеть своим достоянием и не способен принять приобретенное им богатство. Увидев Свет, он знает, что это «свет», но он не созерцает радостную светлость этого света и остается к нему безразличным. Так он теряет веру в то, что человеку вообще может быть дана тотальная очевидность. Он не желает признать ее и у других и встречает ее иронией и насмешкой; и, чтобы закрепить эту иронию, он выдвигает доктрину, согласно которой человек вообще не способен к достоверному знанию (агностицизм) и обречен на то, чтобы воспринимать все лишь относительно и признавать «релятивно» (релятивизм). Отсюда возникает систематически воспитываемое и поддерживаемое *малокровие познания*, принципиальное «ни-да-ни-нет», т. е. бегство от очевидности. Вот почему расколотый и нецельный человек оказывается духовно обессиленным человеком. Он *не способен иметь убеждения*. В вопросах, требующих исповедания, он немощен и беспомощен. Перед лицом истины он расслабленный человек.

И таким он является во всех областях духовной культуры. Так, например, проблему *добра и зла* он подменяет вопросом об относительно полезном и сравнительно вредном (утилитаризм) и решает этот вопрос в зависимости от случайных, рассудочных соображений. А в глубине души он считает, что «умные люди» вообще не занимаются этим пустым и компрометирующим вопросом – о зле и добре.

Если ему приходится говорить об *отечестве и патриотизме, о правовой свободе, о справедливости*, то он и здесь становится на «умную» точку зрения релятивизма, и притом потому, что его патриотизм и его правосознание настолько же расколоты, нецельны, неискренни и ослаблены, как и его очевидность.

Религии он вообще не имеет, и *религиозность* его мертва, потому что вера требует от человека *целостной очевидности сердца* и не удовлетворяется никакими частичными компромиссами и

никакой тепловато-безразличной терпимостью; все, что он может найти в себе для религии, это «вежливое невмешательство в чужие воззрения», но за этой «вежливостью» на самом деле скрывается презрение к обскурантам, и это «невмешательство» может в любой момент превратиться в агрессивную «борьбу с предрассудками, суевериями и клерикализмом».

Единственная область духовной культуры, которую он готов поощрять, это *искусство*, особенно если оно забывает о своем великом служении и стремится угождать его капризам. Но тогда оно должно отречься от своих здоровых и глубоко укорененных традиций, требующих целостного созерцания и вдохновения, – и вступить на путь частичных, условных и относительных замыслов: искусство должно заняться своим чувственным нарядом и как можно заманчивее, как можно эффектнее разукрасить его; оно должно предаться опьяняющему «импрессионизму», или дико-невиданному «футуризму», или вымученному, острому и пряному «модернизму»; чтобы получить успех и признание, оно должно стать наружно-внешним, притязательным, экстравагантным, оно должно вызывать у пресыщенной и безразлично-сонной публики нервную щекотку...

Все это создает *выродившуюся культуру*, и в основе этой выродившейся культуры лежит *выродившаяся жизнь*, душа расколотая, духовно-бессильная, малокровная и нервно-растрепанная, беспочвенная, неукорененная и отвергающая все безусловное и окончательное. Расколотый человек всю свою жизнь балансирует между соображениями о пользе, которые он обозначает словом «разум», «разумный», и минутным капризом, которому он так охотно предается под именем «настроения». Если ему удастся держать кое-как равновесие между тем и другим, то его существование становится выносимым; если это ему не удастся, то он становится жертвой ипохондрии и ведет жалкое существование. Он вообще не знает, что начать, и главной целью его становится обогащение; все иное, высшее – недоступно ему, ибо более глубокие источники и настоящие святыни жизни не существуют для него. Отсюда эта беспредметная тоска или скука жизни, которая владеет современным «цивилизованным», но культурно и духовно опустошенным человеком.

Если он любит, то он всегда не уверен в своей любви, ибо и она, как и все иное в нем, односторонна и частична. А если он не

любит, то и нелюбовь его столь же прохладна и творчески бес-
сильна. Пророчески сказано об этом у Лермонтова:

И ненавидим мы, и любим мы – случайно,
Ничем не жертвуя ни злобе, ни любви,
И царствует в душе какой-то холод тайный,
Когда огонь горит в крови...

Если такой человек говорит «да», то это половинчатое «да»,
из-за которого темным и подозрительным призраком смотрит
«нет»; но если он отрекается и говорит «нет», то и отречение его
столь же условно, относительно, срочно, не окончательно и не-
достоверно. Его слова следует воспринимать как звуки, ибо
смысл этих слов почти всегда многозначен, а их духовная цен-
ность всегда неуловима и проблематична. Во всяком жизненном
положении он может сказать и поступить «так», но может – и со-
всем иначе: ибо слова и решения его духовно беспочвенны и
высшей необходимости в жизни он не знает; да и связывать себя
ему нет охоты. Он лишен важнейшей и драгоценнейшей основы
духовного характера: единого, единственного, всеобъединяюще-
го центра жизни.

Зрелый духовный характер подобен укрепленному городу, в
центре которого находится кремль: здесь построен храм Божий, с
алтарем, на котором горит неугасающее пламя. Это и есть священ-
ный центр города, откуда заимствуют свой огонь все семейные оча-
ги «огнищан». Здесь всё соединяется и все объединяются; отсюда
исходят все важные решения; отсюда излучается центральная воля,
всё организующая и упорядочивающая; здесь сосредоточивается
сила, здесь вооружается верность, отсюда светит разум.

Расколотый человек совсем не может себе и представить та-
кой личный характер, такой жизненный ритм. Напротив, ему
нравится то внутреннее несогласованное «многосмещение», в ко-
тором протекает его жизнь, – эта собственная дисгармония, эта
ничем-не-связанность, этот капризный произвол, – и он объявля-
ет эту душевно-духовную смуту «высшей дифференциацией ду-
ха»... В нем сосуществуют рядом несколько «центров»; он ни
одному из них не обещает верности и воображает поэтому, будто
он выше всякой измены и всякого предательства. Как только
один из этих «полу-центров» (или, вернее, одна из этих «точек
зрения») оказывается неудобным или неудовлетворительным, так

он «переезжает в другую квартиру» и опять устраивается с удобством, ничем не связанный, ко всему готовый, ни во что не верующий, ничего не любящий, скорый и легкий в предательстве и всегда самодовольный. И при всем том он совсем не понимает ни своего действительного состояния, ни своей великой беды; и если бы кто-нибудь стал объяснять ему его недуг, он не захотел бы ни слушать, ни верить; а если бы Божий луч осветил его душу, то он зажмурился бы, чтобы не увидеть правду.

Этот раскол в современном человеке был с самого начала чреват грядущим разложением. Он возник в ту эпоху, когда европеец отверг авторитарную религию и предался свободному исследованию и свободной мысли. Свободное исследование было бы вполне соединимо и согласуемо с христианской религией – путь, на который указал Василий Великий в своем «Шестоднев». Человеку с самого начала было дано и указано от Бога воспринимать божественное откровение не только из Священного Писания и не только из личного духовного делания – из любви, из совести, из молитвы и из культурного творчества, – но еще и из созерцания богосозданной природы и твари, в сокровенном существе которой заложен великий замысел ее Творца. Однако исторически развитие пошло иным путем. Начался процесс секуляризации; католическая церковь не питала доверия к свободно исследующему человеку и стремилась ограничить или совсем подавить эту опасную свободу; а исследователи стали испытывать церковную опеку как неудобноносимое бремя. И вот люди обратились к природе с напряженным любопытством и с естественной любознательностью, но отвернулись от церковного христианства; а раз отвернувшись от христианства, они отвергли и его дары – и прежде всего христианскую любовь и сердечное созерцание. Так, созерцание было заменено *наблюдением*, а наблюдение стало светским, близоруким и самодовольным; оно велось с величайшим усердием и подъемом, но в обращении к чувственному миру оно стало уходить все дальше и дальше от христианского духа. Оно освобождалось все больше от религиозных предпосылок, признавая их «эмпирически ненужными гипотезами» или даже прямыми помехами, и поставило себе задачу – все понять и все объяснить без Бога. Наблюдающее изучение природы не нуждалось уже в *понятии* «Бога» как объясняющей гипотезе, и призна-

ло наконец, что его «объяснения» оказываются тем более удачными и успешными, чем последовательнее оно отказывается от идеи Божественного вообще. И только философы пытались еще говорить о Боге; однако и у них эти высказывания становились все более неопределенными и скудными, ибо рационализм все повышал свои запреты и все строже требовал «последовательности», постепенно превращая идею Бога то в идею «субстанции вообще», то в идею «духа» вообще, избегая касаться вопроса об «абсолютном» и впадая в скудоумный релятивизм.

Так *сердечное созерцание Христианства* и боголюбивый и боговыскашующий *созерцательный разум* превратились постепенно в отвлеченный *рассудок*, в сухое, наблюдающее и анализирующее мышление, в «индукцию», оторванную от созерцания сердца и вчувствования. Этот метод вытаскивался сначала в изучении внешней, материальной природы, а затем был перенесен на внутренний, душевно-духовный мир; и последовательное применение его не могло не повести к оскудению и опустошению знания. Внешние связи чувственного мира успешно устанавливались и оказывались практически полезными; самодовольное наблюдение оправдывалось с точки зрения *техники*, получавшей все большую самостоятельность в отрыве от истинного и глубокого познания. Но внутренние реальности духа и утонченная «ткань» человеческой души упускались из виду в отвлеченно-холодном трактовании, столь характерном для механистического мировоззрения. Расколотый человек вырабатывал раскалывающую доктрину, неспособную ни узреть, ни осмыслить тайну жизни и мировой разумности и растеривал последние остатки своей духовности в бессердечном и поверхностном «самонаблюдении»... Его собственное естество сводилось постепенно к анализирующему рассудку, к беспочвенной и развязанной воле и бездуховному инстинкту самосохранения. Все иное иронически отвергалось: и «суеверная» вера, и творческое созерцание с его «беспочвенной фантастикой», и только иногда там и сям можно было подметить ложный стыд, когда заглушенное и осмеянное сердце давало знать о себе.

Таков современный культурный кризис. Это кризис нецельного духа, расколотого, расщепленного человека. Чем раньше люди постигнут это, тем лучше. Чем мужественнее, чем отчетливее и строже это будет формулировано, принято во внимание и

продумано до последних выводов, тем скорее начнется преодоление кризиса. Человек должен воссоединиться в своем собственном существе. Он должен собрать распавшиеся части и члены своего естества и sprysnut' их «живой водой» *исцеления*, наподобие того, как это описывается в русской народной сказке. Но здесь воссоединится не тело человека, а его дух – и для этого *исцеления* он должен выстрадать и вымолить себе благодать Святого Духа.

Человеческий ум должен найти путь к вере – не к суеверию, запугивающему нас, и не к пустоверию, проявляющему нашу глупость, – а к созерцательной вере, разумной и светлой, к вере «достаточного основания». Человек должен победить в себе ложный стыд и не стыдиться своего сердца. Мысль должна примириться с творческим, предметным воображением и опять стать созерцающей, интуитивной и прозорливой. Аутистическая фантазия должна пройти через школу предметной интенции и духовной ответственности. Формальная и разнузданная воля должна подчинить себя сердцу и совести... Тогда рассудок научится взирать и видеть и станет *разумом*; а созерцающий разум станет повиноваться сердцу, так что все пути будут вести к сердцу и исходить из сердца. Ибо *сердечное созерцание, совестная воля и верующая мысль* суть три великие силы нашего будущего, которые справятся со всеми проблемами, неразрешимыми как для *бессердечной* свободы, так и для *противосердечного* тоталитаризма. Для разрешения их нужен цельный, целостный, исцеленный человек, заповеданный нам Евангелием.

И тот, кто взглянет вдаль духовно-отверстым оком и воззовет к нашему будущему с надеждою, тот прочтет над тесными воротами нашего будущего простой и мудрый призыв: «Ищи исцеления!».

Ильин И.А. Спасение в цельности // И.А. Ильин // Я вглядываюсь в жизнь. Книга раздумий / И.А. Ильин. – М.: Эксмо, 2007. – С. 358–366.

Вопросы и задания

1. Что нужно человеку для счастья? Почему далеко не всегда, получая желаемое, человек бывает счастливым?

2. Расколотый духовно человек. Как он живет? Какие его качества определяют его жизнь? Опишите словесный портрет расколотого человека.

3. Духовно цельный человек. Опишите его словесный портрет.

4. Как вы понимаете высказанное И.А. Ильиным утверждение: «Современный культурный кризис – это кризис ... расколотого человека. И чем раньше мы это поймем, тем лучше для нас»? Актуально ли это утверждение для нашего времени? Какие социальные институты способствуют решению этой проблемы?

5. «Сердечное созерцание, совестливая воля и верующая мысль» – вот три великие силы грядущего, которым будут по плечу все проблемы бытия. Они-то и создадут человека творческого, цельного, счастливого. Способствует ли современное образование становлению такого человека? Обоснуйте свой ответ.

Виктор Эмиль Франкл

Доктор и душа: от психотерапии к логотерапии

Об иерархичности человека и его целостности

<...> Человек живет в трех измерениях: соматическом, психическом и духовном. Духовное измерение не может быть игнорируемым, так как именно оно делает нас людьми.

<...> Человек – это больше чем психика: человек – это дух.

<...> Ответственность и свобода составляют духовную сферу человека.

<...> Если мы дадим человеку неверное понятие о природе человека, мы можем его испортить. Представляя человека как состоящий из рефлексов автомат, как психо-машину, как набор инстинктов, как пешку, движимую драйвами и примитивными реакциями, как простой продукт инстинктов, наследственности и среды, мы вскармливаем нигилизм, склонность к которому и без того присуща современному человеку.

<...> Выражение «глубинная психология» сегодня весьма популярно. Но напрашивается вопрос, не пора ли исследовать человеческое существование, даже в психотерапии, во всем его многоуровневом пространстве; исследовать не только его глубины, но и высоты тоже. Поступая таким образом, мы намеренно

выходим не только за пределы физического, но и психического также, и включаем в сферу исследования реальность того, что мы будем называть в этой книге «духовными аспектами человека». Этим термином <...> мы обозначаем ядро личности.

<...> Нужно представить истинную картину целостной психо-физико-духовной сущности человека. Лишь тогда мы будем в состоянии помочь страдающей человеческой личности довериться нам и, доверяя нам, достичь своей целостности и здоровья.

Это последнее требование мы рассматриваем как исполнение. Между преобразованием внешней жизни и внутренней реализацией индивида существует фундаментальное различие. Если формирование жизни – геометрическая величина, то реализация жизни – величина векторная. Она направлена к ценностным потенциалам каждой индивидуальной человеческой личности. Именно реализация этих ценностных потенциалов и составляет сущность жизни.

<...> Конец XIX– начало XX столетия полностью исказили образ человека акцентированием многочисленных ограничений, налагаемых на него и делающих его якобы беспомощным. Человека стали представлять как ограниченного биологическими, психологическими и социологическими факторами. Внутренне присущая человеку свобода, которая сохраняется вопреки всем этим ограничениям, свобода духа вопреки природе осталась неизменной. И, однако же, именно эта свобода является тем, что составляет подлинную сущность человека. Таким образом, наряду с психологизмом мы получили также биологизм и социологизм, которые все вместе участвовали в создании карикатуры человека.

О свободе человека и его ответственности

Свобода означает свободу относительно трех вещей: 1) инстинктов, 2) врожденных диспозиций и 3) среды. Разумеется, человек имеет инстинкты, но эти инстинкты не владеют им всецело. <...> Нас интересует прежде всего свобода человека принимать или отвергать свои инстинкты.

Что касается наследования, то исследования показали, как высока степень человеческой свободы в отношении предиспозиций. Из пары идентичных близнецов один стал ловким преступником, в то время как его брат – искусным криминалистом. Оба

родились умными, смышленными, изобретательными, но эти свойства сами по себе не обуславливают развития ни порока, ни добродетели.

Что же касается среды, то мы знаем, что не она делает человека и что всё зависит от того, что человек делает с ней, от его установки по отношению к ней. Фрейд однажды сказал: «Подвергните некоторое количество очень сильно разнящихся человеческих существ равной степени голодания. С нарастанием императивной потребности в пище все индивидуальные различия будут стерты, и вместо них мы увидим единообразное выражение одного неудовлетворенного инстинкта». Но в концентрационных лагерях мы были свидетелями противоположного: мы видели, как в одинаковой ситуации один человек дегенерировал, в то время как другой вел себя как святой. Роберт Дж. Лифтон пишет об американских солдатах в лагерях для военнопленных: «Среди них были примеры как альтруистического поведения, так и наиболее примитивных форм борьбы за выживание».

Таким образом, человек ни в коем случае не является всего лишь продуктом наследственности и среды. Существует третий элемент: принятие решений. Человек в конечном счете решает сам за себя! И в сущности, образование должно быть ориентировано на формирование способности принимать решения.

Виктор Эмиль Франкл **Человек в поисках смысла**

О свободе человека и его ответственности

<...> Если человек в концентрационном лагере не боролся из всех сил за то, чтобы спасти свое самоуважение, он утрачивал чувство своей индивидуальности, разума, внутренней свободы и личностной ценности. Тогда он начинал воспринимать себя лишь как часть огромной человеческой массы; его существование регрессировало до уровня существования животного. Человек становился частью стада, гонимого то в одно место, то в другое, то собираемого, то разделяемого, – подобно стаду овец без собственных мыслей и собственной воли.

<...> Опыт лагерной жизни показал, что у человека имеется возможность выбора действий. Там было достаточно примеров,

часто героического плана, доказывающих, что апатия может быть преодолена, раздражительность подавлена. Человек может сохранить частицу духовной свободы, независимости разума даже в таких ужасных условиях психического и физического стресса.

Мы, бывшие узники концлагерей, можем вспомнить тех людей, которые поддерживали других узников, делились с ними последним куском хлеба. Их могло быть немного, но они являют собой достаточное доказательство того, что всё можно отнять у человека, за исключением одного: последней частицы человеческой свободы – свободы выбирать свою установку в любых данных условиях, выбирать свой собственный путь.

И там всегда можно было сделать выбор. Каждый день, каждый час давал возможность принять решение, которое определяло, подчинишься ты или нет тем силам, которые грозили лишить тебя твоей самости, твоей внутренней свободы, которое определяло, станешь ты или нет игрушкой обстоятельств, отказавшись от свободы и достоинства, с тем, чтобы стать сформированным по образцу типичного узника.

<...> Кульминационным переживанием вернувшегося домой человека становится изумительное чувство, что после всего им пережитого, ему уже нечего больше бояться – кроме Бога.

Франкл В.Э. Доктор и душа / В. Франкл; перев. с англ. А.А. Борева. – СПб.: Ювента, 1997.

Виктор Эмиль Франкл Психотерапия и религия

О междисциплинарной связи наук с теологией

<...> Снятие покрывала с неосознанной веры человека, включенной в понятие трансцендентного подсознания, свидетельствовало бы о том, что неосознанно мы всегда стремимся к Богу, что мы всегда связаны с ним пусть неосознанно, но целеустремленно. И именно этого Бога мы называем неосознанным Богом.

Наша формулировка совсем не означает, что Бог Сам по себе неосознаваем; скорее всего она подразумевает, что временами Бог не осознан нами, что наше отношение к Нему может быть неосознанным, быть вытесненным из сознания, быть скрываемым от самих себя.

<...> Ни одна наука не способна понять сама себя, сама судить о себе, не выходя за свои пределы. И также никакая наука <...> не может судить о своих результатах и обзирать их следствия, не покидая пределов собственного поля, не подвергнув себя онтологическому испытанию.

<...> Истинная религиозность имеет не инстинктивный характер, а характер решения; религиозность, имеющая характер решения, устоит, а религиозность с инстинктивным характером – падет. Ибо религиозность либо экзистенциальна¹¹, либо ее нет вообще.

<...> Когда вера погибает, она, по-видимому, перерождается. Разве нам не приходилось наблюдать, как в области культуры, а не только в случае отдельной личности и даже в масштабе всего общества в целом, вытесненная вера перерождается в суеверие? <...>

О свободе человека и его ответственности

Мы живем в тот период, когда господствует чувство бессмысленности. В этот период воспитание должно быть нацелено не только на передачу знаний, но на такую настройку совести, чтобы человек стал достаточно чувствителен к восприятию требований, выдвигаемых в любой ситуации. <...> Только недремлющая совесть повышает его «сопротивляемость», не позволяет ему поддаться конформизму¹² или же склониться перед тоталитаризмом¹³.

Так или иначе, но теперь более, чем когда-либо, воспитание служит повышению ответственности. Мы живем в обществе изобилия, но это не только материальное изобилие, это еще и информационное изобилие, информационный взрыв. <...> Мы перегружены, и не только сексуально. Если человек хочет устоять перед этим избытком возбуждений, вызываемых средствами массовой информации, то он должен знать, что является важным и что нет, что существенно и что нет, – одним словом, что имеет смысл и что смысла не имеет.

Франкл В.Э. Основы логотерапии. Психотерапия и религия / В. Франкл. – СПб.: Речь, 2000.

¹¹ Лежит в основе бытия человека; неотъемлема от его жизнедеятельности.

¹² Приспособленчество, пассивное принятие господствующих мнений.

¹³ «Командное» вмешательство государства во все сферы человеческого общества и отдельного индивида.

Вопросы и задания

1. Виктор Франкл (1905–1997) – всемирно известный психиатр, психотерапевт, философ, создатель Третьей Венской школы психотерапии. На его судьбу выпало быть узником нацистских концентрационных лагерей в течение нескольких лет. Пройдя эти сверхчеловеческие испытания, он увидел, что наибольший шанс выжить имели не крепкие телом люди, а сильные духом. Научные выводы, изложенные в трудах Франкла, не придуманы им в кабинетной тиши, а выстраданы им и подтверждены самой жизнью.

Франкл утверждает, что «неверное понятие о человеке» может привести к негативным последствиям. Как вы понимаете этот тезис?

2. Чем эта позиция опасна для педагогической деятельности?

3. Если «человек есть дух», то чему, прежде всего, должен научить педагог своих воспитанников?

Константин Дмитриевич Ушинский

Человек как предмет воспитания.

Опыт педагогической антропологии

Этот фундаментальный труд автора представлен в трех томах. Первый том содержит материал об анатомо-физиологических особенностях человека; часть первого тома и весь второй посвящены психологической сфере человека (чувственной, интеллектуальной, волевой составляющим); третий том посвящен духовной сфере человека. Однако ввиду ранней кончины автора (47 лет) третий том представляет собой тезисные материалы, раскрывающие особенности духовной сферы человека. Но и в тезисной форме мысль автора выражена лаконично, ёмко и понятна даже спустя полтора столетия.

Предисловие

<...> Воспитатель должен стремиться узнать человека каков он есть в действительности, со всеми его слабостями и во всем его величии, со всеми его будничными, мелкими нуждами и со всеми его великими духовными требованиями. Воспитатель дол-

жен знать человека в семействе, в обществе, среди народа, среди человечества и наедине со своей совестью; во всех возрастах, во всех классах и во всех положениях, в радости и в горе, в величии и унижении, в избытке сил и в болезни, среди неограниченных надежд и на одре смерти, когда слово *человеческого* утешения уже бессильно. Он должен знать побудительные причины самых грязных и самых высоких деяний, историю зарождения преступных и великих мыслей, историю развития всякой страсти и всякого характера. Тогда только будет он в состоянии почерпнуть в самой природе человека средства воспитательного влияния, – а средства эти громадны! <...>

Теперь скажем несколько слов о самом расположении тех предметов, которые мы хотим изучать в нашем труде. <...> Сначала мы, естественно, займемся тем, что нагляднее, и изложим те физиологические явления, которые считаем необходимыми для ясного понимания психических. Затем приступим к тем психофизическим явлениям, которые, сколько можно судить по аналогии, общи в начатках своих как человеку, так и животным, и только под конец займемся чисто психическими, или, лучше сказать, *духовными*, явлениями, свойственными одному человеку.

<...> Мы не говорим педагогам – поступайте так или иначе; но говорим им: изучайте законы тех психических явлений, которыми вы хотите управлять, и поступайте, соображаясь с этими законами и теми обстоятельствами, в которых вы хотите их приложить. Не только обстоятельства эти бесконечно разнообразны, но и самые натуры воспитанников не походят одна на другую. <...> Едва ли найдется хотя одна педагогическая мера, в которой нельзя было бы найти вредных и полезных сторон, и которая не могла бы дать в одном случае *полезных* результатов, в другом *вредных* и в третьем *никаких*. Вот почему мы советуем педагогам изучать сколь возможно тщательней физическую и душевную природу человека вообще, изучать своих воспитанников и окружающие их обстоятельства, <...>, выработать себе ясную положительную цель воспитания и идти неуклонно к достижению этой цели, руководствуясь приобретенным знанием и своим собственным благоразумием.

Основные вопросы третьего тома педагогической антропологии

3. <...> Выделим из психических явлений те, которые, судя по аналогии наших действий с действиями животных, свойственны только одному человеку. Для этих явлений мы назначим особый, *последний отдел*, под названием *явлений духовных*, в отличие от *явлений душевных*, общих человеку и животному <...>.

4. Так дар слова и дар идеи (означим их покуда хотя под этим именем) идут из другого источника, а именно из *духа человеческого*, из тех особенностей, которыми человек отличается от всего существующего <...>.

13. *Отделение чувствований душевных от духовных*. Слово *душевный* отделяет для нас изучаемые нами чувствования как от органических, о которых мы говорили выше, так и от *духовных*, о которых мы будем говорить в конце нашей антропологии. К *духовным* чувствованиям и *духовным* чувственным состояниям мы относим не только такие, как, напр., чувствования права, чувствования эстетические, но и те сложные психические явления, в которых особенности душевные перемешиваются с особенностями *духовными*. Так, напр., чувствование *гнева* есть явление душевное, а чувствование *мести*, в котором гнев является таким сильным элементом и которое потому психологи большей частью помещают рядом с чувствованием гнева, есть уже явление *духовное*, так как в нем к чувствованию гнева присоединяется чувствование права. <...>

36. В первых же главах этого тома вы найдете разрешение показавшегося вам противоречия. Человек не потому говорит, что обладает рассудком, а потому, что обладает самосознанием, т.е. способностью наблюдать свои собственные душевные явления, чего нет у животных. Эта способность дает человеку дар слова, свободу воли, нравственность, способность к самоусовершенствованию, к прогрессу.

38. *Рассудок* есть плод *сознания*; *разум* плод *самосознания*; сознанием обладают и животные, но самосознанием обладает только человек. <...>

72. Если существование двух первых образователей (факторов) характера (наследственности и среды) не подлежит сомнению, хотя границы их действия и неопределенны, то самое существование *третьего* фактора, а именно *личной воли человека*, признаваемое одними, отвергается другими. <...>

73. Неужели человек сам не принимает никакого участия в образовании собственного характера, из которого потом, как математические выводы, вытекают все его желания, решения и поступки? К такому безотрадному и унижительному выводу должна прийти всякая психология, отвергающая свободу воли в человеке. *Для такой психологии* вся жизнь человека есть средняя математическая линия, проводимая между двумя влияниями: влиянием врожденных особенностей темперамента и влиянием случайностей жизни. Если бы наше изучение психических явлений остановилось на той ступени, которой мы достигли теперь, то мы и должны были бы признать этот роковой фатализм в образовании каждого человеческого характера, из которого поступки вырастают как плоды на дереве. На такой ступени и действительно остановилась *опытная* германская психология <...>. Но учение о свободе или несвободе воли, или вернее – о *свободе души* должно найти себе место в третьей части нашей антропологии.

78. Свобода так же присуща существу духовному, как пространственность или непроницаемость телам, и как невозможно даже всемогуществу Божию лишить тело этого качества, так же невозможно отнять у духа свободу; ибо дух без свободы не будет более дух, так как тело, не занимающее пространства, не будет более телом.

216. Если человек достигнет до такой нравственной высоты, что боится только одного Бога, то значит он боится только одной своей собственной совести – и больше ничего в мире не боится. <...> совесть для человека голос Божий; и если человек, не внимая никаким угрозам и приманкам света, начнет внимательно прислушиваться только к этому голосу, то он откроет в нем источник премудрости, т.е. нравственности или высшей практической мудрости. Но как жалко злоупотребляют этим глубоким библейским изречением любители *задать страху детям*. Они прикрывают им свое неумение сдерживать гнев, неуменье, которое должно было бы вычеркнуть их из списка воспитателей, и внушают детям не *страх Божий*, а *страх учительский*, из которого рождаются ложь, притворство, хитрость, трусость, рабство, слабость, ничтожество души, – а не премудрость.

Ушинский К.Д. Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии // Собрание сочинений : в 11 т. – М.; Л. : Издательство Академии педагогических наук, 1952. – Т. 8, 10.

Вопросы и задания

1. Что Ушинский называет сугубо «человеческим»?
2. Если духовность присуща только человеку, то в чем заключается стратегическая цель воспитания? Каковы, по вашему мнению, требования к воспитателю? Готовы ли вы реализовывать стратегическую цель воспитания? Обоснуйте свой ответ.
3. Ушинский выделяет совесть в качестве индикатора нравственности. Как вы считаете, может ли совесть (ее чистота) быть включенной в личностные результаты, предъявляемые современными ФГОСами?

Василий Васильевич Зеньковский **Проблемы воспитания в свете христианской антропологии**

О потребности восстановления утраченной связи педагогики с православной антропологией

<...> Привлечение идей христианской антропологии к пониманию жизни души и внутренней диалектики ее исканий нужно вовсе не для одного религиозного или даже морального воспитания – оно *нужно для педагогики в ее целом*. Если верно, что в человеке все «лично», т.е. всё связано с центром души, с ее внутренним миром, то это значит, что идеи христианской антропологии или должны быть связываемы со всеми процессами души, или вообще должны быть отвергнуты.

Невозможно какое-то частичное и ограниченное использование религиозного учения о человеке – здесь необходимо более решительное принятие или неприятие религиозного подхода о душе. <...> Основная причина современного педагогического кризиса в том и заключается, что педагогическая мысль оторвалась от христианской антропологии, что вслед за другими сферами культуры педагогика стала на путь секуляризации, отделения себя от веры, от Церкви. Преодоление педагогического натурализма, возврат к обоснованию педагогики в целостном христианском мировоззрении, привлечение идей христианской антрополо-

гии к освещению основных проблем педагогики – и есть та основная задача, в разрешении которой лежит ключ к плодотворному творчеству в сфере воспитания.

<...> *Тема о человеке оказывается шире и глубже, сложнее и запутаннее, чем ее знает современное воспитание.*

Об иерархичности человека и его целостности

И прежде всего здесь приходится посчитаться со всей той бездной бессознательного <...>, в которой таятся различные конфликты, нередко приводящие к душевным заболеваниям, тягостной неврастении или к социальному авантюризму, в котором так же порой спасается мятущаяся душа, как она, по выражению Фрейда, спасается от внутренних терзаний в душевной болезни...

<...> Сосредоточивая задачу воспитания на развитии *периферии души*, мы словно хотим убежать от серьезных задач, стоящих перед нами. Можно сказать и больше. Периферийность нашего воспитания, его современных форм сама является часто источником разнообразных осложнений в детской душе. Очень многие конфликты в детской душе создаются *нами самими*. Мы этого не замечаем, дети тоже забывают об этом, но те раны, те внутренние обвалы, которые совершаются в юной душе, замирание творческого огня и переход на линии банальности и обыденщины – всё это остается в детях часто навсегда. Современная психология, а за ней и современная криминология побуждают переносить именно на детство возникновение тех внутренних диссонансов, тех сил саморазрушения, вкуса к извращениям (конечно, не в одной лишь сфере пола), тех надломов, которые изнутри губят душу. *Нельзя игнорировать всего этого*, нельзя не отдавать себе отчета в том, что целостность – столь излюбленная и действительно нужная нам – заключается вовсе не в гармоническом развитии души (т.е. ее периферии!), а в *установлении условий внутреннего равновесия, самообновления души*.

<...> Жизнь может оборваться раньше, чем воспитание добьется своего. <...> Но бессмыслица смерти, возможность того, что весь план воспитания детей в один момент теряет всякое значение, не может зачеркнуть все же того более глубокого подхода к человеческой душе, о котором мы говорили выше. <...> Свет, идущий от смерти, не делает ли человека как раз более значи-

тельным, чем мы склонны думать о нем? Тема смерти настойчивее, чем что-либо другое, ставит *проблему отношения к вечности*. <...> тема смерти не может не тревожить педагогическое сознание, требуя такого подхода к детской душе, который не отменял бы смысла в нашей ежедневной работе с детьми. Перед лицом смерти мысль о детях, забота о них, проникновение в глубину того, что в них совершается, ставят вопрос о нахождении внутренней связи между воспитанием к жизни и воспитанием к тому, что есть за смертью. Эта тема неустранима для педагогического сознания. Нельзя детей вести так, чтобы тема смерти была чистой бессмыслицей. <...> Поскольку мы сознаем, что служение добру не ограничено законами жизни, не исчерпывается правилами жизни, поскольку мы приобщаемся началу вечности в самой идее добра, постольку сама жизнь предстает перед нами как неисследимое сочетание вечного и преходящего. Смерть не может зачеркнуть того, что уже здесь сопряжено с вечностью, – и это значит, что в теме смерти углубляется, а не меняется перспектива воспитания. Как лучи вечности пронизывают нашу жизнь и осмысливают ее, так и воспитание должно связать требования жизни с законами вечности. *Воспитание должно готовить к жизни во времени, но и к жизни в вечности – к жизни земной и к жизни вечной.*

Надо понять, что это всё не риторика, не надуманное осложнение педагогической мысли, а наоборот – неустранимая тема ее. *Надо понять, что связывание в воспитании проблем земной жизни с темой вечности не вытекает из религиозного обоснования, а наоборот, его требует.* Поэтому и необходимо религиозно осмыслить вопрос воспитания, что есть смерть, есть неизбежный разрыв в движении души к ее целям. Как правильная философия жизни должна быть построена так, чтобы в ней был дан ответ на то, что есть смерть и куда ведет она нас, так еще более тема смерти должна быть связана с философией воспитания. Если в свете смерти многое в жизни открывается в своей ничтожности и незначительности, если много оказывается пустым и ненужным, то еще более ненужным, обидно пустым может оказаться в свете смерти многое из того, чем мы заняты в воспитании.

<...>

Целостность, эта нерасторжимо единичная связность духовной стороны с психофизической жизнью осмысливается до конца лишь в понятии иерархической конституции человека. Как в организме единство жизни не устраняет иерархичности в значении отдельных органов и как раз опосредуется этой иерархичностью, так и в человеке целостность его жизни опосредуется иерархичностью его конституции.

Эта иерархичность состоит в *примате духовного начала*, т.е. в действенной соотнесенности всей жизни человека с его духовным началом.

Всё в человеке потому и лично, что всё соотнесено к духовному началу, что человек всегда и во всем духовен. Эта духовность не «самосушая», она загадочно сочетается с тварностью человека, но всё же она есть средоточие, живая сердцевина, истинный центр (реальное «я»), основа индивидуальности человека, метафизическое его ядро. Примат духовного начала, конечно, не подавляет психофизической жизни нашей, не устраняет даже ее собственной закономерности.

Из того, что психика и телесная сфера служат проводником и выражением духовного начала, не следует, конечно, что у них нет своей собственной жизни. Эта собственная их жизнь не только соотнесена всегда к началу духовности, но она может и подчинять его себе <...>.

Если духу принадлежит основное значение в человеке, то это, не устраняя постоянной и неустранимой духовности в человеке, не означает, что дух властвует в жизни человека. И тогда, когда дух наш в плену у низших влечений, целостность не нарушается, хотя закон жизни человека искажается. Парадокс положения <...> заключается в том, что примат духовности существует и в тоже время не существует в нас. Он не существует в том смысле, что духовная сторона в человеке закрыта, отодвинута вглубь, не овладевает эмпирическим самосознанием, которое отражает и задерживает большей частью факты душевной периферии, не проникает даже вглубь душевного, а не то, что духовного своего бытия. Духовную жизнь каждому в себе еще нужно открыть, а то можно и всю жизнь прожить, не останавливая своего внимания на духовной стороне, лишь изредка ощущая страх перед самим собой, перед своей глубиной.

Люди так часто убегают от самих себя, настолько уходят в «поведение», в психическую периферию, что им становится потом даже трудно принять наличность внутренней жизни, идущей глубже периферии. Чтобы открыть в себе духовный мир, чтобы чувствовать и замечать, осмысливать свою внутреннюю жизнь, «необходимо внимать самому себе», нужно ослаблять власть внешних впечатлений, нужно уединение, молчание, крупные переломы в психических навыках и т.д.

<...> И только те, кто в силу своих моральных или аскетических мотивов, намеренно или по некоей склонности, постоянно погружается в глубину самого себя, знают, что за пределами обычной периферии души идет в нас другая жизнь. Она именно кажется «другой», ибо идет независимо от психической периферии, но очень скоро мы убеждаемся, что там именно находятся корни всего, что делается «наверху» души, что ключ к человеку, к его стремлениям и чувствам лежит там.

Существование духовного начала в нас, начинаясь с разграничения глубины и периферии души, раскрывается как факт реального центра в нас, определяющего главное в нашей жизни. С тех пор, как психология пришла к установлению так называемых «непроизводных» психических функций, которые направляют психические процессы, с тех пор, как установлена существенная разнородность мышления и сферы образов, для психологии стало неизбежным вернуться к понятию духовной сферы в нас как системы функций, не зависящих от потока психической причинности и связанных с иной, высшей жизнью в нас.

<...> Не в лоне сознания вырастает самосознание, а, наоборот, сознание есть функция самосознания... Этот факт есть лишь частный случай в иерархической конституции человека с центральностью в нем его духовной основы. *И тело, и душа иерархически зависят от духовной основы в человеке. Этот тезис, могущий быть развитым лишь в системе антропологии, впервые до конца обнажает всю проблематику человека. Иерархическое строение души является поэтому лишь эмпирической транскрипцией иерархической конституции человека*¹⁴.

¹⁴ Этот абзац приведен из статьи Зеньковского «Об иерархическом строе души», помещенной в рассматриваемую книгу.

О свободе человека и его ответственности

Что значит свобода в детской душе, каковы ее условия, каково место ее в человеке?

<...> Свобода светит человеческой душе не как реальность, не как данная ей сила, но как возможность, как задание; и как раз в идее свободы есть начало освобождения человека от власти природы, от своего прошлого, от своих привычек и страстей. Свобода дана и не дана. <...> Свобода связана в нас с тем, что дух наш смотрится всегда в бесконечное¹⁵ <...>.

В создании свободы раскрывается впервые путь творчества; в этом смысле можно сказать, что задача воспитания в том, чтобы зажечь душу идеей свободы, привести к свободе, взволновать и вдохновить душу идеей свободы. Свобода не дана, а задана – но не в смысле чего-то надуманного или выдуманного; она нужна душе как живая вода, сообщающая ей жизнь, дающая ей крылья. Поэтому и бессмыслен педагогический анархизм или утверждение, что в ребенке *есть* свобода. В воспитании дело идет <...> о восхождении к свободе.

Однако это утверждение не следует понимать так, что свобода в ребенке лишь потенциальна: она есть и в детской душе, но *только она глубже сознания*, в силу чего она имеет иной смысл, чем свобода в зрелой душе. Но воспитание работает над эмпирической личностью, над той ее частью, которая связана с миром вещественным и социальным; духовные силы ребенка (в том числе дар свободы) создают возможность и основу воспитания, но они не создаются воспитанием. В *этом* смысле воспитание имеет задачу помочь ребенку стать свободным, обрести свободу.

Но здесь-то и встает перед нами вся трагическая особенность современного воспитания. Оно верит в свободу, потому что глубоко ощущает ее основное значение в судьбе человека; оно стремится освободить дитя, т.е. дать ему силу самообладания, возможности подыматься над случайными, периферическими желаниями; оно, наконец, хочет сделать свободу творческой. Но дар свободы – великий, но и страшный дар; без него не цветет, не раскрывается личность, но в свободе же источник всех трагедий, всех испытаний человека. Свобода ставит нас неизмеримо и неотвратимо перед дилеммой добра и зла; и как часто свобода, под-

¹⁵ См. этюд автора «Об образе Божиим в человеке».

линая, глубокая, блестящая всеми дарами человеческой души, уводит нас на путь зла и разрушения – себя и других! Если нельзя ставить задачей воспитания развитие начала личности вне связи со сферой смыслов, то еще менее можно развивать свободу, *не обеспечивая ее связи с добром*. А как это обеспечить? В том ведь и сущность свободы, что она не может быть заранее определена в своих актах: чем глубже наша душа, тем яснее выступает в ней иррациональность свободы, ее хаотичность и аритмия.

Для педагогического сознания всё это ставит очень мучительный и роковой вопрос. Вне развития свободы нет смысла в воспитании – оно *превращается вне свободы в дрессировку*, в подавление личности и унижение ее. Но развивать свободу не значит ли углублять в детях право выбора, возможность ухода в сторону зла? Не нужно быть придирчивым к современности, чтобы признать, что современный человек не умеет отстоять в себе добро, что он чрезвычайно легко поддается соблазнам и искушениям. Зло стало таким открытым, дерзким и часто безнаказанным в современной жизни, что оно легко отстраняет добро в душе. Нельзя уклониться от этой проблемы под тем предлогом, что каждый человек сам ответственен за себя, что наша задача только «поставить на ноги» дитя, а куда оно пойдет, став на ноги, это уж не наша забота. Такая позиция не только не допустима, но она педагогически преступна: жизнь слишком полна трагедий, сил саморазрушения, чтобы об этом не думать. Идиллия в этом вопросе недопустима – перед детьми слишком рано обнажаются тайны жизни, слишком рано открывается темная сторона ее.

Всё это ставит очень остро и ответственно вопрос, от которого не смеет отвернуться педагогика, вопрос о том, как обеспечить связь свободы и добра? Для педагога бесспорна правда свободы, но несомненно и то, что эта правда гибнет и топчется, когда свобода ведет к злу. Как же обеспечить то, чтобы свобода внутренне и подлинно была связана с добром? Как превратить начало свободы в источник творчества, а не произвола, восхождения к добру, а не служения злу? Свобода так часто переживается людьми как *бремя* <...>.

Устроение и развитие *периферии* души и наличность тяжелых конфликтов в глубине подсознательного заставляют сомневаться в том, что мы правильно понимаем задачи воспитания. Но загадка

свободы, ее правда и ее неместимость, ее ценность и возможность зла через свободу ставят еще более серьезную и трудную проблему. Как связать в душе ребенка дар свободы с добром? Как наполнить развитие разных сил в человеке глубоким смыслом, связать душу с миром ценностей, не минуя свободу, а *через свободу*? Развитие дара свободы в ребенке не может быть понято формально, мы не можем уйти от ответственности за то, станет ли дар свободы источником греха или проводником правды.

Это есть великая проблема зла в человеке, которая предстает педагогическому сознанию, конечно, с большей остротой и напряженностью, чем она ставится в философии, в чистой этике. Мы не только ответственны за дитя, но еще в большей степени вопрос о зле стоит для нас остро потому, что мы имеем дело не с человеком вообще, в его отвлечённости, а с живыми детьми, благо и счастье которых нам дороже всего на свете. Проблема воспитания добра или направления ребенка к добру есть не частная проблема воспитания, а главная и основная проблема. <...> Глубина свободы в человеке, если угодно, *мешает* воспитанию, но, чтобы мы ни говорили, нельзя воспитать к добру как-то помимо свободы и вне ее. Добро должно стать собственной, изнутри дорогой, свободно возлюбленной темой жизни ребенка. И то, что добро нельзя вложить, что никакие привычки, заученные правила, устрашения не могут превратить добро в подлинную цель жизни, – это превращает ранее упомянутые цели воспитания, во *что-то бесконечно маленькое, вторичное*. <...>

<...> Спорить о том, входит или не входит тема добра в задачи воспитания, не приходится; скорее надо бояться того, что самую эту тему понимают, отделяя ее от начала свободы, сводят просто к наслаждению добрых привычек, к подавлению или ослаблению дурных движений души. Постановка вопросов так называемого морального воспитания вне всей трагической темы свободы очень часто встречается и в современной педагогике <...>.

Но отчетливая постановка этого вопроса выводит нас далеко за пределы той остановки на периферии души, которая так свойственна современной педагогике. *Не приспособление ребенка к жизни, а развитие в нем сил добра, обеспечение связи добра и свободы должно составлять цель воспитания*: приспособление (функциональное, социальное и т.д.) к жизни имеет ведь чисто инструментальный характер. Добро в душе не рождается ни от

физического здоровья, ни от хороших социальных навыков, ни даже от развития творческих сил; оно светит душе независимо от всего этого, оно также невыводимо из периферии души <...>.

Зеньковский В.В. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии / В.В. Зеньковский. – М.: Школа-Пресс, 1996.

Вопросы и задания

1. «Периферийность воспитания». Как вы понимаете это высказывание автора? «Педагогический кризис». Какой смысл автор вкладывает в эту фразу? Как христианская антропология может помочь в преодолении периферийности воспитания и связанного с ним педагогического кризиса?

2. Автор поднимает тему смерти человека. Влияет ли это на иерархию задач воспитания? на стратегию его осуществления? Зеньковский формулировал свои идеи в первой половине XX века. Однако в XXI веке наблюдается беспрецедентный рост детских самоубийств. Подумайте, с чем это связано.

3. Зеньковский разделяет «периферию» и «глубину» души. Также автор разделяет жизнь психофизическую и духовную. При каком условии соотношений этих явлений проявляется целостность человека?

4. Как вы понимаете мысль автора, что в человеке «свобода есть», но одновременно она есть «возможность и задание»?

5. Подумайте, как соотносятся мысли Зеньковского о свободе ребенка и требования к личностным результатам, представленные в ФГОС НОО.

6. Работа выдающегося психолога и педагога русского зарубежья В.В. Зеньковского (1881–1962) «Проблемы воспитания в свете христианской антропологии» (1934) вызвала положительный резонанс в Западной Европе и длительное время была востребована в педагогике, т.к. показала поверхностность и недостаточность традиционного подхода к воспитанию, сложившегося на тот момент. Актуальной эта книга остается и сегодня. Этой книгой был заявлен ранее невостребованный (в отличие от других христианских конфессий) огромный педагогический потенциал Православия. Как вы считаете, нужно ли актуализировать идеи, изложенные в рассматриваемой книге, для современных педагогов?

Виктор Иванович Слободчиков, Евгений Иванович Исаев
Феномен человека
(из книги «Психология человека:
введение в психологию субъективности»)

Человек как природное явление

Первое, что можно отметить, описывая феномен человека, это многообразие его свойств. Человек – существо многостороннее, многомерное, сложно организованное. Ряд свойств человека доступен непосредственному восприятию. Это прежде всего внешние особенности человека. <...> Человек – живое существо, <...> имеет тело, находится во взаимосвязи с природным миром, подчиняется его законам. В том, что человек – органическое существо, каждый из нас убеждается ежедневно. Переживая т.н. органические потребности в пище, в тепле, в отдыхе и т.д. <...> Публикуемые регулярно в печати сведения о неблагоприятных для людей днях основаны на явлениях метеозависимости человека.

Человеческое тело – его форма, строение, функционирование есть продолжение эволюционного ряда; оно во многом сходно с организмом высших приматов. В тоже время человек ***качественно отличается от всех других живых существ***. <...> Тело человека одухотворено и подчинено высшим целям человека. <...>

Принципиальное отличие человека состоит в ***свободном отношении*** к переживаниям органических потребностей. С помощью воли человек может блокировать ощущение голода и жажды, преодолевать чувство страха и боли, если это необходимо для достижения лично значимых целей.

Общественная форма жизни человека

Человек – ***общественное существо***, живет в сообществе себе подобных. Он включен в систему связей и отношений с другими людьми, занимает в ней собственную позицию, имеет определенный статус, играет различные социальные роли. <...>

Сугубо человеческой формой жизни является такая общность, как ***семья***. Животные также образуют устойчивые пары, заботятся о потомстве, но они создаются исключительно с целью продолжения рода. Детеныши животных достаточно рано рас-

стаются со своими родителями и забывают их. У животных отсутствуют межпоколенные связи. Иначе у людей. У человека самое длительное детство. Дети для родителей всегда остаются детьми. <...>

Еще одной, специфически человеческой формой общности являются *клубные объединения*. Клуб – это добровольное и желанное объединение детей по интересам. В клубе люди предстают друг перед другом как равноправные личности. <...>

Способом жизни человеческого общества является *общение*. <...>

Человек живет в мире культуры, которая, по образному выражению философов, составляет его вторую природу. Поведение человека с самого раннего возраста регулируется принятыми в данной культуре ценностями, нормами, традициями, правилами. Особо подчеркнем, что слова «культура» и «образование» тесно связаны друг с другом. Культурный человек – это образованный человек, воспитанный на основе образа Человека, идеала данной культуры. До революции в России издавалась художественная серия «Образы человеческие», которая была посвящена жизнеописанию лучших сынов и дочерей Отечества. <...>

Этика раскрывает не оформляемые в специальном кодексе отношения человека к человеку. Высшим принципом нравственного отношения человека к человеку является сформулированный И.Кантом категорический императив: поступай так, чтобы ты всегда относишься к человеку как к цели и никогда – только как средству. <...>

Человек – единственное существо на земле, у которого есть *идея Бога*, который верит в высшее, нежели он сам, начало <...>. Еще Цицерон писал, что нет ни одного народа, до такой степени грубого и дикого, чтобы не было в нем веры в Бога <...>. Сущность человека особым образом высвечивается в его отношении к божественному.

Во всех указанных формах культуры мы находим стержневую характеристику человека – его деятельную, преобразовательно-созидающую сущность.

Человек как душевная и духовная реальность

Специфической особенностью человека является наличие у него как бы двойной жизни: внешней, непосредственно наблю-

даемой, и внутренней, скрытой от посторонних глаз. Во внутренней жизни человек мыслит, планирует, ведет внутренний диалог с самим собой. <...>

Человеческий субъективный мир – это мир **сознания и самосознания**. В сознании человек способен познавать сущность предметного мира <...>. Предметом сознания может стать сам человек, его собственное поведение и внутренние переживания. Сознание здесь принимает форму самосознания. <...> *Человек как бы выходит за пределы самого себя, занимает позицию над ситуацией.*

В своем сознании человек открывает смысл своих действий, поступков, поведения, своей жизни. Человеческая жизнь, по определению, осмысленна. Человек не может жить вне смысла. <...>

Со смысловой сферой личности связана **совесть** человека. Совесть – это внутренний судья человека, указывающий на подлинный мотив того или иного поступка человека, его смысл. <...> Смысл жизни, высшие ценности, нравственные чувства и переживания, совесть есть проявления духовности человека. *Духовность есть самая глубинная суть человека как родового существа.*

Представленный нами образ человека далеко не полон. Но и в своем неполном образе он предстает перед нами разноликим: как существо природное, телесное, как социальный индивид, как участник культурной жизни общества, как субъект творческой и сознательной деятельности.

Реально же мы всегда имеем дело с конкретным живым человеком и на житейском уровне соединяем его различные проявления в целостное представление, строим свое мнение о нем. <...> Целостность человеческой практики предполагает целостность познания человека.

Слободчиков В.И. Психология человека: введение в психологию субъективности: учеб. пособие для вузов / В.И. Слободчиков, Е.И. Исаев. – М.: Школа-Пресс, 1995.

Вопросы и задания

1. Что есть «человеческое в человеке»? Как оно проявляется?
2. Чем материал данного отрывка из учебника может помочь вам в планировании личностных результатов освоения ООП (в ходе реализации ФГОС)? Обоснуйте свою позицию.

Протоиерей Василий Попов **Православное понимание нравственности**

Что такое нравственность? Возможно ли установить нормы нравственного поведения и существует ли вообще для всех людей нравственный закон? Существование всеобщего нравственного закона признает не только богословие, но и философия. В существовании заповедей, законов, норм морали, общественного мнения, понятия справедливости, дозволенного и запретного нас убеждает как личный опыт, так и опыт окружающих людей.

Где же источник этого закона? Философия на протяжении многих столетий пытается ответить на этот вопрос и предлагает целый ряд теорий и гипотез о происхождении нравственного закона. Эти теории сводятся к трем основным – биологической, социальной и автономной.

Согласно *биологической теории* нравственный закон зародился в человеке в результате его стремления к удовлетворению (гедонизм) и пользе (утилитаризм). Таким образом, нравственно то, что приносит человеку удовлетворение и пользу. И именно гедонизм и утилитаризм – основные критерии в различении добра и зла. Ошибочность этой точки зрения очевидна: далеко не всё, что приятно и полезно в человеческом обществе считается нравственным, а порой таковое рассматривается как аморальное. Нравственный закон, наоборот, достоинство человека видит, как раз, в подчинении биологического и чувственного духу человека, его личности. <...>

Социальная точка зрения утверждает, что нравственный закон порождается социальной жизнью и диктуется интересами доминирующих групп и классов, и возникает, и изменяется в процессе исторического развития общества. Таким образом, ис-

точник нравственного закона – это общество. Действительно, социальная среда создает условия для становления тех нравственных норм, которые предшествуют в человеческом нравственном самосознании. Моральные нормы, обусловленные социальным фактором, никогда в полной мере не исчерпывают присутствующего в человеке нравственно закона. <...>

Что касается *автономной гипотезы*, выраженной глубже всего в философии Иммануила Канта (Immanuel Kant), то нет никаких оснований считать, что человек, существо нравственное и свободное, сам создает и устанавливает в себе нравственный закон, который независим от каких-либо внешних условий и интересов.

Трудно согласиться с тем, что человек создает нравственные законы, которые порой ему мешают, и он не в силах их отменить. Зачастую нравственный закон приносит большие неудобства человеку; человек страдает нравственно, нарушая этот закон.

Православное богословие придерживается *теономной точки зрения*: признает не только существование нравственного закона, всеобщего для всех людей, но и считает, что источник этого закона в Боге, Который, сотворив человека, вложил в его духовную сущность, нравственное самосознание. Этот внутренний закон называется естественным нравственным законом. Именно этот закон выражен в Декалоге пророка Моисея, а также в словах Иисуса Христа: «Итак, во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними, ибо в этом закон и пророки» (Мф. 7, 12).

Естественность и всеобщность этого закона подтверждает тот факт, что подобные выражения (близкие по смыслу) мы находим не только в Библии и Евангелии, но и у таких мыслителей как Аристотель, Конфуций, Будда, Сенека, Филон и др. Заповеди, которые даны израильскому народу, можно назвать естественными, только лишь напоминаящими людям об их духовной природе, о том, что у них есть внутри. Вот почему Бог после того, как сообщил заповеди через пророка Моисея, говорит: «Ибо заповедь сия, которую я заповедую тебе сегодня, не недоступна для тебя и не далека; она не на небе, чтобы можно было говорить: "кто взошел бы для нас на небо и принес бы ее нам, и дал бы нам услышать ее, и мы исполнили бы ее?". И не за морем она, чтобы можно было говорить: "кто сходил бы для нас за море и принес бы ее нам,

и дал бы нам услышать ее, и мы исполнили бы ее?". Но весьма близко к тебе слово сие: оно в устах твоих и в сердце твоём, чтобы исполнять его» (Втор. 30,11-14). Вот почему апостол Павел в послании к римлянам пишет, что язычники, не зная закона богооткровенного, не могут оправдываться пред Богом, поскольку «дело закона у них написано в сердцах, о чем свидетельствует совесть их и мысли их, то обвиняющие, то оправдывающие одна другую» (Рим. 2,15).

С точки зрения христианского богословия нравственный закон так же незыблем, как законы физического порядка, поэтому его нарушение влечет за собой губительные последствия прежде всего для души человека. Мы хорошо усвоили себе, что физические законы нарушать нельзя, ибо это может привести к гибели человека и человечества в целом. То же самое относится и к нравственному закону. Иногда кажется, что нарушение естественного нравственного закона не влечет за собой никаких последствий, и возмездие (если, конечно, оно будет) представляется как внешнее воздаяние со стороны Бога, которое последует в будущем. Но это не так.

Нарушение любого закона физического мира имеет обратную сторону. Это и есть возмездие (или наказание). Возмездие за нарушение нравственного закона не всегда явно, очевидно, но оно обязательно последует. Чаще всего возмездие проявляется во внутреннем дискомфорте (то, что мы называем «муками совести»). Это очень хорошо выражено и в Библии, и в классической литературе. В книге «Бытие» мы читаем обращение Господа к Каину: «Почему ты огорчился? И отчего поникло лицо твое? Если делаешь доброе, то не поднимаешь ли лица? А если не делаешь доброго, то у дверей грех лежит; он влечет тебя к себе...» (Быт. 4, 6-7). И после убийства брата Бог произносит приговор Каину. Очень хорошо это звучит на славянском языке: «Стеня и трясьйся будеши на земли» (Быт. 4, 12). Это и есть внутренние мучения, которые переживает убийца.

А как прекрасно раскрыл это в своем романе «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевский на примере Р. Раскольникова! Конечно, не каждого человека совесть обличает сразу, потому что она может быть испорченной, сожженной, но рано или поздно она проснется, если не здесь, то в жизни будущего века, и обя-

зательно обличит человека. Это и есть преддверие и основа адских мучений. И, именно, нарушение нравственного закона является причиной бедствий и страданий человека или здесь, на Земле, или в вечности.

Преподобный Исаак Сирский пишет: «Не хочешь страдать – не греши», т.е. не нарушай нравственного закона. Эти слова созвучны с мыслью Федора Михайловича, которую мы находим в его бессмертном романе «Идиот». Когда Ганя Иволгин ударил по лицу князя Мышкина, тот воскликнул: «Зачем Вы это сделали?! О, как Вы теперь будете страдать!».

Однако, как бы высоко мы ни ставили естественный нравственный закон, сколько бы мы ни говорили о воспитании и необходимости его наполнения, это, всё-таки, закон естественный, элементарный и необходимый людям в этой жизни.

Ничего великого и сверхъестественного он в себе не содержит. Это лишь то, что может и должен исполнять каждый человек.

С точки зрения православной этики нельзя назвать человека нравственно совершенным лишь на том основании, что он не убийца, не вор и не прелюбодей.

Христианство не упраздняет естественный нравственный закон, а предлагает более важный – закон сверхъестественный, т.е. как бы превышающий требования и возможности естества человеческого. В основе этого нового закона лежит призыв Иисуса Христа: «Будьте совершенны как Отец ваш Небесный» (Мф. 5,48). Сверхъестественный закон раскрывается в учении и нравственном облике Спасителя Иисуса Христа. Он выражен лишь в одной заповеди о Любви (о любви к Богу и ближнему, т.е. человеку). Причем в отличие от ветхозаветного понимания ближнего христианство говорит, что наш ближний – это каждый человек, независимо от близости по родству, религиозной и национальной принадлежности, нравственного и духовного состояния. Причем ближнего мы призваны полюбить как самих себя.

Возможно ли это? С точки зрения естественного нравственного закона это кажется невозможным. И действительно, евангельский нравственный закон невозможно исполнить лишь собственным усилием воли. Для того чтобы стремиться к совершенству, возвыситься над естеством, нужна достаточная мотивация. И для христианина этой мотивацией является вера во Христа

Спасителя, через которую человек таинственным образом соединяется с Ним как ветка с лозой, и только тогда человеку становятся понятными и родными заповеди Христовы; христианину подается благодатная сила жить в соответствии с евангельским нравственным законом, потому что в человеке раскрывается богоподобная сущность, сокрытая под спудом падшего естества. Человек преображается, становится новым творением, что приносит ему неподдельную нетленную радость, которая и является условием блаженства и в мире этом, и в Царстве Небесном.

Поэтому евангельский нравственный закон – это стремление к безграничному нравственному совершенствованию, может быть осуществим только в контексте благодатной жизни во Христе и со Христом. Вне этого контекста евангельские заповеди просто возвышенные призывы, утопия, которую человек своими лишь силами воплотить в жизни не в состоянии.

Вот почему всегда актуальны слова Христа: «Я есмь Лоза, а вы – ветви; кто пребывает во мне и Я в нем, тот приносит много плода, ибо без Меня не можете делать ничего» (Ин. 15,5).

Попов Василий, прот. Православное понимание нравственности / протоиерей Василий Попов // Формирование нравственных ценностей у детей и молодежи через духовно-нравственное просвещение: материалы Вторых педагогических чтений (8-9 апреля 2011 г.) / сост. С.В. Веретенникова. – Воронеж, 2011. – С. 14–19.

Вопросы и задания

1. Почему нравственный закон наряду с законами природы является всеобщим и естественным?

2. «Не хочешь страдать – не греши». Как соотносятся понятия «грех» и «нравственный закон»? Почему страдание – неизменный спутник человека, уклоняющегося от нравственного закона?

3. Сверхъестественный закон, сформулированный в Евангелии Иисусом Христом: в чем его суть? Чем он отличается от естественного нравственного закона, отраженного в Ветхом Завете?

Характеристика современной социокультурной ситуации

Татьяна Васильевна Дорофеева

Модернизм как социокультурное явление и духовно-нравственное воспитание молодежи

В настоящее время все чаще и чаще мы слышим от политологов, социологов и культурологов термин «постмодернизм», или «постмодерн», в приложении к современному состоянию общества. Само понятие этимологически восходит к французскому слову «модерн», что значит «новейший», «современный». Соответственно, «постмодерн» – то, что следует за современностью, за модерном. <...> Главные принципы постмодерна как социокультурного явления были разработаны, в основном, французскими мыслителями (Ж. Деррида, М. Фуко, Ж.-Ф. Лиотар и др.). Такая национальная предпочтительность теоретиков постмодерна не является случайностью <...>. Вспомним, чем ознаменовались 60-е годы прошлого века. В исторической литературе принято говорить об этом периоде как о времени молодежной революции во Франции, когда центры европейского просвещения – университеты превратились в воюющий лагерь. Это время заражения и повсеместного распространения бунта «детей против отцов», организационно оформившегося в движение хиппи. Молодое поколение Европы наотрез отказывалось наследовать традиции старшего поколения, называя их лживыми, фарисейскими. Бунт молодежи Франции быстро распространился и в другие государства «благополучного Запада». Стало ясно, что ценности исторического периода модерна перестали быть ценностями и не усваиваются следующими поколениями. Возникла необходимость осмыслить это явление разрыва в философском и социокультурном смысле. Так появился сам термин «постмодернизм» в приложении к новому витку развития европейской цивилизации.

<...> Крах идей, идеологий является первой сущностной чертой периода постмодерна, первой не по счету, а по важности. Ведь вся предшествующая эпоха, отказавшись от религиозного мировоззрения, заменила религиозное мышление «более прогрессивным» идеологическим, т.е. построенным на идеях тех или иных личностей. Самыми крупными привлекательными идеологиями XX века

стали идеи либерализма и коммунизма. <...> Обе идеологии имеют свое начало и конец, в отличие от вечных религиозных ценностей. <...> Коммунистическая идеология пыталась с помощью Морального кодекса строителя коммунизма воспитать нравственность нового человека. <...> Но при этом жестко подавлялась личная свобода человека. <...> Отсюда – многочисленные политические репрессии на протяжении всей советской истории. Как свидетельствуют исторические документы и современники, уголовное преступление вызывало большее снисхождение со стороны государственной машины, чем малейшая попытка усомниться в истинности «самого верного учения». В идеологии либерализма мы видим противоположную закономерность <...> – абсолютный приоритет права личности. Единственным ограничителем свободы индивидуума в либерализме являются границы свободы другого гражданина. При этом нравственные постулаты не имеют привычного значения. Отсюда повсеместная легализация <...> нетрадиционной сексуальной ориентации со всеми выходящими следствиями: узаконивание однополых браков, <...> разрушение традиционного института семьи. На все вопросы о том, как это соотносится с христианскими заповедями и с перспективой существования человечества, один ответ: «Личность имеет право сама выбирать сексуальную ориентацию». В итоге, как следствие неспособности идеологий найти гармонию между свободой и нравственностью человека <...> молодежь постмодерна не видит перспективы развития. А что дальше? Ведь невозможно существование человечества без ценностной ориентации.

Место прежних идеологий в современном мире занимает мода – <...> одеваться как все; смотреть и слушать то, что модно; говорить, используя модный жаргон. В отличие от идеологии мода более репрессивна. Идеология, как например, советская, использовала внешнее принуждение, а мода действует через мозг, внутреннюю мотивацию человека. Для того, чтобы думать и действовать не так как все, нужно быть очень сильной личностью. Эту внутреннюю силу человеку дает вера, религия. В отличие от моды, православие требует от человека «трезвления ума», т.е. рассуждения, умения отстаивать свои позиции <...>. Вспомним огромное число новомучеников и исповедников веры, которые в условиях советской власти предпочитали смерть отказу от веры. В то время, когда все вокруг требовали заменить Бога идеологией, наши православные соотече-

ственники не боялись свидетельствовать о своей вере¹⁶, при этом не теряя нравственной красоты, проявляющейся в любви к ближнему, в том числе и к своим гонителям. <...>

Второй сущностной чертой постмодерна как социокультурного явления является плюрализм. Слово «плюрализм» является латинским и в переводе означает «множественный». В приложении к общественной жизни плюрализмом называют наличие разнообразных явлений, мнений, суждений, норм. Если в прежние периоды истории <...> существовало понятие нормы как единственного образца поведения и мышления, то в период постмодерна это понятие размывается. Традиция утрачивает свою актуальность. Признается абсолютное право самовыражения, в каких бы уродливых формах оно не выступало. <...> Никто и ничто не является носителем истинности. <...> Ничто не является безусловным принципом. В итоге, в условиях постмодерна сама беспринципность возводится в принцип. Рушится традиционная системность. <...> В условиях информационной революции информация агрессивно вытесняет системные знания, а учитель как носитель знания перестал быть авторитетом у учащихся, свободно «гуляющих» по интернетному пространству. <...> Разрушается цепочка «учитель-ученик».

Следующей сущностной чертой постмодернистского общества, логически вытекающей из предшествующего, является эклектизм. <...> Эклектик (>греч. выбирающий) – ученый, философ, политик, беспринципно сочетающий противоречивые, несовместимые взгляды. Эклектизм – отсутствие единства, целостности, последовательности в убеждениях, теориях. Эклектику постмодерна можно наблюдать в разных сферах жизни общества. <...> В одежде сочетаются несочетаемые ткани и стили: мех и хлопок, бикини и армейские сапоги. Чем более несочетаемые предлагаются идеи, тем более это модно, а значит покупаемо, востребовано. Стало модно, когда эстрадные певцы танцуют на льду, а профессиональные спортсмены поют или занимаются дрессировкой диких животных. Одним словом, вместе с эклектикой торжествует непрофессионализм, дилетантизм. Еще опаснее эклектика в мировоззрении человека. Сейчас стало модным, ко-

¹⁶ Характерно, что греческому слову «мученик» соответствует понятие «свидетель».

гда человек, называя себя православным, увлекается астрологией, йогой, обращается к знахаркам, гадалкам <...>. При этом представляется себе некой широкой личностью с незашоренным взглядом на мир. <...> Образно о подобной «широте взглядов» говорил английский мыслитель писатель Честертон, герой которого, Ричард Уайт, «недавно обрел веру, но каждую неделю менял вероисповедание». <...> Если плюрализм в обществе допустим в определенном отношении, то плюрализм в одной голове является признаком шизофрении. Увы, к сожалению, часто общество постмодернистов смахивает на коллектив шизофреников.

<...> Отсюда следующая характерная черта общества постмодерна – релятивизм, т.е. относительность всего и вся. <...> Кто сказал, что нельзя убивать? А если человек не приносит благо, а если он сам не хочет жить, а если его существование неудобно для других? <...> В итоге – легализация убийств нерождённых детей, легализация убийств больных и немощных. <...> Релятивизм постмодерна неизбежно приводит к нравственной деградации, которая, в свою очередь, ведет к концу человеческой цивилизации. Еще великий Ф.М. Достоевский в своем романе «Преступление и наказание» задолго до наступления периода постмодерна убедительно показал, что нравственные законы имеют характер аксиом, т.е. их не обсуждают и не доказывают. И если человек (в романе – Раскольников) пытается с помощью разума опровергнуть нравственные заповеди, неизбежно следует наказание в форме разрушения человека, его внутреннего мира.

В условиях господства эклектики и релятивизма оправдан и следующий принцип постмодерна – толерантность. <...> По мнению идеологов постмодерна, любое мнение имеет право на существование и на реализацию в конкретных действиях. Однако на практике толерантность сводится к терпимости ко греху, а значит, противостоянию добродетели. <...> В современных европейских странах за противниками нетрадиционной сексуальной ориентации закрепляется ярлык людей несовременных, с отжившими, устаревшими взглядами. <...> Получается, что толерантность – дорога с односторонним движением, ведущим в пропасть.

Говоря о постмодерне, нельзя не упомянуть о противоречивом процессе глобализации. Современный мир становится всё более универсальным. Решая глобальные проблемы современности: все-

общего потепления, истощения природных ресурсов <...>, государства вынуждены объединять свои усилия. Кроме того, информационная революция и информационные технологии современности делают мировое пространство все более тесным и взаимозависимым. Но существует обратная сторона глобализации. <...> Процесс глобализации всё более нивелирует национальную самобытность любого народа, навязывая ему чужие ценности, чаще всего – американские. Эти процессы затронули все сферы государственной жизни, в том числе и образовательную.

Вход в единое европейское образовательное пространство накладывает обязательство соответствовать европейским, а точнее – американским, стандартам. Отсюда – введение ЕГЭ, переход на подушевое финансирование, сокращение учебных часов на предметы гуманитарного цикла и т.д. Все эти нововведения не соответствуют духу традиционной образовательной системы России, которая всегда была ориентирована на воспитывающее обучение. Поэтому они способствуют разрушению национальной школы и национальной системы образования. В конечном итоге, перспектива любого национального государства в глобальном мире определяется степенью национальной идентификации, т.е. тем, насколько государство может сохранять национальные ценности. <...> В условиях постмодерна как никогда возрастает значение духовной жизни, духовно-нравственного воспитания молодежи.

<...> Подводя итог всему вышеизложенному, необходимо отметить, что современный постмодернизм как социокультурное явление означает кризис человеческой цивилизации и, прежде всего, в его мировоззренческой парадигме. Суть этого кризиса в разрыве с традицией. Следовательно, чтобы смягчить последствия кризисных явлений, а в дальнейшем – выйти с достоинством из него, необходимо возвращение к традиционным нравственным ценностям и нравственным идеалам нашего Отечества.

Дорофеева Т.В. Модернизм как социокультурное явление и духовно-нравственное воспитание молодежи / Т.В. Дорофеева // Известия ВОИПКиПРО. – Воронеж: ВОИПКиПРО, 2009. – Вып. 20. – С. 66–78.

Вопросы и задания

1. Татьяна Васильевна Дорофеева, кандидат исторических наук, одна из первых, кто в «лихие» 90-е начала заниматься вопросами возрождения православных ценностей в содержании образования на территории Воронежской области. В данной статье Татьяна Васильевна, опираясь на фундаментальные исследования известных философов и политологов, вскрывает причину наступления постмодерна. Выпишите словосочетания, наиболее четко отражающие причину создания сегодняшней социокультурной ситуации.

2. Пользуясь текстом статьи, выпишите основные характеристики постмодернизма как социокультурного явления. К чему, по вашему мнению, может привести дальнейшее развитие идей постмодерна?

3. Какова роль учителя в условиях сложившейся социокультурной ситуации? Какие задачи ставит перед учителем автор статьи? Согласны ли вы с данной позицией?

Александр Сергеевич Панарин **Постмодернизм и глобализация**

<...> Ключевое понятие постмодерна – деконструкция <...> как дискредитация целого. Все целостное, гармоничное, системное в данной картине мира выступает всего лишь как замаскированный хаос элементов <...>.

Когда философия говорила об оппозиции добра и зла, прекрасного и безобразного, истины и лжи, порядка и беспорядка, она имела в виду онтологическое неравноправие этих категорий: «благополучные» категории рассматривались как более укорененные в самой структуре мира и в конечном счете предопределенные к торжеству.

Постмодернизм исходит из прямо противоположной презумпции: если порядок, целостность, гармония изначально оказываются неоправданными конформистскими допущениями, то философии пристало больше прислушиваться к голосам и свиде-

тельствам, за которыми стоит энергия зла, беспорядка, безобразного и т.п.

<...> Дело в том, что постмодернистская деконструкция социума, которая сопутствует «демократизации» и глобализации, выглядит, и на уровне привилегированных, и на уровне непривилегированных как опыт освобождения. В первом случае речь идет о реальном отвоевании буржуазным классом особых прав у общества – прав свободно переводить капитал за рубеж, ускользать от налогов, отбросить социальные завоевания последних 100–150 лет, связанные с системой социального государства. Для такого реального буржуазного освобождения требуются реальные деконструкции. Нужно деконструировать бывшее государство, способное контролировать и призывать к ответу. Нужно деконструировать саму общественную мораль, расшатав устоявшиеся нравственные критерии и духовный опыт различения добра и зла. Нужно деконструировать культуру с ее приоритетами высшего, внеутилитарного, «постэкономического». В последнем случае деконструкция представляет собой перманентно действующую процедуру заподозривания – последовательного развенчания всего того, в чем воплощены прежние социальные идеалы и завоевания цивилизации. Теперь, после аналитических разработок постмодернистской философии, мы можем лучше оценить значение нынешних неустанных разоблачений того, в чем находило свою опору самосознание русского и советского человека. О чем бы величественно-героическом, воодушевляющем или просто морально бесспорном ни шла речь – об объединении Руси, об Отечественной войне 1812 года, о Великой Отечественной войне, как тут же подключаются мастера деконструкции и активизируют «воспоминания» о теневой стороне дела: азиатской жестокости царей-объединителей, темноте крестьянского патриотизма, бессмысленного крепостничества, палаческих заградотрядах, будто бы только и предопределивших успехи Советской армии в Сталинградской битве и т.п. А на более высоком академическом уровне действуют теории, подобные чикагскому учению, призванные скомпрометировать социально ориентированные ограничения конкуренции, социальное государство, права профсоюзов – вообще все механизмы, воплощающие цивилизованную коррекцию естественного рыночного отбора. Ясно, что подлин-

ный смысл вся эта система деконструкции обретает в свете проекта нового освобождения собственнического класса от прежних социальных и моральных ограничений, в свете его войны с цивилизацией во имя торжества социал-дарвинистского «естественного порядка».

<...> Обратимся теперь к деконструктивистскому опыту непривилегированных. Среди них стремительно растет круг людей, обнаруживающих усталость от социальной мобилизации. <...> Массовый человек, в первую очередь, разумеется, в разнеженном молодом поколении, устал – он больше не готов отзываться на героические коллективные призывы, заново затягивать пояса во имя светлого будущего, верить «великим пророкам» и «великим организаторам». На этот источник массовых «постмодернистских» настроений обратил внимание З. Бауман. Но ни З. Бауман, ни другие аналитики не выявили реальных социальных последствий «опыта постмодерна» в его массовом применении. Речь идет об опыте дезертиров социума, отказывающихся нести бремя социальной дисциплины и долга во всех его проявлениях. Эти дезертиры по-своему сотрудничают в деле деконструкции национального государства, армии, промышленности, то есть помогают глобалистам устранять преграды на пути глобализации. Они – тоже индивидуалисты, но их индивидуализм, в отличие от индивидуализма приватизаторов, носит инфантильно-беспомощный, саморазоружающийся характер. Маленькие люди из «Шинели» Гоголя – все эти достойные жалости Акакии Акакиевичи потому и превратились из объектов чужой воли в самостоятельных субъектов действия, что научились объединяться в дисциплинированные группы коллективного протеста и самозащиты. Маленький человек из низов сразу же стал превращаться в большого, когда, в форме марксизма, взял на вооружение символический капитал немецкой классической философии, помогающей сформировать устойчивую коллективную идентичность, обрести коллективную веру и долгосрочный исторический проект. Теперь эта коллективная идентичность «маленьких людей» успешно разлагается «деконструктивистами», развенчивающими все «коллективные мифы» и «метарассказы» историзма. Маленькому человеку предлагается, вместо трудного пути коллективного сопротивления легкий путь неучастия и индивидуалистического дезертирства.

<...> Совсем недавно марксизм упрекали в том, что он населил мир утопистами революционно-экстремистского толка. Постмодернизм населяет мир утопистами, вздумавшими вообще покончить с «принципом реальности», заменив его «принципом удовольствия» – в основном в сфере виртуального опыта. Эти массовые постмодернисты по-своему осваиваются в «пространстве знаков», оторванных от референта – мигрируют из реальности в сконструированные профессионалами СМИ и другими проектантами виртуального мира «текстовые системы». Вот почему новая Фемида «правового государства» оказывается вовсе подслеповатой, когда ей предстоит осудить продавцов порнографии и наркотиков, дать оценку активистам девиантного поведения, обучающим новые поколения опыту сексуальных меньшинств и другим асоциальным опытам.

Панарин А.С. Постмодернизм и глобализация: проект освобождения собственников от социальных и национальных обязательств / А.С. Панарин // Вопросы философии. – 2003. – №6. – С. 16–36.

Вопросы и задания

1. Александр Сергеевич Панарин – отечественный философ, политолог, публицист, общественный деятель, ряд фундаментальных работ посвятил проблеме общества потребления в условиях постмодерна. Автор вводит термин «деконструкция». Как вы понимаете его смысл?

2. Автор утверждает, что в период постмодерна происходит активный процесс заподозривания всего «величественно-героического, воодушевляющего или просто морально бесспорного»; попытки во всем этом найти «теневую сторону». Как это сказывается на профессионально-педагогической деятельности? Обоснуйте свой ответ.

3. Панарин говорит о «маленьком человеке» в сложившейся сегодня социокультурной ситуации. Отличается ли современный «маленький человек» от «маленьких людей» из «Шинели» Гоголя? В чем сущностное отличие? Выпишите из статьи термины и словосочетания, отражающие стратегию развития профессионально-педагогической деятельности в условиях постмодерна.

При необходимости, дополните данную стратегию недостающими реперными точками.

Глубинные изменения современного подрастающего поколения и обусловленные ими проблемы воспитания

Давид Иосифович Фельдштейн

Глубинные изменения детства и актуализация психолого-педагогических проблем развития образования

<...> Конкретные данные, полученные учеными (я опираюсь на материалы исследований, проведенных в Психологическом институте РАО, Московском городском психолого-педагогическом университете, на факультете психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, в Институте психологии РАН, Гуманитарно-художественном институте Нижегородского архитектурно-строительного университета), свидетельствуют о качественных психических, психофизиологических, личностных изменениях современного ребенка <...>.

В числе многих факторов, которые определяют глубинные изменения растущих людей, сегодня выступают, во-первых, маркетингизация, этика рынка, которые усиливают ориентацию детей на потребление, а также адаптация, отрывающая ребенка от культурных традиций общества и его истории; во-вторых, маргинализация, т.е. неравный доступ к образовательным ресурсам в мегаполисе и провинции, рост девиаций, стремление родителей ограничивать активность и самостоятельность ребенка. <...>

Перед нами ребенок 2010 года – младенец, дошкольник, младший школьник, подросток, старшеклассник, который при сохранении сущностных оснований и действенных механизмов сознания, мышления, разительно отличается не только от того «дитя», которого описывали в своих произведениях Коменский и Песталоцци, Заззо и Пиаже, Корчак и другие великие «дитяководители» прошлого, он качественно отличается даже от ребенка 1990-х годов. При этом ребенок не стал хуже или лучше своего сверстника двадцатилетней давности, он просто стал другим! <...>

В современной ситуации исторически значимых изменений общества четко, выпукло проявляются реальные изменения современного ребенка.

Во-первых, в минимально короткий пятилетний период, начиная с 2005 года, резко снизилось когнитивное развитие детей дошкольного возраста. <...>

Во-вторых, снизилась энергичность детей, их желание активно действовать. При этом возрос эмоциональный дискомфорт.

В-третьих, отмечается сужение уровня развития сюжетно-ролевой игры дошкольников, что приводит к недоразвитию эмоционально-потребностной сферы ребенка, а также его воли и произвольности.

В-четвертых, <...> четко фиксируется неразвитость внутреннего плана действия и сниженный уровень детской любознательности и воображения. <...>

В-пятых, обращает на себя внимание неразвитость тонкой моторики рук старших дошкольников <...>, что свидетельствует <...> о несформированности мозговых структур ребенка, ответственных за формирование общей произвольности. Дефицит произвольности как в умственной, так и в двигательной сфере дошкольника является одним из наиболее тревожных факторов, достоверно установленных нашими учеными.

В-шестых, отмечается недостаточная социальная компетентность 25% детей младшего школьного возраста, их беспомощность в отношении со сверстниками, неспособность разрешать простейшие конфликты. При этом прослеживается опасная тенденция, когда более 30% самостоятельных решений, предложенных детьми, имеют явно агрессивный характер.

В-седьмых, тревогу вызывают факты, связанные с приобщением детей к телеэкрану, начиная с буквально младенческого возраста. <...> В результате возникает особая потребность к экранной стимуляции, которая дает сбой в восприятии, блокируя собственную деятельность ребенка. Экранная зависимость приводит к неспособности ребенка концентрироваться на каком-либо занятии, к отсутствию интересов, гиперактивности, повышенной рассеянности. Таким детям необходима постоянная внешняя стимуляция, которую они привыкли получать с экрана, им трудно принимать слышимую информацию и читать: понимать отдель-

ные слова и короткие предложения, они не могут связывать их, в результате не понимают текста в целом. Дети теряют способность и желание чем-либо занять себя. Им уже не интересно общаться друг с другом. Они предпочитают нажать кнопку и ждать новых готовых развлечений.

В-восьмых, неблагоприятной тенденцией выступает обеднение и ограничение общения детей, в т.ч. даже детей подросткового возраста, общения со сверстниками, рост явлений одиночества, отвержения, низкий уровень коммуникативной компетентности. Материалы наших исследований показывают, что если в начале 1990-х годов многие подростки отличались чувством одиночества, но при этом их тревожность по силе проявления стояла примерно на 4-5-м местах, то в 2010 году тревожность у 12–15-летних детей вышла на 2-ое место, усугубляясь чувством брошенности, ненужности взрослому миру, опустошенности, растерянности, неверия в себя.

В-девятых, всё больше становится детей с эмоциональными проблемами, находящимися в состоянии аффективной напряженности из-за постоянного чувства незащищенности, отсутствия опоры в ближайшем окружении и поэтому беспомощности. Такие дети ранимы, повышено сензитивны к предполагаемой обиде, обостренно реагируют на отношение к ним окружающих. Всё это, а также то, что они запоминают преимущественно негативные события, ведет к накоплению отрицательного эмоционального опыта, который постоянно увеличивается по закону «замкнутого психологического круга» и находит свое выражение в относительно устойчивом переживании тревожности.

В-десятых, <...> у детей подросткового возраста происходят регрессивные изменения в мозговом обеспечении познавательной деятельности, а обусловленная гормональным процессом повышенная активность подкорковых структур приводит к ухудшению механизмов произвольного регулирования. Ухудшаются возможности избирательного внимания, снижается возможность избирательной оценки значимости информации, уменьшается объем рабочей памяти. Образуется несоответствие механизмов мозгового обеспечения когнитивных процессов и самосознания подростком своей взрослости и независимости.

В-одиннадцатых, наблюдения в динамике за физическим развитием детей выявили тенденцию к регрессивному снижению

темпов их продольного роста, нарастанию астенизации телосложения, отставанию в приросте мышечной массы.

В-двенадцатых, в популяции современных растущих людей большую группу составляют дети, для которых характерно неблагоприятное, проблемное течение развития в онтогенезе. <...> Резко возрастает, а в некоторых регионах даже начинает количественно преобладать такая категория детей, которую по нейропсихологическим показателям следует считать «пограничной между нормой и патологией». <...>

В-тринадцатых, имеется значительное число детей с ограниченными возможностями здоровья, где общее психическое недоразвитие (олигофрения) отмечается у 22,5%, задержка психического развития – у 19,8%, а дисгармоническое развитие (психопатии) отмечается у 26,5%.

В-четырнадцатых, в то же время постоянно увеличивающаяся (что вселяет оптимизм) составляет категория одаренных детей, среди них – и дети с особо развитым мышлением, и дети, способные влиять на других людей, лидеры, и дети – «золотые руки», и дети, представляющие мир в образах, – художественно-одаренные дети, и дети, обладающие двигательным талантом.

В-пятнадцатых, знаменательно, что на передний план у современных детей подросткового возраста выходят не развлечения, а свой, особый поиск смысла жизни, возрастает их критичность по отношению к взрослым, т.е. фиксируются новые характеристики в их социальном развитии. <...>

В-шестнадцатых, отмечаются серьезные изменения ценностных ориентаций детей, подростков, юношества, не только по сравнению с серединой 1990-х годов, но и даже с началом XXI столетия. Так, за последние три года (начиная с 2007 г.) на первый план выдвигаются интеллектуальные (1-е место), волевые (2-е место) и соматические (3-е место) ценностные ориентации. Образованность, настойчивость, решительность, ориентация на высокий уровень достижений, а также хорошее здоровье, презентабельная внешность становятся особенно значимыми качествами для подростков и юношества. Но при этом весьма тревожно, что эмоциональные и нравственные ценности – чуткость, терпимость, умение сопереживать – занимают последние места в иерархии ценностей. Наблюдается негативная динамика культурных и общественных ценностей у современных старших школьников. <...>

Буквально на наших глазах произошел сдвиг возрастных границ детства, связанный с процессом ретардации. Взрослые не могут игнорировать тот факт, что нынешние дети позднее проходят через два ростовых скачка, или два кризисных периода развития. Так, первый скачок, <...> судя по имеющимся сейчас достоверным данным, приходится не на старший дошкольный возраст – 6–6,5 лет, как 30 лет назад, а на 7–8 лет, т.е. на младший школьный возраст. Отсюда следует, что в 1-м, и, возможно, даже во 2-м классах школы учебный материал необходимо подавать ученикам в игровой форме. В то же время у ретардированных детей <...> неостребованность интеллекта приводит не только к задержке общего интеллектуального развития, но и к интеллектуальной депривации, или умственному голоду – состоянию, которое, в свою очередь, обуславливает склонность к делинквентному, отклоняющемуся поведению, наркомании, увлечению компьютерными играми и другим патологическим зависимостям. Второй скачок <...>, связанный с процессом полового созревания, также отодвинулся с 5–6-го на 8–9-е классы для девочек и 9–10-е для мальчиков.

<...> Особую значимость сегодня приобретает задача установления ориентиров, направления личностного развития растущих людей, которая никогда не стояла так остро, как в наши дни, когда, с одной стороны, взрослый мир стал значительно меньше прессинговать растущего человека, с другой – серьезно нивелировалось значение для ребенка, подростка проблемы будущего. В данном случае *возрастает важность раскрытия закономерностей не только когнитивного, социального, но и духовного развития детей, их переживаний, стремлений, сомнений.* <...>

Фельдштейн Д.И. Глубинные изменения детства и актуализация психолого-педагогических проблем развития образования / Д.И. Фельдштейн. – СПб.: СПбГУП, 2011.

Вопросы и задания

1. Перечислите, какие глубинные изменения зафиксированы у дошкольников, младших школьников и подростков? На основании чьих данных автором сделаны эти выводы?

2. Каковы изменения в ценностных ориентациях детей и подростков? Может ли учебный предмет «Основы религиозных

культур и светской этики» способствовать урегулированию ценностных изменений у младших школьников?

3. Академик Д.И. Фельдштейн подчеркивает важность раскрытия закономерностей не только когнитивного и социального, но и духовного развития человека. С работами каких философов, психологов, педагогов, занимающихся вопросами духовного развития, вы знакомы? С чьими трудами вы планируете познакомиться?

Андрей Александрович Остапенко

Воспитание небытием или воспитание подлинностью?

Сегодня в условиях отсутствия ясных мировоззренческих воспитательных ориентиров роль управленца в образовании (директора школы, зама по воспитанию, педагога-организатора и др.) стала сводиться к роли менеджера, модератора или аниматора (ах, какие модные словечки!). Это привело к практике, которую мы называем «воспитание небытием».

Воспитание небытием

Раньше, формулируя цель воспитания, мы чаще всего слышали от учителей и родителей фразу: «Хочу, чтобы наши дети **были...**». Далее следовали разные высокие слова: «людьми», «личностями», «всесторонне развитыми», «достойными» и т.д. и т.п. Сегодня всё чаще слышен противоположный оборот: «Хочу, чтобы наши дети **не были...**». А далее: «наркоманами», «алкоголиками», «бомжами», «проститутками», «лузерами» и т.д. Разницу между «**были**» и «**не были**» чувствуете? Вот оно «воспитание небытием», которое чаще всего сводится не к возвращению добродетелей, а к профилактике пороков.

Причины понятны – разгул СМИ, имущественное расслоение, переходящая в беспредел свобода, всеобщий разврат на фоне рыночных интересов. И каждому нормальному (а это уже экзотика!) родителю хочется уберечь своё чадо от этого набора пороков. И он занят тем, чтобы его ребёнок **не стал** таким. А сил и времени на то, чтобы он **стал** кем-либо, уже не хватает. И воспитание (там, где им ещё хоть как-то занимаются) превращается в

воспитание **небытия** (чтоб **не стал**, чтоб **не был**) и в воспитание **небытием** (профилактика пороков на примерах). Но... ведь совершенно очевидно, что даже если такая практика воспитания будет реализована в полной мере и наши дети **не будут (не станут)** наркоманами, алкоголиками и бомжами, это вовсе не даёт никаких оснований, что они кем-то **будут (станут)**. Отсутствие пороков – вовсе не гарантия появления добродетелей. Профилактика гадостей автоматически не возвращает доброе, чистое, светлое и возвышенное. Отсутствие мерзости вовсе не гарантирует появление красоты.

Вращивание красоты и добродетели – это отдельный процесс, мало связанный с профилактикой мерзостей. Беда остатков нашего воспитания состоит в том, что оно почти полностью утратило глагол «**БЫТЬ**» и сводится к профилактике пороков как проявлений зла, которое, как известно, есть проявленное через человеческую волю «**НЕБЫТИЕ**». Волевая профилактика порока неизбежно множит зло, ибо оно само всегда персоналистично. Оно всегда есть воля. Оно реалистично в действительности. Забывается святоотеческая мудрость о том, что именно зло есть **небытие**, лишённость, отсутствие.

И если из воспитательной практики окончательно уйдёт **бытийная** мечта «Я хочу **быть!**», то ничего и **не будет**, ничего и не появится – ни личности, ни Человека с большой буквы, ни Человека как Образа Божия. А в лучшем случае появится стерильно никакой средний (в результате среднего, усреднённого, среднее не куда, образования) человек – не алкоголик, не наркоман, не бомж, но и не личность, не индивидуальность, не мудрец и не мыслитель. Этому результату есть имя – обыватель! Такому процессу воспитания есть название – тщета! А обывательство и тщетность, лишённость и бесцельность – личины **НЕБЫТИЯ!**

У человека, занимающегося воспитанием, должно быть ясное мировоззрение, ясные цели и ясные принципы его педагогической деятельности. Другими словами, должно быть **ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ КРЕДО**, ибо времена меняются, а мысли о вечном и подлинном остаются неизменными.

Организовывая много лет воспитательную работу в школе, нам удалось выстроить ясные для нас аксиомы и принципы вос-

питания в современных реалиях. Мы их никому не навязываем, а лишь предлагаем. А вдруг они будут вам созвучны.

<...>

Наши педагогические аксиомы воспитательной работы

Образование, которое, как известно, состоит из процессов *становления ума (учение, обучение)* и *становления нрава (воспитание)* требует некоторых **целевых ориентиров**, путь к которым или достижение которых и будет **образовательным результатом**.

Если в части становления ума государство, ученые, общественность широко и много обсуждают вопросы государственного образовательного минимума, государственного образовательного стандарта, и вокруг этого идут дебаты и «ломаются копья», то в части становления нрава такие ориентиры почти не вырисовываются. А коль нет хотя бы смутного образа, проекта воспитательного результата (а многие утверждают, что во времена демократии и плюрализма его-то и быть не должно), то вектор движения либо неясен, либо он просто отсутствует. Сегодня мы не «формируем всесторонне и гармонично развитую личность», сегодня мы в лучшем случае кого-то к чему-то «адаптируем» или делаем «толерантным», в худшем – пускаем на самотёк по волнам социальных реалий. Идеалы недавнего прошлого объявлены идолами, а новые либо не предложены, либо уродливы. И эта пустота заполняется «житейскими ценностями», которые несут электронные средства массовой информации, вещающие в нашем отечестве десятилетиями десятками часов голливудские боевики, латиноамериканские сериалы, заморские мульт-страшилки вперемешку с сюжетами о бесполох телепузиках да доморощенные шоу с говорящими названиями типа «Как стать миллионером?», «Слабое звено», «Последний герой». Вот, собственно, весь набор ценностных ориентаций. Среди таких «сосен» «куды податься бедному» заму по воспитательной работе? А выхода два: либо подпевать СМИ и быть «как все», либо идти против течения и быть «белой вороной», а вокруг себя создавать «стаю» таких же ворон и их «гнездо». Второй путь, на наш взгляд, честнее, но труднее. О нём и будем вести речь далее. А для этого сформулируем наши основные *педагогические аксиомы воспитательной работы*. Может быть, кому-то они могут показаться спорными, но для нас они очевидны, а поэтому действенны.

1. Целенаправленная деятельность есть условие наполненности жизни *событийностью*, бесцельная деятельность есть *источник суеты или скуки*.

2. Принятая душой и/или самостоятельно сформулированная цель (мечта, план) является обязательным условием стремления к её достижению, в то время как навязанная цель освобождает от ответственности за её достижение.

3. Возможности нравственного становления разных людей, разных коллективов различны и неравны, поэтому справедливыми являются разные отношения к разным людям, к разным коллективам. «Нельзя со всеми обращаться одинаковым образом, так же как врачам нельзя всех больных лечить одним способом, а кормчему знать лишь одно средство для борьбы с ветрами» (свт. Иоанн Златоуст).

4. Неодинаковость, неравенство возможностей исключает обязательное соперничество (конкурентность), которое является источником страстей и не способствует нравственному становлению как отдельного человека, так и коллектива. Добровольность участия воспитанника или группы в том или ином событии исключает или в максимальной степени снижает риск ухудшения отношений в коллективе школы, так как возможный неуспех не является в таком случае объектом оценки. При этом любой общественно значимый успех должен быть замечен, положительно оценён, отмечен и признан школьным сообществом.

5. Нравственное становление человека происходит в условиях даяния (а не потребления) другому, в условиях «доминанты на другого» (А.А. Ухтомский). Следовательно, «ведущим видом деятельности» воспитанника, дающей нравственный рост, является забота о другом. <...>

Остапенко А.А. Воспитание небытием или воспитание подлинностью? / А.А. Остапенко // Известия Воронежского государственного педагогического университета. – 2014. – №2 (263). – Серия «Педагогические науки». – С. 52–54.

Вопросы и задания

1. «Воспитание небытием» и «воспитание подлинностью»: какая из этих позиций способствует становлению целостного человека? Истинного гражданина и патриота своего отечества? Хорошего семьянина?

2. Опираясь на учебно-методический комплект по основам православной культуры для 4 класса, проиллюстрируйте тремя-пятью примерами пути «воспитания подлинностью».

3. Подумайте, как соотносятся между собой «свобода внешняя/свобода внутренняя» (прот. Василий Попов)¹⁷ и «воспитание небытием/воспитание подлинностью» (А. Остапенко)?

Алексей Васильевич Кольцов Человек (Дума)

Все творенья в Божьем мире
Так прекрасны, хороши!
Но прекрасней человека
Ничего нет на землѣ!

Даст желаньям ли свободу –
Землю кровью напоит;
Буйной воле даст ли волю –
Под ним море закипит.

То себя он ненавидит;
То собою дорожит;
То полюбит, то разлюбит;
За миг жизни век дрожит...

Но изменятся стремленья.
Озарится светом ум –
И своей он красотою
Всё на свете помрачит...

1836

Вопросы и задания

1. Алексей Васильевич Кольцов – «визитная карточка» Воронежа. Одна из центральных улиц города, красивейший сквер названы в честь поэта, прожившего чуть более тридцати лет. «Думу о человеке» он написал, когда ему было 27 лет. Какая проблема поднята автором в стихотворении?

2. Как вы считаете, актуальна ли она сегодня среди 20–30-летних?

¹⁷ См.: Основы духовной культуры : учебное пособие. – Тема 4, разд. «Свобода человека и смысл воспитания».

Материалы к теме 5
ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК
КАК ОТРАЖЕНИЕ ДУХОВНЫХ ОСНОВ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Михаил Васильевич Ломоносов
Предисловие о пользе книг церковных
в российском языке

В древние времена, когда славенский народ не знал употребления письменно изображать свои мысли, которые тогда были тесно ограничены для неведения многих вещей и действий, ученым народам известных, тогда и язык его не мог изобиловать таким множеством речений и выражений разума, как ныне читаем. Сие богатство больше всего приобретено купно с греческим христианским законом, когда церковные книги переведены с греческого языка на славенский для славословия Божия.

<...> Немецкий язык по то время был убог, прост и бессилен, пока в служении употреблялся язык латинский. Но как немецкий народ стал священные книги читать и службу слушать на своем языке, тогда богатство его умножилось и произошли искусные писатели. Напротив того, в католицких областях, где только одну латынь, и то варварскую в служении употребляют, подобного успеха в чистоте немецкого языка не находим.

Как материи, которые словом человеческим изображаются, различествуют по мере разной своей важности, так и российский язык через употребление книг церковных по приличности имеет разные степени: высокий, посредственный и низкий. Сие происходит от трех родов речений российского языка.

К первому причитаются, которые у древних славян и ныне у россиян, общеупотребительны, например: Бог, слава, рука, ныне, почитаю.

Ко второму принадлежат, кои хотя обще употребляются мало, а особливо в разговорах, однако всем грамотным людям вразумительны, например: отверзаю, Господень, насажденный, зываю. <...>

К третьему роду относятся, которых нет в остатках словенского языка, то есть в церковных книгах, например: говорю, ручей, который, пока, лишь. Выключаются отсюда презренные слова, которых ни в каком штиле употребить непристойно, как только в подлых комедиях.

От рассудительного употребления и разбору сих трех родов речений, рождаются три штиля: высокий, посредственный и низкий.

Первый составляется из речений славенороссийских, то есть употребительных в обоих наречиях, и из славенских, россиянам вразумительных и не весьма обветшалых. Сим штилем составляться должны героические поэмы, оды, прозаичные речи о важных материях, которым они от обыкновенной простоты к важному великолепию возвышаются. Сим штилем преимуществует российский язык перед многими нынешними европейскими, пользуясь языком славенским из книг церковных.

Средний штиль состоять должен из речений, больше в русском языке употребительных, куда можно принять некоторые речения славенские, в высоком штиле употребительные, однако с великою осторожностью, чтобы слог не казался надутым. Равным образом употребить в нем можно низкие слова, однако остерегаться, чтобы не опуститься в подлость. И, словом, в сем штиле должно наблюдать всевозможную равность, которая особливо тем теряется, когда речение славенское положено будет подле русского простонародного. Сим штилем писать все театральные сочинения, в которых требуется обыкновенное человеческое слово к живому представлению действия. Однако может и первого рода штиль иметь в них место, где потребно изобразить героизм и высокие мысли; в нежностях должно от того удаляться. Стихотворные дружеские письма, сатиры, эклоги и элегии сего штиля больше должны держаться. В прозе предлагать им пристойно описания дел достопамятных и учений благородных.

Низкий штиль принимает речения третьего рода, то есть которых нет в славенском диалекте, смешивая со средними, а от славенских вообще не употребительных вовсе удаляться по непристойности материй, каковы суть комедии, увеселительные эпиграммы, песни, в прозе дружеские письма, описание обыкновенных дел. Простонародные низкие слова могут иметь в них место по рассмотрению. Но всего сего подробное показание надлежит до нарочного наставления о чистоте русского штиля.

Сколько в высокой поэзии служат одним речением славенским сокращенные мысли, как причастиями и деепричастиями, в обыкновенном российском языке неупотребительными, то всяк чувствовать может, кто в сочинении стихов испытал свои силы.

Сия польза наша, что мы приобрели от книг церковных богатство к сильному изображению идей важных и высоких, хотя велика, однако ещё находим другие выгоды, каковых лишены многие языки, и сие, во-первых, по месту.

Народ российский, по великому пространству обитающий, невзирая на дальнее расстояние, говорит повсюду вразумительным друг другу языком в городах и в селах. <...>

Подтверждается вышеупомянутое наше преимущество живущими за Дунаем народами славенского поколения, которые греческого исповедания держатся, ибо хотя разделены от нас иноплеменными языками, однако для употребления славенских книг церковных говорят языком, россиянам довольно вразумительным, который весьма много с нашим наречием сходнее, нежели польский, невзирая на безразрывную нашу с Польшею пограничность.

По времени ж рассуждая, видим, что российский язык от владения Владимирова до нынешнего веку, больше семисот лет, не столько отменился, чтобы старого разуместь не можно было: не так, как многие народы, не учась, не разумеют языка, которым предки их за четыреста лет писали, ради великой его перемены, случившейся через то время.

Рассудив таковую пользу от книг церковных славенских в российском языке, всем любителям отечественного слова беспристрастно объявляю и дружелюбно советую, уверяясь собственным своим искусством, дабы с прилежанием читали все церковные книги, от чего к общей и к собственной пользе воспоследует:

1. По важности освященного места Церкви Божией и для древности чувствуем в себе к славенскому языку некоторое особенное почитание, чем великолепные сочинитель мысли сугубо возвысит.

2. Будет всяк уметь разбирать высокие слова от подлых и употреблять их в приличных местах по достоинству предлагаемой материи, наблюдая равенность слога.

3. Таким старательным и осторожным употреблением сродного нам коренного славенского языка купно с российским от-

вратятся дикие и странные слова нелепости, входящие к нам из чужих языков, заимствующих себе красоту из греческого, и то еще чрез латинский. *Оные неприличности ныне небрежением чтения книг церковных вкрадываются к нам нечувствительно, искажают собственную красоту нашего языка, подвергают его всегдашней перемене и к упадку преклоняют.* Сие все показанным способом пресечется, и российский язык в полной силе, красоте и богатстве переменам и упадку не подвержен утвердится, коль долго Церковь Российская славословием Божиим на славенском языке украшаться будет. <...>

Ломоносов М.В. Предисловие о пользе книг церковных в российском языке / М.В. Ломоносов // Полное собрание сочинений : в 11 т. Т. 7. Труды по филологии 1739–1758 гг. – М.; Л.: Издательство АН СССР, 1952. – С. 585–594.

Вопросы и задания

1. В чем автор видит необходимость сохранения церковно-славянского языка? Подтвердите это цитатами из текста.
2. Ломоносов выделяет «три рода речения российского языка», три стиля. Раскройте суть каждого.
3. Что, по вашему мнению, является источником богатства языка, рождения и роста творчества человека?
4. В 20-х годах XX века произошла реформа языка. «Высокий штиль» был упразднен. Его место занял средний штиль, место среднего – низкий. А чем сегодня заполнено место низкого штиля? Как это отражается на педагогическом общении?
5. Вообразите, что «высокий штиль» возвратился. Как бы мог измениться современный язык? Приведите не менее трех примеров.

Николай Васильевич Гоголь
О том, что такое слово
(Избранные места статьи. 1844 г.)

Чем истины выше, тем нужно быть осторожнее с ними; иначе они вдруг обратятся в общие места, а общим местам уже не верят. Не столько зла произвели сами безбожники, сколько произвели зла лицемерные или даже просто неприготовленные проповедатели Бога, дерзавшие произносить имя Его неосвященными устами. Обращаться с словом нужно честно. Оно есть высший подарок Бога человеку. <...>

Слово гнило да не исходит из уст ваших! Если это следует применить ко всем нам без изъятия, то во сколько крат более оно должно быть применено к тем, у которых поприще – слово и которым определено говорить о прекрасном и возвышенном. Беда, если о предметах святых и возвышенных станет раздаваться гнилое слово; пусть уже лучше раздается гнилое слово о гнилых предметах. Все великие воспитатели людей налагали долгое молчание именно на тех, которые владели даром слова, именно в те поры и в то время, когда больше всего им хотелось пощеголять словом и рвалась душа сказать даже много полезно людям. Они слышали, как можно опозорить то, что стремишься возвысить, и как на всяком шагу язык наш есть наш предатель. «Наложи дверь и замки на уста твои, – говорит Иисус Сирах, – растопи золото и серебро, какое имеешь, дабы сделать из них весы, которые бы взвешивали твое слово, и выковать надежную узду, которая бы держала твои уста».

*Гоголь Н.В. Собрание сочинений : в 8 т. – М.: Правда, 1984. – Т.7.
С. 194–198.*

Вопросы и задания

1. Каким словом должен обладать тот, кому «определено говорить о прекрасном и возвышенном»?

2. Понаблюдайте за речью современных педагогов (и будущих учителей). Зафиксируйте слова, которые вы хотели бы удалить из услышанного. Почему?

3. Повезло ли вам встретить в жизни человека, обладающего способностью «глаголом жечь сердца людей», могущего силой слова «одолеть фантом зла нашего времени»? Расскажите об этом человеке.

Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий)
Язык – огонь
(отрывок из проповеди 15.04.45.)

Надо вам знать, что сила человеческого слова огромна. Ни одно слово, исходящее из уст человеческих, не теряется в пространстве бесследно. Оно всегда оставляет глубокий, неизгладимый след, оно живет среди нас и действует на сердца наши, ибо в слове содержится великая духовная энергия – или энергия любви и добра, или, напротив, богопротивная энергия зла. А энергия никогда не пропадает. Это знают все физики относительно энергии материальной, которая во всех видах своих никогда не теряется.

Энергия духовная тоже никогда не исчезает бесследно, она распространяется повсюду, она действует на всех. Устами нечестивых разрушается град потому, что злая энергия безудержного языка их, нечестивого и богохульного, проникает в сердца окружающих людей, заражает воздух духовный так, как воздух материальный заражается всякими миазмами.

Если миазмы порождают в нас болезни телесные, то миазмы злой энергии духовной отравляют наши сердца, наши умы, всю нашу духовную жизнь. Жизнь целого народа бывает отравлена этой злой духовной энергией, а если отравлены сердца и умы человеческие этими духовными миазмами, если вселилась в них нечистота, богохульные мысли – клевета, осуждение и все то, что так угодно дьяволу и слугам его, то этой нечистотой духовной наполняется вся духовная жизнь народа. А материальное благосостояние народа всегда тесно связано со здоровым и чистым состоянием души и сердца народа.

Полный вариант статьи см. Воскресная школа. – 2000. – № 19. – С. 3.

Вопросы и задания

1. Понаблюдайте за говорящими людьми (компания однокурсников, общественный транспорт, передачи на радио, ТВ и проч.). Запишите в один столбик услышанные слова, несущие в себе целебную силу добра, любви и вдохновения; а в другой – слова, лишенные всего этого. Каких слов больше?

2. Какие чувства преобладают у людей в современном обществе? Есть ли связь между тем, какие слова преобладают в обществе, и его состоянием? Наблюдаете ли вы эту связь в своей жизни?

3. С каким словарным запасом чаще всего приходят сегодня дети из семьи в школу? Достаточно ли потенциала у современной школы для его пополнения?

Дмитрий Сергеевич Лихачев

Письмо девятнадцатое

Как говорить?

Неряшливость в одежде – это прежде всего неуважение к окружающим вас людям, да и неуважение к самому себе. Дело не в том, чтобы быть одетым щегольски. В щегольской одежде есть, может быть, преувеличенное представление о собственной элегантности, и по большей части щеголь стоит на грани смешного. Надо быть одетым чисто и опрятно, в том стиле, который больше всего вам идет и в зависимости от возраста. Спортивная одежда не сделает старика спортсменом, если он не занимается спортом. «Профессорская» шляпа и черный строгий костюм невозможны на пляже или в лесу за сбором грибов.

А как расценивать отношение к языку, которым мы говорим? Язык в еще большей мере, чем одежда, свидетельствует о вкусе человека, о его отношении к окружающему миру, к самому себе.

Есть разного рода неряшливости в языке человека.

Если человек родился и живет вдали от города и говорит на своем диалекте, в этом никакой неряшливости нет. Не знаю, как другим, но мне эти местные диалекты, если они строго выдержаны, нравятся. Нравятся их напевность, нравятся местные слова, местные выражения. Диалекты часто бывают неиссякаемым ис-

точником обогащения русского литературного языка. Как-то в беседе со мной писатель Федор Александрович Абрамов сказал: «С Русского Севера вывозили гранит для строительства Петербурга и вывозили слово – слово в каменных блоках былин, причитаний, лирических песен... «Исправить» язык былин – перевести его на нормы русского литературного языка – это попросту испортить былины».

Иное дело, если человек долго живет в городе, знает нормы литературного языка, а сохраняет формы и слова своей деревни. Это может быть оттого, что он считает их красивыми и гордится ими. Это меня не коробит. Пусть он и окает и сохраняет свою привычную напевность. В этом я вижу гордость за свою родину – свое село. Это не плохо, и человека это не унижает. Это так же красиво, как забытая сейчас косоворотка, но только на человеке, который ее носил с детства, привык к ней. Если же он надел ее, чтобы покрасоваться в ней, показать, что он «истинно деревенский», то это и смешно и цинично: «Глядите, каков я: плевать я хотел на то, что живу в городе. Хочу быть непохожим на всех вас!».

Бравирование грубостью в языке, как и бравирование грубостью в манерах, неряшеством в одежде, – распространеннейшее явление, и оно в основном свидетельствует о психологической незащищенности человека, о его слабости, а вовсе не о силе. Говорящий стремится грубой шуткой, резким выражением, иронией, циничностью подавить в себе чувство страха, боязни, иногда просто опасения. Грубыми прозвищами учителей именно слабые волей ученики хотят показать, что они их не боятся. Это происходит полусознательно. Я уж не говорю о том, что это признак невоспитанности, неинтеллигентности, а иногда и жестокости. Но та же самая подоплека лежит в основе любых грубых, циничных, бесшабашно иронических выражений по отношению к тем явлениям повседневной жизни, которые чем-либо травмируют говорящего. Этим грубо говорящие люди как бы хотят показать, что они выше тех явлений, которых на самом деле они боятся. В основе любых жаргонных, циничных выражений и ругани лежит слабость. «Плюющиеся словами» люди потому и демонстрируют свое презрение к травмирующим их явлениям в жизни, что они их беспокоят, мучат, волнуют, что они чувствуют себя слабыми, не защищенными против них.

По-настоящему сильный и здоровый, уравновешенный человек не будет без нужды говорить громко, не будет ругаться и употреблять жаргонных слов. Ведь он уверен, что его слово и так весомо¹⁸.

Наш язык – это важнейшая часть нашего общего поведения в жизни. И по тому, как человек говорит, мы сразу и легко можем судить о том, с кем мы имеем дело: мы можем определить степень интеллигентности человека, степень его психологической уравновешенности, степень его возможной «закомплексованности» (есть такое печальное явление в психологии некоторых слабых людей, но объяснять его сейчас я не имею возможности – это большой и особый вопрос).

Учиться хорошей, спокойной, интеллигентной речи надо долго и внимательно – прислушиваясь, запоминая, замечая, читая и изучая. Но хоть и трудно – это надо, надо. Наша речь – важнейшая часть не только нашего поведения (как я уже сказал), но и нашей личности, наших души, ума, нашей способности не поддаваться влияниям среды, если она «затягивает».

Лихачев Д.С. Мысли о жизни. Письма о добром / Д.С. Лихачев. – М.: КоЛибри, 2014. – С. 474–476.

Из интервью с Д.С. Лихачевым (Извлечения)

Д. Шеваров, журналист: Сколько слов было о защите культуры – водопад! Инфляция слова, забалтывание высоких понятий – это же не менее пагубно для души и русского языка, чем партийная цензура. И результат тот же – немота. Тогда сказать было нельзя, а сейчас – нечего. Мне кажется даже, что люди в автобусе не общаются, а мычат друг на друга.

Д.С. Лихачев: Мы страна без обращения к другому. Вот что я слышал от одного эмигранта, приехавшего в Россию: «Вы знаете, что у вас заменило обращение к другому человеку? Слово «ну». Всегда к нам обращается экскурсовод и говорит: «Ну, пой-

¹⁸ С вопросом о психологии языковой грубости вы можете ознакомиться в моей работе «Арготические слова профессиональной речи» - в кн.: Развитие грамматики и лексики современного русского языка. – М., 1964. – С. 311–359.

дем...», «Ну, сейчас будем обедать...» Постоянное «ну», привычка обращаться с понуканием вошла в язык. Помню, как в 37-м году, когда начались массовые аресты в Петербурге, вдруг я услышал, что на почте мне говорят «гражданин», милиционер говорит «гражданин», кондуктор в трамвае говорит «граждане», а говорили всегда «товарищ». А случилось то, что каждый человек был подозреваем. Как же сказать «товарищ» – а может быть, он шпион в пользу какой-нибудь Исландии?

<...> Страна без уважения к другой личности. Какие отношения вообще возникают с детства, со школы, если девочки начинают матюкаться? <...> Если бесстыдство быта переходит в язык, то бесстыдство языка создает ту среду, в которой бесстыдство уже привычное дело. Существует природа. Природа не терпит бесстыдства.

<...> То бесправие, в котором русский народ жил почти целый век, оно людей унижало. Сейчас кому-то кажется, что вседозволенность – кратчайший путь из унижительного положения. Но это самообман. Тот, кто чувствует себя свободным, не будет отвечать матом...

Д. Шеваров: А Вам приходилось прибегать к «ненормативной» лексике в каких-то крайних ситуациях?

Д.С. Лихачев: Нет, не приходилось.

Д. Шеваров: Даже в лагере?

Д.С. Лихачев: Даже там. Я просто не мог материться. Если бы я даже решил про себя, ничего бы не вышло. На Соловках я встретил коллекционера Николая Николаевича Виноградова. Он попал по уголовному делу на Соловки и вскоре стал своим человеком у начальства. И все потому, что он ругался матом. За это многое прощалось. Расстреливали чаще всего тех, кто не ругался. Они были «чужие». Интеллигентного, доброго Георгия Михайловича Осоргина островное начальство собиралось расстрелять и уже заключило в карцер, когда по разрешению более высокого начальства к Осоргину приехала на свидание жена, княжна Голицына. Осоргина выпустили под честное слово офицера с условием, что он ничего не скажет жене о готовящейся ему участи. И он ничего ей не сказал. Я тоже оказался чужим.

<...> Ломали волю, делили на «своих» и «чужих». Вот тогда и мат пускался в ход. Когда человек матерился – это свой. Если

он не матерился, от него можно было ожидать, что он будет сопротивляться. Поэтому Виноградову и удалось стать своим – он матерился, и когда его освободили, стал директором музея на Соловках.

Д. Шеваров: Еще сто лет назад в словаре русского языка было 287 слов, начинающихся с «благо». Почти все эти слова исчезли из нашей речи, а те, что остались, обрели более приземленный смысл. К примеру, слово «благонадежный» означало «исполненный надежды», «ободрившийся»...

Д.С. Лихачев: Слова исчезли вместе с явлениями. Часто ли мы слышим «милосердие», «доброжелательность»? Этого нет в жизни, поэтому нет и в языке. Или вот «порядочность», «любезность».

<...> До сих пор остается бедой русского языка то, что отменили преподавание церковнославянского языка. <...> Это другое совершенно высокое эмоциональное окружение. Исключение из школьного образования церковнославянского и нашествие матерщины – это симметричные явления. Общая деградация нас как нации сказалась на языке прежде всего. Без умения обратиться друг к другу мы теряем себя как народ. Как жить без умения назвать? Недаром в книге Бытия Бог, создав животных, привел их к Адаму, чтобы тот дал им имена. Без этих имен человек бы не отличил коровы от козы. Когда Адам дал им имена, он их заметил. Вообще заметить какое-нибудь явление – это дать ему имя, создать термин, поэтому в средние века наука занималась главным образом называнием, созданием терминологии. Это был целый такой период – схоластический. Называние уже было познанием. Когда открывали остров, ему давали название, и только тогда это было географическим открытием. Без называния открытия не было.

<...> Очень важно читать детям вслух. Чтобы учитель пришел на урок и сказал: «Сегодня мы будем читать «Войну и мир». Не разбирать, а читать с комментариями. Так читал нам в школе Лентовской наш учитель словесности Леонид Владимирович Георг. Чаще всего это происходило на тех уроках, которые он давал вместо своих заболевших коллег-педагогов. Он читал нам не только «Войну и мир», но и пьесы Чехова, рассказы Мопассана. Показывал нам, как интересно учить французский язык, рылся при нас в словарях, подыскивая наиболее выразительный перевод. После таких уроков я одно лето занимался только французским.

Самое печальное, когда люди читают и незнакомые слова их не интересуют, они пропускают их, следят только за движением интриги, за сюжетом, но не читают вглубь. Надо учиться не скоростному, а медленному чтению. Пропагандистом медленного чтения был академик Щерба. Мы с ним за год успевали прочесть только несколько строк из «Медного всадника». Каждое слово представлялось нам, как остров, который нам надо было открыть и описать со всех сторон. У Щербы я научился ценить наслаждение от медленного чтения.

Стихи же вообще нельзя прочитать с первого раза. Сперва нужно уловить музыку стиха, затем уже читать с этой музыкой – про себя или вслух.

Из интервью Д. Шеварова с Д.С. Лихачевым // Комсомольская правда. – 5 марта. – 1996.

Вопросы и задания

1. Академик Д.С. Лихачев утверждает, что «исключение из школьного образования церковнославянского языка и нашествие матерщины – симметричные явления». Как вы это понимаете?

2. В интервью Дмитрий Сергеевич относит сквернословие к бесстыдным явлениям. В чем, по вашему мнению, выражается «отсутствие стыда» у человека, используемого нецензурные выражения?

3. Нередко современный человек может экспрессивно сказать о прочитанной книге или просмотренном фильме «фу, отстой», но не в силах объяснить человеческим языком, без ругани и экспрессии, почему ему не понравилось. Согласны ли вы с тем, что талантливый человек, пристрастившись к подобным выражениям, а также к «междоветному» мату, неизбежно теряет былые навыки полноценной речи?

4. «Неряшливость в языке человека»: как вы понимаете это выражение? Как связана культура чувств человека с культурой его речи?

5. В современной школе одним из показателей успешности ученика является скорость чтения. Насколько это оправдано по отношению к становлению личности ученика, развитию его внутренней культуры?

Слово спасения
(Из воспоминаний в прошлом бойца спецназа ВДВ,
а сегодня священника Русской Православной Церкви
Николая Кравченко)

В январе 1994 года группа разведки нашего спецназа ВДВ, уходя от преследования отрядов чеченских сепаратистов, укрылась в полуразрушенном здании Госуниверситета Чечни, что недалеко от знаменитой площади Минутка. Здесь же на одном из этажей спецназовцы обнаружили бойцов нашей пехоты – это были пацаны «срочники» с капитаном во главе.

Объединившись и заняв в здании круговую оборону, наши ребята вступили в тяжелый бой. Была надежда, что соседи услышат звуки боя и придут на выручку. Со своей неразлучной СВД лейтенант Кравченко делал все, что могло зависеть от отличного снайпера. И хотя эту работу он делал весьма успешно, ситуация неумолимо ухудшалась. Огонь и натиск «духов» нарастали, а наши возможности таяли...

«Через сутки стало понятно: подмоги не будет. Патроны практически у всех уже закончились, и нас все сильнее стало охватывать чувство обреченности, предчувствия неминуемой страшной развязки. И вот тогда я, наверное, впервые в жизни так явно, напрямую, взмолился к Богу: *«Господи, сделай так, чтобы мы сумели вырваться живыми из этого ада! Если останусь жив – построю Тебе храм!»*».

Тут же пришла мысль: надо решаться на прорыв, и как можно скорее. Мы, офицеры, хорошо понимали, что эта отчаянная попытка вырваться безнадежна и, по сути, безумна, тем более с такими «вояками-срочниками», совсем еще детьми. Максимум, на что мы надеялись, – так это на то, что, может, хоть кому-то удастся прорваться и остаться в живых. Может, потом хоть расскажут о нас...

Все приготовились к этому броску в вечность. Вокруг нас враг непрерывно голосил свои заклинания: «Аллах акбар!», давя на психику и пытаясь парализовать волю.

И тут мы как-то разом решили, что будем кричать наше русское: *«Христос Воскресе!»*. Это было странное, подсказанное извне решение. Не секрет, что во всех крайних, предельных си-

туациях войны мы обычно орали диким, яростным матом. А тут вдруг совсем противоположное – святое: «Христос Воскресе!». И эти удивительные слова, едва мы их произнесли, неожиданно лишили нас страха. Мы вдруг почувствовали такую внутреннюю силу, такую свободу, что все сомнения улетучились. С этими словами, закричав, что есть мочи, мы бросились в прорыв, и началась страшная рукопашная схватка. Выстрелов не было. Лишь звуки страшных ударов и хруст, боевые выкрики, брызги крови, предсмертные хрипы и стоны заколотых и задушенных «духов».

В результате мы все прорвались. Все до единого! Да, мы все были ранены, многие серьезно, кое-кто и тяжело. Но все были живы. Все потом попали в госпитали, но все и поправились. И я точно знаю, что если бы пошли на прорыв с нашим традиционным матерным криком – не прорвались бы, все бы там полегли.

Я стал священником и сейчас строю храм, работаю там же, в войсках. И теперь хорошо понимаю, что от слова, наполненного силой Божией, больше противника поляжет, чем от пули снайперской. И еще, что самое главное: тем же словом Божиим я теперь больше людей спасти смогу...

Митрофан (Баданин), епископ. Правда о «русском» мате / еп. Митрофан (Баданин). – СПб.: Библиополис, 2015. – С. 4–5.

**Андрей Александрович Остапенко,
Темыр Айтчевич Хагуров**
**От кризиса языка к хаосу в головах.
Языковые интервенции как причины
духовной деградации молодёжи**

<...> В этой же статье нам бы хотелось поговорить о тех деформациях языка, слова, последствия которых отдаются эхом на площадях и улицах, охваченных огнем протестов и столкновений. Уместен вопрос: а не преувеличиваем ли мы значение обсуждаемого предмета? В конце концов, кризис языка – проблема скорее культурологов и эстетов, а не политиков. Однако не все так просто. Неслучайно очень часто вопрос о языке превращался в важнейший политический вопрос. Примером может служить отношение к русскому языку в современной Украине.

Это связано с тем, что любой народ вообще, а имперский, объединяющий в себе много этносов и культур, в особенности, создают, прежде всего, две важнейшие скрепы: общий язык и общую историю. Это – историческая аксиома. И когда соперники народа пытаются его уничтожить (принизить, поработить и т.п.), они всегда ведут главную войну не против солдат и пушек, а против языка и истории. В этой войне выигрывают и побеждают не солдаты и генералы, а учителя истории и литературы и министры образования.

Язык – это важнейшая скрепа, объединяющая нации и народности в один большой народ.

<...> Нужно понимать и то, что русский язык, язык русской литературы, тоже стал объектом войны. И последствия войны с языком нам нужно изживать не менее яростно, чем последствия войны с историей, если мы хотим сохраниться как целое, как народ, имеющий общие смыслы и ценности. Ведь именно язык – их хранитель.

Русский язык пережил в последние 20–25 лет как минимум пять (!) мощнейших и сокрушительных интервенций.

Первая из них – это интервенция криминального сленга (по-научному «арго», в просторечии – «феня»), захлестнувшего страну в конце 1980-х – начале 1990-х. На «фене» заговорили вдруг все – студенты и преподаватели, киногерои и ведущие телепрограмм, политики и философы. Слова «кинуть», «замочить», «забить стрелку», «беспредел», «лох» и т.п. стали обыденной частью нашего языка. Это очень небезобидная вещь, связанная с проникновением в массовое сознание (вместе с языком) элементов криминальной психологии и идеологии. Возникла мода на криминальную романтику, в значительной мере институализированная кинематографом и другими масс-медиа. Соответственно, не приходится удивляться кратному увеличению масштабов преступности в постсоветской России. Параллельно с распространением «фени» происходило интенсивное растабуирование мата, вдруг ставшего языком не только алкоголиков и бомжей, но и вполне приличных парней-студентов и милых девушек-школьниц. <...>

Вторая травмирующая язык интервенция – это интервенция англицизмов. <...> «Маркетинг», «менеджмент», «контроллинг», «аутсорсинг», «логистика», «лизинг» и т.п. – стали словами-

метками, отделяющими «продвинутых» от «отсталых». В школах тьюторов, аниматоров, модераторов, фасилитаторов и омбудсменов стало чуть ли не больше, чем учителей и воспитателей. Заимствуя и активно используя весь этот англоязычный бизнес-сленг, мы все признаем одно печальное обстоятельство: русский язык перестает быть языком современности. Им стал английский, причем в корябщем слух людей, получивших классическое инязовское образование, варианте American-English. Показательно, что на Первом съезде Общества русской словесности 16 мая 2016 г. его председатель Святейший Патриарх Кирилл задал вопрос: «Почему латинское слово «тенденция» заменили английским «тренд»?»

Показать образованность, что ли? Для меня это очень плохой признак».

Третья интервенция <...>. Речь идет об интернет-сленге, буквально взорвавшем русский язык упрощениями, коверканиями и сокращениями как в письменной, так и в устной речи. Вот только некоторые примеры уродливого интернет-восхищения: «Наши рууууляют фореееваааа!!! Приве-е-ед, Пушистый! Откуда такой ко-о-ошерный аватар надыбал? Жжжешшь смертельно!!! Ржжжунимагу! Чуууумовой фильмец вчера видала!» И если лет 10-15 назад учителя охали по поводу того, что подростки перешли на междометия, то сегодня междометия заменены чем-то еще более отвратительным.

Четвертая интервенция связана с повсеместной аббревиацией всего и вся. <...> МДОУ (муниципальное дошкольное образовательное учреждение), <...> МУДОД (муниципальное учреждение дошкольного образования детей). Учителя теперь ходят на работу в МБОУСОШ <...>. ЕГЭ...<...>

Результатом этих четырех интервенций, произошедших почти синхронно, стала резкая примитивизация выразительных средств актуального языка, прежде всего языка молодежи, все более напоминающего язык Элочки-людоедки, обогащенный матом и бизнес-терминами.

Однако самой страшной была, наверное, пятая интервенция, связанная не столько с языком как таковым, сколько с трансформацией самой литературы и опирающегося на нее кинематографа. Об этом очень хорошо писал В. Ерофеев в предисловии к сбор-

нику «Русские цветы зла»: «Разрушилась хорошо охранявшаяся в классической литературе стена <...> между агентами жизни и смерти (положительными и отрицательными героями).<...>». На смену традиционному герою – «хорошему парню», сражающемуся с «плохими парнями» за высокие идеалы, – пришел новый герой – симпатичный негодяй, сражающийся с еще большими негодяями за деньги и успех.

<...> Сказанное, разумеется, схематично, но любое развернутое обсуждение упомянутых процессов потребует отдельной книги.

Остапенко А.А. От кризиса языка к хаосу в головах.

Языковые интервенции как причины духовной деградации молодежи / А.А. Остапенко, Т.А. Хагуров // Покров. – 2017. – №1. – С. 74–78.

Вопросы и задания

1. Почему язык народа становится объектом войны?
2. Чем опасно проникновение в язык сленговой речи?
3. Какое влияние на развитие языка оказывает интернет-пространство? Какие опасности кроются в этой среде, если входить в неё бездумно и бесконтрольно?

Виктория Алексеевна Черванева

Язык и культура славян

<...> Сейчас церковнославянский язык используется как язык богослужения у православных славян – у русских, украинцев, белорусов, болгар, македонцев, сербов – и продолжает развиваться, т.е. является живым языком. Однако такую точку зрения разделяют не все исследователи – существует мнение о том, что церковнославянский язык, в силу своего сугубо письменного характера, является таким же мертвым языком, как, например, древнегреческий язык или латынь.

<...> Наиболее веским доказательством развития церковнославянского языка является факт создания на нем новых текстов. Канонизируются новые святые – и сразу же создаются им тропари, пишутся службы в их честь, разумеется, на церковнославянском языке. В таких условиях функционирования язык просто не

может быть неизменным, застывшим, «мертвым». Изменения обязательно происходят, и внешняя незаметность этих изменений, обусловленная принципиальной консервативностью церковнославянского языка, ориентацией на воспроизведение традиций, не отменяет их наличия.

Мнение о том, что отсутствие живого разговорного употребления языка является свидетельством его «мертвости», не выдерживает критики. При таком подходе старославянский язык – первый литературный язык всех славян, возникший в IX веке и просуществовавший до XI века, является мёртвым с самого начала своего появления, так как он никогда не использовался в качестве разговорного, а всегда был языком молитвы, богослужения, религиозной литературы. Бывают ли «мёртворожденные» языки? Вряд ли.

Вопрос о статусе церковнославянского языка не является исключительно теоретической проблемой. От его решения зависит отношение к одному из наиболее острых дискуссионных вопросов настоящего времени – о модернизации, вернее русификации, языка богослужения.

В последнее время всё чаще звучит мнение о том, что церковнославянский язык непонятен для современного человека, это устаревший, мертвый язык, соответственно, назрела необходимость реформирования языка богослужения, приспособления его к уровню среднего обывателя. И опыты такого «приспособления» уже имеются.

<...> М.В. Ломоносов, впервые обосновавший статус церковнославянского языка как языка самостоятельного, хотя и родственного русскому, высоко ценил церковнославянский язык и определил его роль для русского литературного языка как источника стилистических ресурсов для высокого стиля. Во все времена, начиная с первых веков возникновения русского литературного языка, поэты, писатели, публицисты использовали в своих произведениях элементы церковнославянского языка (фонетические, словообразовательные, лексические) в стилистических целях. И сейчас этот язык воспринимается носителями русского языка не как иностранный, а скорее, как высокий сакральный стиль («словесная икона», по выражению А.М. Камчатнова), находящийся с русским языком в отношениях дополнительного распределения.

Церковнославянский язык нуждается не в реформировании, а в изучении. Овладение этим языком дает ключ к сокровищам духовного опыта человечества и к источнику премудрости (Сир. 1, 5)

Черванева В.А. Язык и культура славян: практика анализа текстов славянской письменности: учеб.пособие / В.А. Черванева. – Воронеж: ВГПУ, 2015. – С. 133–134.

Вопросы и задания

1. Церковнославянский язык «мертвый» или «живой»? Обоснуйте свою точку зрения.

2. Почему вопрос о статусе церковнославянского языка – это не только теоретическая проблема? Как отношение современного общества к церковнославянскому языку отражается на нашей жизни?

3. Как может измениться жизнь современного человека, если бы он для своего духовного развития овладел церковнославянским языком? Предполагаете ли вы возможность своего участия как педагога в этом процессе?

Материалы к теме 6 ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРАВОСЛАВНЫХ ПРАЗДНИКОВ

Валентин Семенович Непомнящий Пасхальная и Рождественская культуры

Крещение Руси произошло в эпоху, когда на Западе тоже незрел, так сказать, свой «выбор веры». Внутри христианского мира складывалось два типа культуры, две системы ценностей, имеющие одно происхождение, сходные, а во многом и одинаковые по составу и формальной иерархии, но решительно различные в практической ориентированности, в отношениях (говоря в привычных литературной науке терминах) с «идеалом» и «действительностью».

Характерны, как известно, различия в отношениях к праздникам Рождества и Пасхи.

Для «восточного», православного сознания Рождество Христово – как для всякого христианского сознания – событие особое и величайшее; <...> рождение Христа – акт участия Бога к человеку и судьбе человечества. Пасха же, предваряемая страданием и смертью Христа – <...> указание пути к спасению и вечной жизни: «Последуй за Мною, взяв крест» (Мк. 10,21). Рождество – акт Божественной любви к человеку, Пасха же – сверх того призыв к ответной любви человека к Богу, к осуществлению и торжеству христианского идеала, Божественного Замысла о человеке. Поэтому Пасха в православии – «праздников праздник и торжество есть торжеств».

На Западе же Пасха – праздник в ряду других: мистическое его содержание воспринимается менее актуально и гораздо абстрактнее, зато акцентируется «натуральная» сторона события – Распятие и крестные муки <...>. На роль «праздников праздника» такое событие не годится; зато Рождество резко выделяется из цепи событий – <...> **Бог так любит меня, что уподобился мне**. Такой акцент льстит самолюбию, оправдывает и утверждает самодостаточность моего «я», которое словно бы по праву получает санкцию свыше **какое есть**, в своем наличном состоянии.

Оттого на Западе, по немецкой пословице, «нет гнезда выше орлиного, нет праздника выше Рождества».

В одном, стало быть, случае главное событие – призыв к человеку уподобиться Богу, в другом – наличный факт уподобления Бога человеку. «Отсчет» производится с противоположных «концов» и, соответственно, в разных направлениях – «спасения» и «оправдания», в разных перспективах – «будущего века» и «века сего». Не случайно икона – с ее <...> «обратной перспективой» (символизирующей наше предстояние перед тайной горнего мира) – в православии сохранилась, а в культуре Запада упразднилась, сменившись картиной с ее натуральной линейной перспективой (которая утверждает дольний, эвклидов взгляд на неотмирное как на нам предлежащий физический объект).

Западное христианство ориентировано на человека, так сказать, натурального, каков он есть сейчас; православное – на человека, каков он должен быть, то есть как он замышлен Богом, иначе говоря – на соотносимый с Христом идеал человека. Отсюда разница в иерархии ценностей. В плане нравственно-гражданском вершина этой иерархии на Западе – **права человека**, категория внешняя по отношению к личности; в восточном же христианстве на этом высшем месте – **обязанности человека**, ценность внутренняя, обеспечиваемая самой личностью – прежде всего в исполнении заповедей. В общекультурном плане западный тип устремлен к успехам цивилизации как сферы материальной, восточный же – к культуре как области духовного. Наконец, в области литературы, искусства главная тема Запада – человеческая **судьба**; тема же «восточной» – конкретно русской – литературы есть **поведение** человека, и это не требует доказательств.

Описанные ценностные ориентации – и основанные на них культуры – можно условно определить как **пасхальную** и **рождественскую**. Такая типология позволяет оставаться в пределах понятий, общих для всего христианского мира, и тем самым (нисколько, разумеется, не умаляя величия события Рождества) нагляднее представить суть и масштабы происшедшей в этом мире драмы.

<...> Идеал христианства божественен, а не гуманитарен; его аксиология – не прагматическая, а творческая, не «закона», а «благодати», не необходимости, а свободы, – она рождена **воль-**

ной крестной жертвой Богочеловека, она телеологична, она, по определению, *пасхальна* – и в иной, более «натуральный», более гуманитарный и удобный, порядок «отсчета» не переводится: Иисус ведь не внял предложению «оправдаться» – сойти со креста. «Хитон» христианской системы ценностей не «раздирается».

Тем не мене, «центр тяжести» ее был оттянут из «пасхальной» сферы в «рождественскую», из области небесного идеала в область «реальной» действительности с ее земными критериями.

Разумеется, такое перемещение центра вниз помогло христианству как системе взглядов прочнее укрепиться в «дольней» жизни и стать основой мощной новоевропейской цивилизации; но осложнились отношения с «горним» – и это сообщило данной цивилизации доминанту нарастающего трагизма: от отчаянного вертикального порыва готических соборов и распятия с провисшим телом, с руками, тяготеющими к тому, чтобы символ призывного крестного объятия превратился в ту же вертикаль, символизирующую, главным образом, муку тела, – до душераздирающего монолога Гамлета о «красе вселенной», оборачивающейся «квинтэссенцией праха», и дальше – к скепсису, фатализму и грядущим разнообразным «цветам зла».

Исторический «жребий» России состоял в том, что она – пока в Европе зрели предпосылки «христианства с человеческим лицом» <...>, – встретила, в «восточном», «греческом» исповедании, с Божественным ликом христианского учения, исторически мгновенно его приняла и на протяжении веков удерживала как исповедание пасхальное.

«Жребий» этот оказался не очень выигрышен с точки зрения земного устройства, скорее, наоборот. Исповедание было таково, что ни сытость, ни богатство, сила, слава и успех, ни индивидуальная и иная свобода, ни прочие земные утехи не находили места в ценностной системе как сфере, связанной с христианским идеалом: идеалом была *праведная* жизнь, в пределе – святость. Между тем, на деле люди Святой Руси были не лучше западных: так же любили земную жизнь и ее удовольствия, так же стремились к богатству и благополучию, успеху и славе, так же воевали, грешили и безобразничали, как и везде, а порой и похлеще; для нашего народа, чувствительного, сурового и страстного, с его медлительным, но огненным и взрывным темпераментом, с его способностью равно к

бездребной широте и упрямой односторонности, со склонностью как к мечтательному созерцанию, так и к «безудержу» во всем, от унизительной подчас покорности до «русского бунта», до преступления, – идеал праведности и святости был столь же органически влекущим, сколь и неимоверно трудным. Но исповедание было таково, что несоответствие этому идеалу осознавалось не как нейтральная «исходная данность», терпимая и приемлемая в качестве некой «общей нормы», а как грех и вина. «Исходной данностью» был (мыслился) человек не «каков он есть», в наличном состоянии, а как образ и подобие Бога; нормой было не «оправдание в сем мире», а «спасение в будущем веке», – *нормой был идеал*. Притом труднодостижимость его вовсе не означала принципиальной недостижимости (святые и праведники были как есть они и везде, и это было всем известно, об этом говорили история, предания, непосредственный народный опыт: «Не стоит город без святого, село без праведника»); и мыслился идеал не как туманное далекое «Должно Быть», противостоящее мрачной «действительности»: идеал был *то, что должен я*, и притом здесь и сейчас, и был сверхконкретен и сверхактуален: «последуй за Мною, взяв крест»; а это-то труднее всего.

Крест – то, что соединяет, и разделяет «рождественскую» и «пасхальную» системы ценностей, это общая реальность, вызывающая с обеих сторон мучительные, но разные переживания. Для «рождественской» культуры крест – в первую очередь символ всего тяжкого и скорбного, символ страждущего естества, трагедии человеческого бытия; для «пасхальной» крест – трагедия человеческой вины перед Бытием, перед Богом скорбящим и страдающим, перед Христом распятым и распинаемым постоянно *мною*; но одновременно – и символ победы благодати и истины Христа над «чином естества», а потому орудие спасения, «благое иго» (Мф. 11, 30) на пути к жизни вечной <...>.

Не думаю, чтобы из сказанного вырисовывался «сусальный» образ России; ясно, что речь идет не о полноте наличной практики, а об уровне идеалов и мере ответственности. Нельзя говорить, что в культуре Запада нет «пасхального» начала, – оно есть везде <...>, и без него ничего великого не было бы в европейской культуре – как, впрочем, и культуры как таковой: одна цивилизация. Не говорю также, что в русской светской культуре не было нача-

ла «рождественского» – тогда бы не было русской светской культуры, была бы только церковная. Сама культура, собственно, и есть оформление отношений «пасхального» и «рождественского» в общественном мироощущении, и варианты тут многообразны. У нас речь идет лишь о доминантах, при том, что предмет культуры преимущественно «рождественской», есть прежде всего отношения с «действительностью», а преимущественно «пасхальной» – прежде всего с идеалом.<...>

Непомнящий В.С. Удерживающий теперь. Феномен Пушкина и исторический жребий России. К проблеме целостной концепции русской культуры / В.С. Непомнящий // Непомнящий В.С. Пушкин. Избранные работы 1960-х – 1990-х гг. : в 2 т. – М.: Жизнь и мысль, 2001. – Т. II. – С. 411–417.

Вопросы и задания

1. Что является основанием для различения «пасхальной» и «рождественской» культур?
2. Какой тип культуры вам наиболее близок? Обоснуйте свою позицию.
3. Какова задача учителя, осуществляющего духовно-нравственное воспитание в современной школе центральной России?

Сергий Коротких, священник

О любви

(методическая разработка рассчитана на три занятия)

Окружающий нерукотворный мир напоминает нам о том, что Бога почувствовать, увидеть можно там, где есть любовь.

Бог Сам есть Любовь.

Апостол Павел описал красоту любви, показал свойства любви (какая она есть), располагая их в особенном порядке.

«Любовь долготерпит, милосердствует, не завидует, не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего (для себя), не раздражается, не мыслит зла, не радуется о неправде, радуется о истине, всё и всех покрывает, всему верит, на всё надеется, всё терпит. Любовь никогда не кончается, всегда есть» (1 Коринфянам. 13, 4–8).

Следуя порядку, на который указал нам апостол Павел, изобразим чудесную лестницу (так по-славянски называется лестница), по которой можно взойти в ту ОБИТЕЛЬ, т.е. МЕСТО ОБИТАНИЯ, где почивает любовь. Основание лестницы положено на земле, а верх ее уходит в самое небо. У лестницы этой двенадцать ступеней. Нарисуем их.

Ступень первая

Любовь долготерпит

То есть обладает таким прекрасным и совершенно необходимым качеством, **как долготерпение.**

Вот как объясняет его детям московский священник Артемий Владимиров: «Вглядитесь только в прозрачные воды тихой неторопливой речушки... Попробуйте бросить в воду камень – что будет? Раздастся всплеск, камень исчез, а по воде пошли круги – один, второй, третий. Минута – и всё пропало. Река, как была спокойной, такой и осталась, а камня уж и не сыскать. Вспомни это чудное свойство любимой реченьки, когда кто-то бросит в тебя камень – обидное, резкое слово. «Побеждай зло добром» – учит Евангелие нас. А вы лишь посмотрите спокойно и кротко на оскорбителя: зачем же произносить такие жестокие и ложные слова?».

Только ли злые слова, обиду приходится терпеть человеку в жизни? Может быть, что-то еще?

Какое существует злое качество, противоположное долготерпению?

Какие можно привести примеры нетерпения? К чему оно приводит?

Ступень вторая

Любовь милосердствует

Милосердным называют человека, у которого милующее (доброе) сердце, который умеет творить добро, прощать. Милосердие – это умение творить добро, прощать.

Не обладает ли этим качеством наша терпеливая речка? «А какая вода мягкая, нежная! Никого не обидит, ни с кем грубо не обойдется, но каждого прохладит, освежит, да еще и омоет, и очистит... Таково свойство истинной любви, заповеданной нам

Христом... Так действуй, так поступай, чтобы всякий, даже случайно подошедший к тебе человек, перемолвившись с тобой двумя-тремя словами, отошел просветленный, утешенный, словно сделал глоток свежей, прохладной воды...»

Какое есть недоброе качество, противоположное милосердию?

Ступень третья

Любовь не завидует

Зависть – это одна из страшнейших болезней души. Преодолеть ее бывает очень трудно.

Самой же коварной бывает та зависть, которую лукаво называют «белой завистью». Это зависть добродетелям других. Например, один человек приветлив, терпелив и ласков со многими, а мы нетерпимы и завидуем его терпению. Другой человек щедр, подает милостыню, помогает нуждающимся, а мы жалеем отдать, оторвать от себя кусочек, вот и завидуем в глубине души ему. Третий хорошо учится, прилагая большие усилия и старания, терпеливо готовит уроки, а мы, не имея силы воли, завидуем ему.

Нет «белой» или «черной» зависти так же, как нет «белого» или «доброего» зла. Она вся черная, вся злая. Ее нужно гнать от наших сердец.

Если мы любим человека, то завидуем или радуемся за него, если он имеет что-то доброе?

Если бы люди больше имели любви в своих сердцах и радовались друг за друга, то не было бы в них места для зависти.

Ступень четвертая

Любовь не превозносится, не гордится

Какого человека называют превозносящимся, заносчивым, гордым?

Существует доброе качество, противоположное превозношению, гордыни. Это смирение.

Слово «смирение» означает _____ . Смирением можно назвать человека, который мирно ко всему относится, хранит мир в душе, он не считает себя лучше других, но терпит и милует всех.

Существует старая притча о смиренной вишенке и гордом топольке.

Однажды суровой зимой выпало очень много снега. Толстыми и тяжелыми шапками он лежал на ветвях деревьев. Нелегко пришлось и молодым вишенке и топольку, много снега навалило на их неокрепшие макушки. Вишенка была смиренная, терпеливая, со всеми приветливая: «Что, снежок, надавил на меня? Хочешь ли, чтобы я матушке-землице до корешков своих поклонилась? Будь по-твоему». И склонится низко-низко, благо, что гибок стан у нее: «Здравствуй, матушка-землица, мир тебе». А как склонится до земли, так снежок с ее веточек и скатится на корешки, да и укутает их – будет влага весной.

А тополек неприветлив был, не любил гнуться. Горд. «Снегу-то сколько навалило. Куда же ты всё падаешь? Тяжело мне! Ух, упрямый валит и валит. Но я-то упрямее. Ни за что не согнусь до земли, не поклонюсь никому, слишком много чести!». Пыхтел, пыхтел, да и надорвался тяжесть снежную держать. От гордости ствол его негибким, хрупким был. Треснул он, да и переломился пополам. И полетела его ветвистая крона-голова со снегом на землицу к самым корням. Только незачем уже тем корням влага весной, сломался тополек.

Кому лучше и приятнее жить на свете: человеку смиренному или человеку гордому? Почему?

А вот другой пример приводит писатель И. Васильев, автор маленького рассказа «Горделивый подсолнух».

На огороде росли подсолнухи. День ото дня всё ниже склоняли отяжелевшие головы. Лето пошло на убыль... Наступала осень...

Почему подсолнухи склоняли свои головы?

Какие продукты изготавливают из семян подсолнечника?

Полезен ли плод, приносимый подсолнухами?

... Только один подсолнух тянулся вверх. Он горделиво поворачивал свою маленькую шляпку к солнцу. Он будто говорил своим соседям: «Вы согнулись и поникли, а я прямо стою».

«Дивно мне, пустое, а красуется», – сказала согнувшаяся под тяжестью плода яблонева ветка.

Почему мог стоять прямо этот подсолнух, ведь семена тяжелы и должны были бы пригнуть его к земле?

Почему яблонева ветка, согнувшаяся под тяжестью своих плодов, назвала его пустым?

Есть ли люди, похожие на созревшие подсолнухи или на плодоносную яблоньку? Есть ли люди, похожие на пустой подсолнух? Какие это люди? В чем отличие первых от вторых?

Ступень пятая

Любовь не бесчинствует

Слово «бесчинствовать» происходит от слова «чин», т.е. порядок. Слово «чин» является корнем в слове «бесчинствовать».

Есть русские выражения «чин-чинарем» или «чин по чину», что значит «всё в порядке», «всё на своем месте». Есть слова «чинный» и «благочинный», т.е. ДОБРОПОРЯДОЧНЫЙ, любящий порядок человек.

Что же тогда означает слово «бесчинствовать»?

Какого человека (мальчика/девочку) можно назвать порядочным сыном и дочерью?

Ступень шестая

Любовь не ищет своего

Если человек ищет приятное только для себя и не хочет уступать или помогать другим, можно ли сказать, что в нем есть любовь?

Будут ли у такого человека друзья?

Как обычно называют человека, который делает блага прежде всего себе и не думает о других?

Если в человеке есть любовь, то эгоистом, себялюбивым он быть не может.

Ступень седьмая

Любовь не раздражается

Как проявляется раздражительность?

Красив ли раздражительный человек?

Какими еще словами можно охарактеризовать человека раздражительного?

Станет ли гневаться человек, в котором есть любовь?

Терпеливые и смиренные люди еще именуются кроткими. В Библии же сказано, что «Бог гордым противится, а смиренным дает благодать».

Станем дальше подниматься по лестнице и взойдем на следующую ступень. Сегодня мы постараемся взобраться на самый

верх лестницы и посмотреть, какое же качество находится выше всех, ближе всех к Самой Любви, к Богу.

Ступень восьмая

Любовь не мыслит зла

Из чего происходит, рождается любой поступок? Что прежде поступка появляется в сознании человека?

Из доброй мысли рождается добрый поступок, из дурной мысли – дурной поступок.

Вспомним русскую народную сказку «Машенька и медведь».

Что делает медведь всякий раз перед тем, как попытаться съесть Машенькины пирожки?

А если мы делаем какое-то дело по подсказке? Ведь это, кажется, не наша мысль?

Если человек понимает, что подсказывается дурная мысль, толкающая его на совершение преступления, греха, и если человек не хочет становиться преступником, станет ли он совершать подсказываемый ему поступок?

Чаще всего случается так, что мысли дурные, предлагающие нам совершить преступление, подсказывают злые духи, а мысли добрые – наши ангелы-хранители и сама наша совесть, т.е. голос Бога в нас. Кого мы послушаем – такой поступок и совершим. Поэтому очень важно научиться сразу прогонять прочь мысли дурные: «Это мысль не моя, пойдй вон отсюда. Господи, помоги мне не совершить того зла, которое подсказывается дурной мыслью».

Ступень девятая

Любовь не радуется неправде, а радуется же истине

Что нам приятно, а что огорчительно – когда вокруг нас правда или ложь?

Бог любит правду. Он видит всё.

Ступень десятая

Любовь всё покрывает

Что означает слово «покрывать»?

Если добрый человек увидит какой-либо недостаток в другом человеке, станет ли он об этом рассказывать другим людям?

Любовь покрывает и согревает, прячет наши недостатки и изъяны. Добрый человек, имеющий любовь в сердце, не станет сплетничать и рассказывать о недостатках других людей, будет жалеть их, будет сострадать им: будь то физический недостаток (плохое зрение, хромота, другая болезнь) или нехорошая черта характера, от которой страдает прежде всего сам забияка, ябеда, хвостун, лгун или ненавистник.

Ступень одиннадцатая

Любовь верит и надеется

Когда родители, любящие своих детей, узнают о том, что дети их обманули, хорошо или горько им бывает?

Если же нам самим по какой-то причине перестают доверять, верить, то что мы испытываем? Хорошо нам или плохо?

Подозрительный, недоверчивый человек может ли с любовью относиться к другим людям?

Подозрительные люди, не имеющие веры, очень несчастны, им всегда кажется, что их хотят обмануть, даже если рядом честный человек. Подозрительным и неверующим людям живется очень нелегко. Они похожи на слепого из следующей притчи...

Жил несчастный слепой человек. Но не всегда он был слепым. Когда-то в детстве он радовался красному солнцу и голубому небу, протягивал к ним свои руки и хотел взлететь вслед за птицами, и даже выше птиц, туда, где живут ангелы Божии.

Но случилось несчастье. Когда мальчик подрос и стал юношей, он согрешил и за это преступление оказался в темнице. Только под высоким потолком находилось крошечное окошко, в которое Божии ангелы, очень жалевшие бедного юношу, каждый день старались направить хотя бы один из солнечных лучей. Но юноша, чувствуя огромный стыд перед небесным голосом-совестью, не мог больше найти в себе сил поднять лицо к небу и протянуть к нему свои руки.

Ангелы очень старались, чтобы луч солнца достиг дна темницы, но она была слишком глубока.

Прошло много лет, и юноша, который стал почти стариком, вышел из темницы. Но за это время, не видя света, он ослеп.

Ах, если бы он сам находил в себе силы смотреть вверх на светлый солнечный луч, тогда бы он сохранил зрение и мог бы снова наслаждаться красотой солнца и высотой небес!

Теперь же он не только не был способен видеть свет, но так ожесточился на собственную совесть, обличавшую его давний грех, что стал уже саму ее считать виновницей своих бед. А когда слышал он, как люди восхищаются красным солнцем и голубым небом, то с раздражением говорил: «Врёте всё! Нет никакого солнца, нет никакого неба! Вы всё придумали. Нет их, потому что я их не вижу».

Чтобы вы посоветовали несчастному слепому для исправления его положения? В чем его ошибка?

Надеяться – значит ВЕРИТЬ В ЛУЧШЕЕ.

Если человек не надеется на лучшее, сомневается в том, что добро непременно победит зло, не надеется стать похожим на святых людей и жить вечно, то он унывает, у него плохое настроение, ему кажется, что он не знает, зачем он живет на свете.

Без надежды на лучшее человек никогда этого лучшего не получит, он сам себя лишает его.

Ступень двенадцатая

Любовь терпит

Как же так, первая ступень – терпение, и последняя – терпение?

Почему это так? Потому что *терпение ради Бога – это самое главное качество Любви.*

Никакое другое доброе качество, свойство невозможно, если нет терпения. Недаром русский народ сложил прекрасные и мудрые пословицы о терпении: На хотение есть и терпение // Терпение и труд всё перетрут // Тише едешь – дальше будешь // По капле дождь идет, да реки с морями наполняет // Без терпенья нет смиренья // И готово, да бестолково // Бог терпел и нам терпеть велел.

Вот как важно уметь терпеть: терпеть боль, терпеть обиды, терпеть несправедливость по отношению к себе, терпеть неудачи, терпеть неудобства и т.д. Без терпения в человеке не может быть любви, а значит, не может быть и Самого Бога в нетерпеливом человеке.

И, наконец, вспомним, что Любовь никогда не кончается, она всегда есть.

Коротких Сергей, свящ. Мир Божий. Основы православной культуры и нравственности: материалы для школьных уроков: в 2-х ч. / свящ. Сергей Коротких. – М., 2003. – Ч. I. – 152 с.

Вопросы и задания

Нарисуйте себя на той ступени, на которой, по вашему мнению, вы находитесь.

Светлана Викторовна Веретенникова **Методические рекомендации по актуализации духовно-нравственного потенциала праздников**

Мы сознательно не приводим готовые шаблоны планов-конспектов занятий. Основанием для этого является многолетний личный опыт и опыт коллег. Рамки готового, претендующего на универсальность, плана-конспекта не могут вместить ни общекультурный уровень конкретной аудитории, ни психологическое состояние лектора в момент проведения беседы. Поэтому вниманию читателя предлагается мозаика методических рекомендаций (перечень содержательных идей, находок, а также методических приемов), позволяющих более наглядно и доступно осветить поднимаемую тему. На усмотрение лектора выбирается та или иная группа рекомендаций (выделена маркером «—»). В любом случае, перемена местами или удаление какой-нибудь рекомендации зависят от стиля лектора, его настроения и готовности класса.

Все представленные в этом разделе материалы были апробированы на практике, кроме того, многие из них легли в основу открытых уроков, проведенных в общеобразовательных школах.

- В начале занятия можно побеседовать с ребятами на предмет смысла некоторых праздников в отечественной традиции. По усмотрению учителя можно ограничиться несколькими праздничными датами¹⁹. В этой связи было бы полезно порассуждать о праздниках, имеющих разный статус: государственный, церковно-государственный, церковный и даже коммерческий. Это поможет показать школьникам, что даже внешне церковно-нейтральные праздники имеют духовную основу (правда, не всегда соответствующую православной культуре).

¹⁹ Ниже приводятся примеры бесед о наиболее распространенных праздниках.

Жизнь каждого из нас, так или иначе, связана с календарем. В нем отражены РЕАЛЬНЫЕ события, значимые как для отдельного человека (например, день его рождения или день смерти близкого ему человека), так и для народа в целом. Каждое событие имеет дату и место свершения.

Как вы и ваша семья обычно отмечаете дни рождения? Какие символы праздника традиционно имеют место?

Ответы школьников

Один из самых любимых семейных праздников отмечается 7 января.

- Что произошло 7 января?

- Когда случилось это событие?

- Символ праздника?

- Как обычно отмечается у вас в семье?

- Родился Иисус Христос.

- Рождество Христово произошло в 1-ый год первого столетия н.э. Все более ранние события датируются так: «такой-то год ДО нашей эры». Произошло это в палестинском городе Вифлееме (Юго-Западная Азия).

- Елка с игрушками и гирляндами,

...

- Ходим в гости или приглашаем их к нам // Ходим в церковь // Ставим елку // Дарим подарки// и т.д.

Еще один праздник, связанный с нашей культурой...

- Какой праздник отмечает Русская Православная Церковь 15 февраля?

- Что произошло в этот день и когда?

- Сретение Господне.

- В этот день родители Господа Иисуса Христа принесли Его в Иерусалимский храм. Это было на 40-ой день после Его рождения (15 февраля 1 года н.э.). В то время жил в Иерусалиме праведный старец Симеон. Ему было откровение, что он не умрет, пока не увидит Христа Спасителя. Поэтому данный праздник называется «сретение», т.е. «встреча».

- Символ праздника?	- Обычно это икона праздника
- Знают ли об этом празднике у вас дома, в семье?	- ...

Исходя из обстоятельств (психологической атмосферы на занятии, внутренней готовности слушателей), можно более подробно рассказать о празднике Сретения Господня.

Именно 15 февраля выбрано для установления Всемирного дня православной молодежи. В 1953 году впервые прошла ассамблея Всемирного Православного Молодежного Движения, получившего название «Синдесмос». Целью Синдесмоса является общение и взаимная поддержка православной молодежи во имя спасения. Своим праздником она выбрала Сретение, день встречи жаждущей человеческой души с Богом.

А теперь давайте вспомним некоторые памятные даты.

- Какой праздник мы отмечаем 9 мая?	- День победы нашего народа в Великой отечественной войне над немецко-фашистскими захватчиками.
- Когда случилось это событие?	- Это случилось в 1945 году.
- Символ праздника?	- Символы: Георгиевская ленточка, гвоздика, Вечный огонь, памятник героям-освободителям в той или иной местности.
- Как обычно отмечается у вас в семье, в школе?	- Семейно смотрим парад на Красной площади по телевизору // Со школьным учителем возлагаем цветы к братской могиле и т.д.

День Победы – праздник государственный, но он очень тесно связан и Русской Православной Церковью: в 1994 году установлено совершать в этот день особое ежегодное поминовение усопших воинов и всех страдальчески погибших в годы войны.

- Какое событие мы вспоминаем 15 февраля, связанное с окончанием военных действий?
- Когда случилось это событие?
- Символ праздника?

- Как обычно отмечается у вас в семье, в школе?

- Вывод советских войск из Афганистана.
- В 1989 году.
- Памятник воинам-интернационалистам.
- ...

Этот праздник государственный, но и в храмах Русской Православной Церкви в этот день совершаются Богослужения об упокоении погибших воинов.

- Какой праздник мы отмечаем 4 ноября?
- Когда случилось это событие?

- Символ праздника?

- Как обычно отмечается у вас в семье, в школе?

- День согласия и примирения, или День народного единства, или День Казанской иконы Пресвятой Богородицы.
- Вспоминаемые события произошли в 1612 году в Москве, когда народное ополчение под руководством князя Дмитрия Пожарского и Кузьмы Минина с Казанской иконой Пресвятой Богородицы освободило Москву от польских интервентов.
- Памятник Д. Пожарскому и К. Минину на Красной площади в Москве
- Ходим с мамой в церковь // Об этом рассказывала учительница, и по телевизору показывают интересные передачи на эту тему, но дома мы никак не отмечаем этот день // и т.д.

Как видим, события ноября 1612 года нельзя отнести только к церковной истории или только к истории государства. День народного единства – праздник церковно-государственный.

- Какой праздник мы отмечаем 23 февраля?

- Что произошло в этот день и когда?

- Символ праздника?

- Как обычно отмечается у вас в семье, в школе?

- День защитника Отечества. Был установлен в РСФСР в 1922 году как «День Красной Армии и Флота». С 1946 до 1993 гг. носил название «День Советской Армии и Военно-Морского флота».

- Говорили, что Красная Армия дала в 1918 году отпор противнику под Псковом. Однако исторические документы свидетельствуют об обратном. Но, тем не менее, почти за 100 лет этот праздник вошел в наши семьи как день чествования не только воинов, но и всех мужчин как потенциальных защитников детей, жен, матерей, страны²⁰.

- ...

- ...

С церковной точки зрения 23 февраля никогда праздником и не являлся. В Русской Православной Церкви есть Дни воинской славы – это те памятные даты, которые связаны воедино с нашими великими воинскими победами и в то же время с празднованием каких-либо икон Божией Матери или определенных святых. Например, день памяти Куликовской битвы связан с Рождеством Богородицы, освобождение Москвы от поляков – с Казанской иконой Божией Матери. С Александром Невским связано Ледовое побоище, поэтому в эту памятную дату (18 апреля) тоже установлен День воинской славы. Все эти праздники, посвященные нашим воинам, отмечались на Руси до революции. А с приходом советской власти начали вводить свои праздники, отдаляться от тех, которые были раньше: еще одно проявление религии, но уже атеистической (Бога нет). И был искусственно установлен праздник 23 февраля (хотя никакого особого события в эту дату не произошло).

²⁰ В своем большинстве современные школьники не знают истории происхождения этого праздника. Однако учитель сам может кратко осветить данный вопрос.

Спустя 80–100 лет празднику Защитника Отечества внимание уделяется и со стороны Русской Православной Церкви: ведь Церковь в земном понимании – это те же люди, граждане одного государства. В храмах особых Богослужений, связанных с этим праздником, нет. Однако Патриарх Московский и всея Руси официальной телеграммой поздравляет Президента, Председателя Правительства, Министра обороны, а также возлагает венок вместе со всем духовенством к могиле Неизвестного солдата у стен Московского Кремля.

- Какой праздник мы отмечаем 8 марта?

- Что произошло в этот день и когда?

- Символ праздника?

- Как обычно отмечается у вас в семье, в школе?

- Международный женский день

- Согласно широко распространенной версии, Женский день был приурочен к событиям 1857 года, когда 8 марта текстильщицы нью-йоркских фабрик прошли маршем по улицам города. Они требовали 10-часовой рабочий день, светлые и сухие рабочие помещения, равную с мужчинами заработную плату. Работали в то время женщины по 16 часов в сутки, получая за свой труд гроши.

Последние несколько десятилетий праздник утратил идеологическую окраску²¹.

- Мимозы и т.д.

- ...

Кстати, надо добавить, что этот праздник изначально был не только женским. Мужчинам после решительных выступлений также удалось добиться введения 10-часового рабочего дня. На многих предприятиях в США возникли профсоюзные организации.

Постепенно Международный женский день в стране терял свою политическую окраску. В 1977 году Организация Объединённых Наций объявила 8-е марта Днём борьбы за права женщин.

²¹По аналогии с 23 февраля, большинство современных школьников также не знают истории происхождения этого праздника.

Постепенно политическая окраска праздника исчезла и 8 марта считается женским праздником Весны. Так что, сегодня мало кто задумывается о сути этого праздника. И хотя в православной традиции издавна отмечается День жен-мироносиц (третье воскресенье после Пасхи) и чествуются все женщины как носительницы мира, добра и любви, всё равно в день 8 марта женщинам дарят цветы.

- Какой праздник мы отмечаем 8 июля?

- Что произошло в этот день и когда?

- Символ праздника?

- Знают ли об этом празднике у вас дома, в семье?

- День Любви, семьи и верности.

- Этот праздник сравнительно молодой. Он был объявлен в 2008 году, т.к. в этот день на протяжении многих веков по русской православной традиции вспоминалась жизнь княжеской супружеской пары Петра и Февронии, известной всем своей верностью и любовью друг к другу, своему народу и к Богу. В 1228 году эти князья умерли.

- Ромашки

- Папа маме дарит ромашки // всей семьей ходим в кафе // никак не отмечаем// и т.д.

Интересная и поучительная мысль – потомки празднуют день смерти святых Петра и Февронии, не печалься, а радостно и торжественно. И если посмотреть православный календарь, то память и святителя Николая чудотворца, и покровителя учащихся преподобного Сергия Радонежского, и иных святых осуществляется либо в день смерти человека, либо в день обретения его мощей.

Смертью заканчивается земная жизнь человека. Здесь подводятся её результаты. Сделавший много добрых дел помог не только другим людям (накормил, защитил и т.д.), но и себе (сохранил душу чистой, беззлой; сохранил совесть). Такой человек обязательно встретится с Богом и будет предстать перед Ним за нас. Получается, такой человек умер для земной жизни, но родился для жизни вечной, для реальной встречи с Богом.

• Вторым этапом занятия следует акцентировать внимание учеников на проблеме знания точных исторических сведений о том или ином воспоминаемом событии.

- Откуда мы знаем о том или ином празднуемом событии? Например, о дне нашего рождения?

- О Рождестве Христовом?

- Сретение Господне?

- День православной молодежи?

- 9 мая – День Победы нашего Отечества над немецко-фашистскими захватчиками?

- День вывода советских войск из Афганистана?

- 4 ноября – День народного единства?

- 23 февраля?

- 8 марта?

- 8 июля – День памяти свв. благоверных князей Петра и Февронии

- Есть свидетельство о рождении (документ) // Родственники рассказывают в деталях как маму со мной забирали из родильного дома // ...

- По тексту Библии (Новый Завет) // бабушка рассказывала //...

- По тексту Библии // на уроках по ОПК изучали //...

- Узнали об этом празднике только в ходе этой беседы //...

- По рассказам очевидцев (наших бабушек и дедушек, прабабушек и прадедушек) // по архивным документам //по документальным кинороликам

- Дядя воевал в Афганистане // из телевизионных передач // ...

- Из учебника по истории // в школе рассказывали // ...

- Просто празднуем, так повелось //...

- Так же

- Из их жития

Как видим, одни праздники мы отмечаем потому, что с ними связаны значимые события для наших семей, для страны, для веры, а есть праздники, которые привнесены в нашу культуру искусственно, и тогда их содержание меняется, наполняется смыслами, более близкими нам. Пример тому 23 февраля и 8 марта, а также 14 февраля.

- Третий этап занятия может быть посвящен представлению о Дне всех влюбленных, формируемому средствами массовой информации, и, как следствие, празднуемому в ряде школ.

Если спросить ребят, «что им известно о празднике, называемом в европейской традиции Днем святого Валентина», то обычно школьники называют две легенды, широко распространенные в сети Internet²². Далее в беседе можно помочь школьникам задуматься над неточностью фактов, представленных в этих легендах. Ниже приводится примерный план беседы:

Есть ли документальные подтверждения/опровержения обо всем сказанном в легендах? *Да, св. Валентин жил в итальянском городе Терни в III веке и был казнен в 270 г.*

«Наш» он святой или католический? *Наш. Все святые, совершившие свой подвиг в Западной Европе до 1054 года, то есть до даты разрыва Православия и Католичества, – это наши, православные святые.*

²²Легенда первая. В далекие и темные времена средневековья властный и жестокий римский император Клавдий II пришёл к мысли, что одинокий мужчина, не обременённый женой и семьей лучше будет сражаться на поле битвы во славу кесаря, и запретил мужчинам жениться, а женщинам и девушкам — выходить замуж за любимых мужчин. А святой Валентин был обычным полевым врачом и священником, который сочувствовал несчастным влюблённым и тайком от всех, под покровом ночи освящал брак любящих мужчин и женщин. Вскоре деятельность святого Валентина стала известна властям, и его посадили в темницу, приговорив к смертной казни. В заключении святой Валентин познакомился с прекрасной дочерью надзирателя – Юлией. Влюблённый священник перед смертью написал любимой девушке признание в любви – валентинку, где рассказал о своей любви, и подписал его «Твой Валентин». Прочитано оно было уже после того, как его казнили, а сама казнь произошла 14 февраля 286 (или 270) года.

Легенда вторая. Согласно другой легенде римский патриций Валентин, являвшийся тайным христианином, обративший в новую веру также и своих слуг, однажды проводил обряд венчания для двоих из них. По доносу или по стечению обстоятельств все трое были задержаны стражей. Валентин, как лицо, принадлежавшее к высшему классу, мог избежать смерти, но не его слуги. Тогда желая ободрить обречённых единоверцев, Валентин пишет им письма в виде красных сердец, означающих христианскую любовь. Послания новобрачным должна была передать слепая девочка, но неожиданно в темницы пришёл сам Валентин, который уговорил стражу отпустить его слуг взамен на его жизнь. Перед выходом на арену смерти, Валентин передал последнее письмо, освящённое верой и добротой, слепой девочке, которая после этого прозрела и стала красавицей.

Но может, хоть и жил он в православные времена, но только католики осознали его святость и святым он является лишь по католическим, но никак не православным критериям? *Нет, Валентин в лике святых был прославлен задолго до разрыва Запада и Востока.*

Возможно, что Валентин, воспоминаемый 14 февраля, уже известен нашему календарю как священномученик Валентин Интерамский (или Италийский); память его совершается 12 августа по новому стилю (30 июля по старому). Память одного и того же святого может совершаться в разные дни в разных частях Церкви. Так что, вполне может быть, что того самого св. Валентина, которого в Италии празднуют 14 февраля, у нас сугубо чтут через полгода – 12 августа. Может быть и так, что память одного и того же святого совершается несколько раз в году (вспомним летнего и зимнего Николу). Наконец, Церковь вправе просто переносить память святого с одного дня на другой.

Более определенно можно сказать о рассказе, что св. Валентин тайно венчал влюбленных. Это утверждение строится на несомненном анахронизме: во времена св. Валентина (в III веке) еще не существовало особого обряда церковного венчания брака. Древней Церковью брак рассматривался как таинство независимо от того, сопутствовал ли ему церковный обряд. И уж тем более ничего не могло значить в глазах языческого императора совершение брака священником презираемой им и гонимой секты.

- Четвертый этап урока посвящен знакомству с житиями святых Валентинов, чтимых Православной Церковью.

В нашем церковном календаре есть десять (!) дней, в которые вспоминаются святые Валентины. Приведем жизнеописание троих из них²³:

– мученика Валентина Доростольского²⁴ (память 24 апреля по ст. стилю, 7 мая по новому);

²³ Материал взят в разделе «Календарь» сайта Православие.ру – <http://days.pravoslavie.ru/>.

²⁴ Мученики Пасикрат и Валентин происходили из Мизийского города Доростола и были воинами при правителе Авсолане. Пасикрату было 22 года, а Валентину – 30 лет. Когда началось гонение на христиан, мученики Пасикрат и Валентин открыто исповедали веру Христову. На суде мученик Пасикрат плюнул на

- священномученика Валентина Интерамского²⁵ (Италийский, память 30 июля по ст.ст.);
 - священномученика Валентина Римлянина²⁶ (6 июля ст.ст.).
-

идола Аполлона, отказавшись принести жертву. Брат святого Пасикрата плакал и уговаривал его хотя бы для вида принести жертву идолам. Но мученик положил на жертвенник в огонь свою руку и сказал: "Тело смертно и сгорает на огне; душа же бессмертна и презирает все видимые муки". Мученик Валентин также заявил о своей готовности пострадать за Христа. Когда мучеников вели на казнь, за ними следовала мать святого Пасикрата и увещала сына не бояться смерти за Христа. Оба мученика были усечены мечом (+ 288).

²⁵ Святой Валентин был епископом города Интерамны в Умбрии (Италия). Он сподобился от Бога дара врачевать болезни, призывая имя Господа Иисуса Христа. В правление императора Аврелиана (270-275 гг.) три юноши Прокул, Ефив и Аполлоний пришли из Афин в Рим для изучения наук и поселились в доме своего наставника Кратона. Сын Кратона, Хоримон, повредил себе спину, которая согнулась, так что юноша не мог выпрямиться. Три года он обращался к разным врачам, но безрезультатно. Наконец Кратон пригласил епископа Валентина помолиться за его больного сына. Придя в Рим, святитель затворился с юношей в комнате и усердно молился всю ночь. На следующее утро юноша вышел из комнаты совершенно здоровым. Весть об этом чуде распространилась в Риме, и многие стали обращаться к христианской вере, в том числе и сын градоначальника, по имени Авундий. Градоначальник, язычник-фанатик, весь свой гнев обратил на святителя Валентина. Валентина стали принуждать отречься от веры и поклониться идолам. Не добившись успеха, они бросили его в тюрьму. Здесь его стали навещать ученики Кратона, которые приняли христианство. Но вскоре святому Валентину отсекли голову. После него пострадали также и ученики Кратона: Прокул, Ефив и Аполлоний – за распространение христианской веры. Авундий похоронил их при гробе священномученика Валентина.

²⁶ В царствование императора Клавдия II (268–270) святой Марин с женой Марфой и сыновьями Авдифаксом и Аввакумом пришел из Персии в Рим, чтобы поклониться гробам святых апостолов Петра и Павла. В то время на Римскую Церковь обрушились жестокие гонения и казни. Святой Марин с женой и сыновьями стали служить христианам, заключенным в темницах, и погребать тела казненных мучеников. В одной из тюрем они встретили узника по имени Киринос и с любовью служили ему, как претерпевшему многие истязания за веру во Христа. Гонение распространялось и захватывало все большее число христиан. В то время 260 христиан, среди которых был трибун Власт, посланные по приговору суда копать землю у саларийской дороги, были расстреляны из луков. Марин и его семья, узнав об этом жестоком убийстве, вместе с пресвитером Иоанном стали по ночам уносить тела мучеников и хоронить их в катакомбах. Вернувшись затем в темницу, где был заключен святой Киринос, они не нашли его, так как накануне его казнили, а тело бросили в Тибр. Исполняя свое святое служение, святые Марин, Марфа и их сыновья извлекли из реки тело святого мученика и предали его земле. Святые труженики были приняты христианами, которые продолжали тайно совершать Богослужения во главе со святым епископом Каллистом, и

Опыт показывает целесообразность раздачи ученикам текстов с житиями святых, подготовленных в виде брошюры на 4 страницах (1 лист с двух сторон). В рамках одного занятия можно более детально познакомиться с житием одного из перечисленных выше святых, тогда как дома школьники могут при желании узнать и о подвигах других святых.

При проведении занятия в младших и средних классах, на раздаточных материалах ребятам предлагался *адаптированный текст* жития. В качестве примера приведем житие священномученика Валентина Итальянского:

В III веке н.э. святой Валентин был епископом одного города в Италии. За свою доброту и отзывчивое сердце, усердие в учебе и ответственное отношение к исполняемому делу он сподобился от Бога дара врачевать болезни, призывая имя Господа Иисуса Христа.

Он лечил простых и знатных людей, молодых и старых. Его все любили за кроткий нрав и желание исцелять людей. В то время правил император-язычник Аврелиан, ненавидевший христиан. Узнав о том, что его подданные прибегают к помощи христианина Валентина, стал принуждать его отречься от веры и поклониться идолам. Не добившись успеха, Валентина бросили в тюрьму, а затем и казнили. Вместе с Валентином приняли смерть и его ученики, многих из которых он вылечил в свое время.

Священника, принявшего мученическую кончину, называют священномучеником. День смерти священномученика Валентина в нашей (православной) традиции отмечают 12 августа, а в западной традиции – 14 февраля.

- Как видим из жизнеописаний, все выше названные люди показали свою любовь не на словах, а на деле, даже отдав свою жизнь.

скрывались у них от преследователей. В довершение великих подвигов милосердия святая семья удостоилась послужить Господу принятием мученической кончины. Язычники обезглавили мужественного исповедника Валентина пресвитера и обращенного им в христианство императорского сановника Астерия, а вместе с ним были арестованы и преданы мучениям и жившие у них святые подвижники из Персии. По повелению императора, в 269 году святые Марин, Авдифакс и Аввакум были обезглавлены, а святая Марфа утоплена в реке. Мощи святых мучеников находятся в Риме, в церкви святого Иоанна Кущника, а мощи святого Валентина - в храме святой мученицы Параскевы.

Как вы думаете, исчерпывается ли почитание Дня святого Валентина вручением купленной или виртуальной «валентинки»?

- Хотели бы вы, чтобы вам подарили «валентинку»?

- Согласились бы вы, чтобы тот, кто подарит милую «валентинку» потом вам нахамил или обидел?

- А такое имело уже место в вашей жизни? Или вы, подарив «валентинку», обижали адресата?

- Что не хватало в этих случаях?

- Нет.

- Да. Особенно красивую и с романтическими пожеланиями.

- Определенно, нет.

- Да.

- Любви.

• Следующий этап урока по своей значимости кульминационный: здесь лектор предлагает школьникам поразмышлять над понятием «любовь»²⁷.

- Центральным словом праздника является ЛЮБОВЬ. Как вы это понимаете? Что такое любовь?

- Но всегда ли любовь ограничивается взаимоотношениями девушки/женщины и юноши/мужчины?

- Многие люди пытались дать определение этому прекраснейшему чувству – ЛЮБОВЬ. Но только одному удалось в полноте показать высоту и красоту любви. Это апостол Павел. Как он дает определе-

Опыт показал, что на этот вопрос младшие школьники часто краснеют, замыкаются, припоминая навязанные СМИ некрасивые и пошлые образы этого по сути великого чувства; старшие школьники пытаются припоминать определения данного чувства, которые они заучивали в курсе «Обществознание».

- Нет. Можно любить маму и папу, бабушку и дедушку, сестру и брата. Также можно любить свою родину, двор, село, город.

И мороженое тоже можно любить.

²⁷ В основу этой беседы о любви со школьниками положена разработка из сборника материалов для школьных уроков «Мир Божий» священника Сергия Коротких (Калининград).

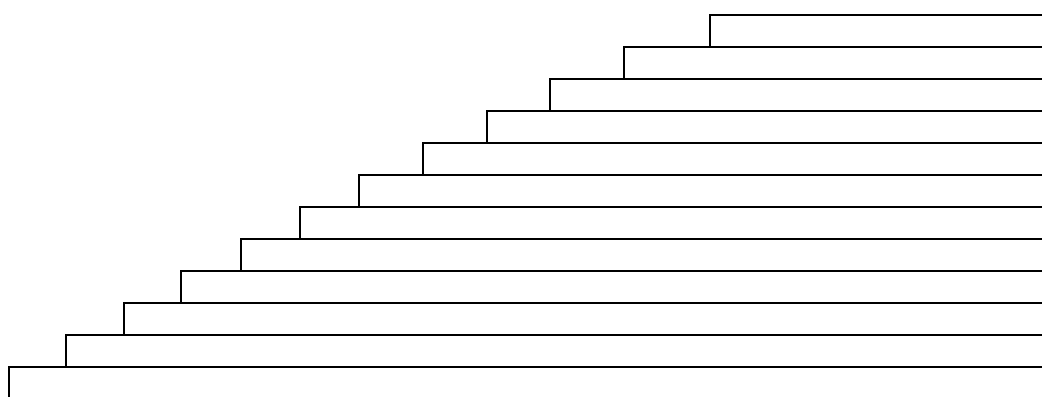
ние любви? *«Любовь долготерпит, милосердствует, не завидует, не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего (для себя), не раздражается, не мыслит зла, не радуется о неправде, радуется о истине, всё и всех покрывает, всему верит, на всё надеется, всё терпит. Любовь никогда не кончается, всегда есть»* (1 Коринфянам. 13, 4-8).

Давайте поразмышляем вместе с апостолом Павлом, к чему нужно стремиться, прежде чем подарить «валентинку»...

Ученики следят за учителем по тексту (или через медиа-проектор, или по раздаточным карточкам)

Учитель на доске, а дети – в тетрадях или на розданных листах, рисуют лестницу из 12-ти ступеней²⁸.

Обратим внимание на порядок слов, указанных автором. Изобразим чудесную лестницу, по которой можно взойти в ту обитель, где почивает Любовь.²⁹

²⁸ Основание её на земле, а своей вершиной она уходит в небо. На каждой ступени учитель по порядку подписывает указанные апостолом Павлом свойства любви. У основания лестницы схематично изображают храм (ибо вне духовной поддержки Церкви подниматься по указанной лестнице будет проблематично), а около последней ступени лестницы изображаем солнечный круг с лучиками. Внутри круга пишем ИСХС, ибо БОГ есть ЛЮБОВЬ. Пользуясь образным сравнением Святой Троицы с солнцем, исходящим от него светом и теплом, мы тем самым наглядно показываем на рисунке, что человек становится по-настоящему любящим, когда проходит КАЖДУЮ ступеньку (не перепрыгивая!).

²⁹ Данный образ лестницы и объяснение каждой «ступеньки» взяты из конспектов занятий священника Сергея Коротких (Калининград). См.: Коротких Сергей, свящ. Мир Божий. Основы православной культуры и нравственности: материалы для школьных уроков: В 2-х чч. – Ч. II. – М., 2003.

Читая и размышляя над содержанием и последовательностью каждой характеристики Любви, которые называет апостол Павел, ребята вместе с лектором постепенно поднимаются по воображаемой лестнице.

Ступень первая. Любовь долготерпит, т.е. обладает таким прекрасным и совершенно необходимым качеством, как **долготерпение**.

- Какое существует злое качество, противоположное долготерпению?
- Только ли злые слова, обиду приходится терпеть человеку в жизни? Может быть, еще что-то?
- Какие можно привести примеры нетерпения? К чему оно приводит?

Школьники отвечают.

Ступень вторая. Любовь милосердствует. Милосердным называют человека, у которого милующее (доброе) сердце, который умеет творить добро, прощать. Милосердие – умение творить добро, прощать.

- Какое есть недоброе качество, противоположное милосердию?

- ...

Ступень двенадцатая. Любовь терпит. Мы видим следующую закономерность: первая ступень и последняя символизируют собой одно и то же качество и требование – терпение.

Никакое другое доброе качество, свойство невозможно, если нет терпения. Недаром русский народ сложил прекрасные и мудрые пословицы о терпении. Какие вы знаете?

- На хотение есть и терпение.
- Терпение и труд всё перетрут. - Тише едешь – дальше будешь.
- По капле дождь идет, да реки с морями наполняет.
- Без терпенья нет смиренья.
- И готово, да bestолково.
- Бог терпел и нам терпеть велел.

Вот как важно уметь терпеть: терпеть боль, терпеть обиды, терпеть несправедливость по отношению к себе, терпеть неудачи, терпеть неудобства и т.д. Без терпения в человеке не может быть и любви.

Поэтому, преподнося любимому человеку (юноше, девушке, подруге, маме) «валентинку» с красивыми словами признания в любви, хорошо бы помнить, что этим любовь не подтверждается и не ограничивается. Конечно, приятно подарить\принять «валентинку», но во сто крат приятнее чувствовать любовь и видеть её реальные плоды. И если приходится спотыкаться при подъеме по нашей лестнице, может, стоит обратиться за помощью к святому Валентину, чтобы научил своей стойкости в вере и добрых делах и поддержал своим ходатайством у Престола Всевышнего, имя Которому – ЛЮБОВЬ?!

- Каков может быть вывод беседы со школьниками? Прежде всего, что любовь самого Валентина была прежде всего ко Христу; что любовь и похоть – не одно и то же; что «любить» и «использовать» – это антонимы. Наоборот, если юноша и девушка действительно дорожи друг другом, то придя в храм, могут помолиться вместе друг о друге. Ведь молитва – это максимальное напряжение доброй воли человека, желающего добра другому человеку. Если ваши глаза и глаза любимого вами человека будут

направлены на одну и ту же икону, еще одна ниточка соединит вас друг с другом. Как говорил древний подвижник авва Дорофей, люди подобны точкам на окружности, центром которой является Бог. Если люди будут просто двигаться по окружности, то, приближаясь к одному соседу, они будут отдаляться от других. Но если они вместе двинутся к центру – то сократится и расстояние между ними.

Просветительская деятельность штатного помощника благочинного по религиозно-образовательному и катехизическому служению: методическое пособие / С.В. Веретенникова, Т.Ф. Зинченко, О.В. Шишкина; под общ. ред. С.В. Веретенниковой. – Воронеж: Издательство ВГПУ, 2015. – С. 70-86.

Материалы к теме 7
ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ОСНОВ
ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ

Леонид Александрович Успенский
На путях к единству?

Приведем здесь свидетельство о воздействии западного религиозного образа в духовном, молитвенном плане. Речь идет о личном опыте протоиерея Сергия Булгакова в результате двух его встреч с Сикстинской Мадонной. В первом случае о. Сергий Булгаков был неверующим марксистом, и картина произвела на него сильное, не только художественное, но главным образом, эмоциональное впечатление: он увидел в ней образ Мадонны. Вторая встреча произошла, когда он был уже православным священником. Снова увидев Сикстинскую Мадонну, он пишет:

«... С трудом от волнения поднимаю глаза. Первое впечатление было, что я не туда попал и передо мной не Она <...>. К чему таить и лукавить? Я не увидел Богоматери. – Здесь – красота, лишь дивная человеческая красота, с ее религиозной двусмысленностью, но ... безблагодатность. Молиться перед этим изображением? – да это хула и невозможность! <...> Грядет твердой человеческой поступью по пустым, тяжелым облакам, словно по талому снегу, юная мать с вещим младенцем. Это, может быть, даже не дева, а просто прекрасная молодая женщина, полная обаяния, красоты и мудрости. Нет здесь девства, а наипаче Приснодевства, напротив, царит его отрицание – женственность и женщина, пол <...> В ведении этого соотношения ослепительная мудрость православной иконы: я наглядно почувствовал и понял, что это она обезвкусила для меня Рафаэля вместе со всей натуралистической иконографией, и она открыла глаза на это вопиющее несоответствие средств и заданий. В аскетическом символизме строгого иконного письма ведь заключается, прежде всего, сознательное отвержение и преодоление этого натурализма <...> Поэтому икона не имеет отношения к портретности <...>»

Этим определяется судьба всего Ренессанса, как в живописи, так и в скульптуре и архитектуре. Он создал искусство человеческой гениальности, но не религиозного вдохновения. Его красота не есть святость, но то двусмысленное, демоническое начало, которое прикрывает пустоту, и улыбка его играет на устах леонардовских героев <...>.

В изображении Мадонны неуловимо ощущается, действительно, мужское чувство, мужская влюбленность и похоть <...>. И снова думается невольно: как мудро, с какой безошибочностью поступает здесь церковная иконография, не делая уступок сентиментальности и не давая никакого поощрения чувственности <...>. И эта фамильярность с Божеством, это мистическое обмирщение подготовили то общее обмирщение, торжество языческого мироощущения, жертвою, а вместе орудием которого сделались деятели Ренессанса. Красота, двусмысленная и обольстительная, розовым облаком застилает здесь мир духовный, искусство же становится магией красоты. <...>

И мысли неслись, перебивая одна другую и споря. Ведь это же и есть свидетельство духовного состояния западного мира, более подлинное и убедительное, чем все фолианты богословия. Как оно могло появиться, оставшись незамеченным, это языческое человекобожие на месте святом? <...> Духовная болезнь потомков и наследников «бедного рыцаря» скрывается в творчестве Ренессанса, с его язычествующим христианством, в этих изображениях, писанных по воле пап для храмов, как иконы, и, однако, не допускающих к себе религиозного отношения <...>. Ведь то, что с такой остротой я почувствовал в Сикстине, это же самое имеет силу для всей религиозной живописи Ренессанса. Вся она есть очеловечение, обмирщение Божественного: эстетизм – в качестве мистики, мистическая эротика – в качестве религии, натурализм – как средство иконографии»³⁰.

Успенский Л.А. На путях к единству? / Л.А. Успенский // Философия русского религиозного искусства XVI–XX вв.: Антология / сост., общ. ред. и предисл. Н.К. Гаврюшина. – М.: Прогресс, 1993. – С. 364–366.

³⁰ Цит по: Булгаков С., прот. Автобиографические заметки. Париж. – С. 105–111.

Вопросы и задания

1. В чем выражается связь философско-богословского компонента культуры и его отражения в эстетике?
2. Автор говорит об «обмирщении Божественного». Как вы понимаете этот термин?

МАТЕРИАЛЫ К ЗАКЛЮЧЕНИЮ

Александр Семенович Шишков Рассуждение о любви к Отечеству

<...> Что такое Отечество? Страна, где мы родились; колыбель, в которой мы возлелеяны; гнездо, в котором согреты и воспитаны; воздух, которым дышали; земля, где лежат кости отцов наших, и куда мы сами ляжем. Какая душа дерзнет расторгнуть сие крепкие узы? Какое сердце может не чувствовать сего священного пламени? Самые звери и птицы любят место рождения своего. Человек ли, одаренный разумною душою, отделит себя от страны своей, от единоплеменников своих, и уступит в том преимущество пчеле и муравью? Какой изверг не любит матери своей?

<...> Итак, когда государство желает благоденствовать, то первое попечение его долженствует быть о воспитании юных чад своих. <...> Воспитание должно быть отечественное, а не чужеземное. Ученый чужестранец может преподавать нам, когда нужно, некоторые знания свои в науках; но не может вложить в душу нашу огня народной гордости, огня любви к отечеству, точно так же, как я не могу вложить в него чувствований моих к моей матери. Он научит меня Математике, Механике, Физике, но и самый честный из них и благонамеренный не научит меня знать землю мою и любить народ мой; ибо он сам сего не знает, не имеет нужных для меня чувствований, и не может их иметь: у него своя мать, свое гнездо, свое отечество. Любовь к оному почерпается не из хладных рассуждений, не из принуждений благовидности, нет! Она должна пламенною рекою литься из души моего учителя в мою, пылать в его лице, сверкать из его очей. Откуда иностранец возьмет сии чувствования? Он научит меня своему языку, своим нравам, своим обычаям, своим обрядам; воспалит во мне любовь к ним, а мне надобно любить свои. Две любви не бывают совместны между собою. <...> Он поведёт меня по своим городам, полям, путям, вертоградом; натвердит мне о своих забавах, играх, зрелищах, нарядах <...>. Таким образом, даже нехотя вложит в меня всё свое, истребит во мне всё мое, и сблизит меня со своими обычаями и нравами, удалит от моих. Я пойду за ним

шаг за шагом, и тогда когда бы надлежало мне с молоком матери моей сосать любовь к моему отечеству, приобретать с каждым днем возраста новую к нему привязанность, новую силу любви, <...> новый предлог гордиться и восхищаться славою его, новую причину веселиться и радоваться, что я рожден в нем; тогда сделает он, что все сии священные чувствования умрут или охладят во мне, и я только телом буду жить у себя, в родной стране моей, а сердцем и умом не чувствительно и по неволе переселюсь в чужую землю. Такое превращение <...> произведет во мне чужестранное воспитание без всякой вины воспитателя; ибо он не виноват, что любит землю свою больше моей. Что ж если положить еще в нем худые нравы, склонность к безверию, к своевольству, <...>? Тогда для образования моей наружности, при малейшем поползновении моём к порокам, вложит он в меня такую душу, от которой Бог, вера и добродетель отвращают свое зрение. Народное воспитание есть весьма важное дело, требующее великой прозорливости и предусмотрения. Оно не действует в настоящее время, но приготовляет счастье и несчастье предбудущих времен, и призывает на главу нашу или благословение или клятву потомков. Оно медленно приносит плоды, но когда уже созреют оные, тогда нет возможности удержать их от размножения: должно будет вкусить сладость их или горькость. Для посеяния чистых семян благоденствия надлежит, чтоб сан воспитателя был важен и почтен, не наружными почестями украшен, не телесною ловкостью приятен, но добрым именем и славою долговременно известен. Лучше простой человек с здравым рассудком и добрыми нравами, нежели ученый с развращенными мыслями и худым сердцем; лучше грубоват и пасмурен лицом, нежели статен телом, блестящ остроумием, но мрачен душою <...>.

Должно мне сказать еще нечто о природном языке всякой державы. Язык есть душа народа, зеркало нравов, верный показатель просвещения, неумолчный проповедник дел. Возвышается народ, возвышается язык; благоденствен народ, благоденствен язык. <...> Никогда развратный не может говорить языком Соломона: свет мудрости не озаряет утопающего в страстях и пороках. <...> Где нет в сердцах веры, там нет в языке благочестия. Где нет любви к отечеству, там язык не изъявляет чувств отечественных. <...> Одним словом язык есть мерило ума, души и свойств на-

родных. Он не может там цвести, где ум послушен сердцу, а сердце слепоте и заблуждению. Но где добродетель вкоренена в душах людей, где всякому любезен язык правоты и чести, там, не опасаясь стрел невежества и клеветы, растут и зреют одни только плоды наук и трудолюбия. <...>

Итак, природный язык есть не только достоинство народа, не только основание и причина всех его знаний, не только провозвестник дел его и славы, но купно и некий дар, к которому, хотя бы и не рассуждать о нем, природа вложила в нас тайную любовь; и если человек теряет сию любовь, то с ней теряет и привязанность к отечеству, и совершенно противоборствует рассудку и природе.

Из всех сих рассуждений явствует, что *вера, воспитание и язык* суть самые сильнейшие средства к возбуждению и вкоренению в нас любви к отечеству, которая ведет к силе, твердости, устройству и благополучию.

Шишков А.С. Рассуждение о любви к Отечеству / А.С. Шишков // Избранные труды / А.С. Шишков; [сост., автор вступ.ст. и коммент. В.С. Парсамов]. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – С. 257–277.

Вопросы и задания

1. Александр Семенович Шишков жил на рубеже XVIII–XIX веков, когда привлечение «чужеземных» педагогов было распространено на территории России. В своих рассуждениях автор показывает опасность этой практики для будущего российского государства. Как вы считаете, в первой четверти XXI века имеет ли молодой российский учитель сходство с «чужеземным»? Обоснуйте свою позицию.

2. Патриотизм – это любовь к отечеству. Но любить можно лишь то, что тебе близко; что ты знаешь. Невозможно, по-настоящему, любить абстрактное, далекое, выдуманное. Подготовьте рассказ о том, что вам дорого в вашей малой родине; что Вы знаете об освобождении ее от немецко-фашистских войск; в честь кого названы улицы вашего города/поселка/села. Постройте ассоциативный ряд со словом «отечество».

3. Александр Семенович Шишков (1754–1861) – государственный деятель, министр народного просвещения, адмирал – утверждает, что «вера, воспитание и язык» выступают сильнейшими средствами к воспитанию патриотизма. Другой видный мыслитель о вопросах образования – Константин Дмитриевич Ушинский (1824–1870) – утверждает, что первостепенное значение для подрастающего поколения имеет пятерка ЗУНов: «*умение читать, писать и считать, знание оснований своей религии и знание своей родины*». И «без этого нельзя сделать никакого серьезного шага вперед»³¹. Чья позиция вам более близка? Обоснуйте ответ. Актуальны ли выводы Шишкова и Ушинского сегодня?

*Лейла Тахировна Потанина,
Татьяна Владимировна Склярова*

**Смыслопорождающая деятельность педагога
как средство духовно-нравственного развития
личности младшего школьника**

<...> Важнейшим критерием качественного образования, наряду с широтой и глубиной получаемых школьниками научных знаний, системой социальной значимых умений, выступает система ценностных отношений школьника к самому себе, другому человеку и окружающему миру. Увеличение объема информации, многофункциональность и многопредметность процесса обучения не способствуют формированию в сознании учащихся целостного образа мира и способствуют преимущественно развитию узконаправленного мышления. По справедливому замечанию Д.Б. Эльконина, «образовательные задачи обучения могут быть хорошо выполнены, если реализованы на высоком уровне его воспитательные функции»³². <...>

³¹ См. работу Ушинского «Как сделать русские школы русскими», помещенную в первый раздел данной хрестоматии.

³² Эльконин Д.Б. Психология обучения младшего школьника / Д.Б. Эльконин // Психическое развитие в детских возрастах: избр. псих. труды; под ред. Д.И. Фельдштейна. – М., 1997. – С. 249.

Закон развития детской психики обладает четкой направленностью: сначала ребенок ориентируется в смыслах человеческой деятельности и лишь после этого переходит к освоению собственно операционно-технических навыков, составляющих эту деятельность. Образно говоря: «Вначале был смысл, а затем рождается деятельность, реализующая этот смысл».

<...> В работе «Психология обучения младшего школьника» Д.Б. Эльконин четко заявляет о недооценивании воспитывающего значения обучения, его функции в формировании личности и предупреждает об опасности ее превращения в индивидуалистически направленную деятельность. В связи с этим он пишет: «К сожалению, очень часто, говоря об обучении, имеют в виду только его чисто образовательные функции, т.е. формирование у учащихся предусмотренных программой знаний и навыков. Это ограниченное представление об обучении. Своим содержанием и формой организации обучение и воспитывает, т.е. формирует определенные свойства и черты личности человека...»³³.

Учебная деятельность является для развивающейся личности первым видом деятельности, в которой личность ничего не меняет, объектом изменений становится сам человек. Изменение ума как суть и содержание учебной деятельности – есть один из значимых процессов духовно-нравственного развития личности. Показательно, что в греческой культуре слово «метанойя» имеет два равноценных значения – изменение ума и/или покаяние (деятельность по самоизменению). Какими смыслами будет наполняться учебная деятельность младшего школьника, зависит целиком от позиции взрослого человека, организующего и направляющего эту учебную деятельность. <...>

В процессе обучения ребенку предъявляется большое количество конкретных фактов, обобщение которых помогает выявить суть некоего единого явления жизни. При таком подходе каждый изучаемый факт есть не что иное, как форма более общего одного явления, существующего объективно и закономерно. Единство восприятия школьниками разрозненной мозаики фактов и события связано не столько с применяемыми педагогом дидактическими средствами и методами, сколько с ценностно-смысловыми ориентирами

³³ Там же. С. 249.

познавательного процесса, являемыми в деятельности педагога. Эта деятельность педагога называется смыслопорождаемой деятельностью; является ведущей в процессе духовно-нравственного воспитания и развития младших школьников. Смыслопорождающая деятельность направлена на преобразование «обыденного мира», и как результат – включение его в пространство иного качества – «бытийное пространство». <...>

Смыслопорождающая деятельность педагога способствует *расширению образовательного пространства*. Это значит, что развитие нравственной сферы личности современного школьника выходит за пределы воспитательных мероприятий, пронизывая всё пространство жизнедеятельности школьника – межличностное взаимодействие, труд, спорт, взаимодействие с природой и искусством, учебный процесс.

<...> По сути дела, речь идет о мышлении педагога, которое превращает каждый познавательный акт в жизни школьника в переживание и проживание нравственных и этических ценностей.

Потанина Л.Т. Смыслопорождающая деятельность педагога как средство духовно-нравственного развития личности младшего школьника / Л.Т. Потанина, Т.В. Складорова // Вестник Иркутского государственного университета. Серия «Психология». – 2016. – Т.18. – С. 74–81.

Вопросы и задания

1. Соответствует ли смыслопорождающая деятельность педагога требованиям профессионального стандарта педагогического работника? Ответ обоснуйте.

2. Может ли помочь смыслопорождающая деятельность педагога в достижении результатов, предъявляемых ФГОС начального общего образования? Ответ обоснуйте.

3. Известны ли вам из истории педагогики и образования примеры смыслопорождаемой деятельности педагога? Назовите их.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андерсен, Х.К. Снежная королева [Текст] / Х.К. Андерсен // Собрание сочинений : в 4 т. / Х.К. Андерсен. – М. : Вагриус, 2005. – Т. 1. – С. 345–380.
2. Библейские легенды [Текст] / пересказ М.А. Письменного; вступление К. Андерсон; илл. Г. Доре. – М. : Детская литература, 1992. – 288 с.
3. Библия. Синодальный перевод [Электронный ресурс]. – Режим доступа: bible/rst-jbl/deu-17.3
4. Веретенникова, С.В. Просветительская деятельность штатного помощника благочинного по религиозно-образовательному и катехизическому служению: методическое пособие [Текст] / С.В. Веретенникова, Т.Ф. Зинченко, О.В. Шишкина; под общ. ред. С.В. Веретенниковой. – Воронеж : Издательство ВГПУ, 2015. – 108 с.
5. Выступление Президента РФ В.В. Путина на праздничном мероприятии по случаю 1030-летия Крещения Руси 20 июля 2018 года [Электронный ресурс] // Президент России: официальный сайт – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/58123>.
6. Выступление Патриарха Московского и всея Руси Кирилла на праздничном мероприятии по случаю 1030-летия Крещения Руси 28 июля 2018 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Московского Патриархата. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5244437.html>.
7. Гоголь, Н.В. Собрание сочинений : в 8 т. [Текст] / Н.В. Гоголь. – М. : Правда, 1984. – Т. 7. – 530 с.
8. Дорофеева, Т.В. Модернизм как социокультурное явление и духовно-нравственное воспитание молодежи [Текст] / Т.В. Дорофеева // Известия ВОИПКипРО. – Воронеж : ВОИПКипРО, 2009. – Вып. 20. – С. 66–78.
9. Ельницкий, К.В. Из записной тетради старого учителя: педагогические заметки [Текст] / К.В. Ельницкий. – СПб. : Издание М.М. Гутзаца, 1913. – 60 с.

10. Зеньковский, В.В. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии [Текст] / В.В. Зеньковский. – М. : ШКОЛА-ПРЕСС, 1996. – 272 с.

11. Иларион (Алфеев), митрополит. Теология и преподавание религии в школе : доклад на пленарном заседании конференции «Духовно-нравственное образование в современной школе: социально-философский, научно-педагогический и межрелигиозный аспекты», 14 февраля 2018 года, Москва, Центральный Дом ученых [Электронный ресурс] / Митрополит Иларион (Алфеев) // Официальный сайт Московского Патриархата. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4842536.htm>.

12. Иларион (Троицкий), священномученик. Преображение души [Текст] / Иларион (Троицкий); отв. ред. О.А. Платонов. – М. : Институт русской цивилизации, 2012. – 480 с.

13. Ильин, И.А. Я вглядываюсь в жизнь. Путь к очевидности [Текст] / И.А. Ильин. – М. : Эксмо, 2007. – 528 с.

14. Каптерев, П.Ф. Дидактические очерки [Текст] / П.Ф. Каптерев. – Петроград, 1915. – 434 с.

15. Копировский, А.М. Введение во храм: Очерки по церковному искусству [Текст] / А.М. Копировский. – М. : Культурно-просветительский фонд «Преображение», 2015. – 312 с.

16. Коротких Сергей, свящ. Мир Божий. Основы православной культуры и нравственности: материалы для школьных уроков : в 2-х ч. [Текст] / свящ. Сергей Коротких. – М., 2003. – Ч. I. – 152 с.

17. Кураев Андрей, дьякон. «Мастер и Маргарита»: за Христа или против? [Текст] / дьякон Андрей Кураев. – М. : Издательский Совет РПЦ, 2006. – 176 с.

18. Лихачев, Д.С. Письма о добром. Мысли о жизни [Текст] / Д.С. Лихачев. – М. : КоЛибри, 2014. – 576 с.

19. Ломоносов, М.В. Полное собрание сочинений : в 11 т. Т. 7. Труды по филологии 1739–1758 гг. [Текст] / М.В. Ломоносов. – М.; Л. : Издательство АН СССР, 1952. – 996 с.

20. Лука (Войно-Ясенецкий), свт. Дух, душа и тело [Текст] / святитель Лука (Войно-Ясенецкий). – М., 1996. – 54 с.

21. Лука (Войно-Ясенецкий), свт. Язык – огонь [Текст] / свт. Лука (Войно-Ясенецкий) // Воскресная школа. – 2000. – №19. – С. 3.

22. Метлик, И.В. Формирование методики преподавания православной культуры в контексте социокультурной эволюции российского общества и церковно-государственных отношений в сфере образования [Текст] / И.В. Метлик // Актуальные проблемы методики преподавания православной культуры : колл. монография. – М. : Изд-во ПСТГУ, 2016. – С. 7–37.

23. Митрофан (Баданин), епископ. Правда о «русском» мате [Текст] / еп. Митрофан (Баданин). – СПб. : Библиополис, 2015. – 32 с.

24. Непомнящий, В.С. Пушкин. Избранные работы 1960-х – 1990-х гг. : в 2 т. [Текст] / В.С. Непомнящий. – М. : Жизнь и мысль, 2001. – Т. II. – 492 с.

25. Никифоров-Волгин, В.А. Дорожный посох: Избранное . [Текст] / В.А. Никифоров-Волгин; сост., предисл. и коммент. С. Исакова. – М. : Русская книга, 1992. – 365 с.

26. Остапенко, А.А. Воспитание небытием или воспитание подлинностью? [Текст] / А.А. Остапенко // Известия Воронежского государственного педагогического университета. – 2014. – №2(263). – Серия «Педагогические науки». – С. 52–54.

27. Остапенко, А.А. От кризиса языка к хаосу в головах. Языковые интервенции как причины духовной деградации молодежи [Текст] / А.А. Остапенко, Т.А. Хагуров // Покров. – 2017. – №1. – С. 74–78.

28. Панарин, А.С. Постмодернизм и глобализация: проект освобождения собственников от социальных и национальных обязательств [Текст] / А.С. Панарин // Вопросы философии. – 2003. – №6. – С. 16–36.

29. Попов Василий, прот. Православное понимание нравственности [Текст] / протоиерей Василий Попов // Формирование нравственных ценностей у детей и молодежи через духовно-нравственное просвещение : материалы Вторых педагогических чтений (8–9 апреля 2011 г.) / сост. С.В. Веретенникова. – Воронеж, 2011. – С. 14–19.

30. Потанина, Л.Т. Смыслопорождающая деятельность педагога как средство духовно-нравственного развития личности младшего школьника [Текст] / Л.Т. Потанина, Т.В. Складорова // Вестник Иркутского государственного университета. Серия «Психология». – 2016. – Т. 18. – С. 74–81.

31. Программа духовно-нравственного просвещения в общеобразовательных учреждениях Воронежской области [Текст] / Утверждена Приказом Главного управления образования Воронежской области от 27.12.2001. №375.

32. Сальвестрони, С. Библейские и святоотеческие источники романов Достоевского [Текст] / С. Сальвестрони. – СПб. : Академический проект, 2001. – 187 с.

33. Склярова, Т.В. Конструирование учебных материалов по православной культуре [Текст] / Т.В. Склярова // Актуальные проблемы методики преподавания православной культуры : колл. монография. – М. : Изд-во ПСТГУ, 2016. – С. 61–97.

34. Слободчиков, В.И. Психология человека: введение в психологию субъективности : учеб. пособие для вузов [Текст] / В.И. Слободчиков, Е.И. Исаев. – М. : Школа-Пресс, 1995.

35. Тростников, В.Н. История человечества есть история цивилизаций [Текст] / В.Н. Тростников // Православная цивилизация / В.Н. Тростников. – М., 2004. – 272 с.

36. Ушинский, К.Д. Собрание сочинений : в 11 т. Т. 2. Педагогические статьи 1857–1861 гг. [Текст] / К.Д. Ушинский. – М.; Л. : Издательство Академии педагогических наук, 1950. – 656 с.

37. Ушинский, К.Д. Собрание сочинений : в 11 т. Т.3. Педагогические статьи 1862–1870 гг. [Текст] / К.Д. Ушинский. – М.; Л. : Издательство Академии педагогических наук, 1950. – 692 с.

38. Ушинский, К.Д. Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии [Текст] / К.Д. Ушинский // Собрание сочинений : в 11 т. – М.; Л. : Издательство академии педагогических наук, 1952. – Т. 8–10.

39. Фельдштейн, Д.И. Глубинные изменения детства и актуализация психолого-педагогических проблем развития образования [Текст] / Д.И. Фельдштейн. – СПб. : СПбГУП, 2011. – 36 с.

40. Философия русского религиозного искусства XVI–XX вв. : Антология [Текст] / сост., общ. ред. и предислов. Н.К. Гаврюшина. – М.: Прогресс, 1993. – 399 с.

41. Франкл, В.Э. Доктор и душа [Текст] / В. Франкл; перев. с англ. А.А. Бореев. – СПб. : Ювента, 1997. – 288 с.

42. Франкл, В.Э. Основы логотерапии. Психотерапия и религия [Текст] / В. Франкл. – СПб. : Речь, 2000. – 286 с.

43. Черванева, В.А. Язык и культура славян: практика анализа текстов славянской письменности : учеб. пособие [Текст] / В.А. Черванева. – Воронеж : ВГПУ, 2015. – 164 с.

44. Шишков, А.С. Избранные труды [Текст] / А.С. Шишков; сост., автор вступ. ст. и коммент. В.С. Парсамов. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – 718 с.

Учебное издание

ХРЕСТОМАТИЯ ПО ОСНОВАМ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ

*Учебное пособие
для студентов бакалавриата, обучающихся по направлению
44.03.01 «Педагогическое образование»,
профиль «Начальное образование»*

Составитель:
ВЕРЕТЕННИКОВА Светлана Викторовна

В авторской редакции
Изготовление оригинала-макета: *М.В. Бондаренко*
Подписано в печать 08.07.2019. Формат 60×84¹/₁₆. Бумага офсетная.
Печать трафаретная. Гарнитура «Таймс». Усл. печ. 15,5. Уч.-изд. л. 14,42.
Заказ 110. Тираж 60 экз.
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Воронежский государственный педагогический университет».
Отпечатано в издательско-полиграфическом центре ВГПУ.
394043, г. Воронеж, ул. Ленина, 86. Тел. (473) 2-55-58-32, 2-55-61-83.